

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

4

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1980

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

4

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1980

СОДЕРЖАНИЕ

- Андрей СЕРБА — Выиграть время . . . 2
- Владимир МАЛОВ — Тот, кто вернется! . 56
- Эрл Стенли ГАРДНЕР — Дело очарователь-
ного призрака . . 72

№ 118

Д В А Д Ц А Т Ы Й Г О Д И З Д А Н И Я

© «Искатель», 1980 г.

АНДРЕЙ СЕРБА

ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ

ПОВЕСТЬ

В великокняжеском замке цвели розы. Между кустами с заступом в руках медленно прохаживался, припадая на одну ногу, маленький худенький человек. Большая голова, приподнятое к самому уху левое плечо, сморщенное детское личико с жидкой седой бороденкой, кроткий смирный взгляд — ничего, кроме чувства жалости, не могла вызвать эта фигура у постороннего наблюдателя.

Но у тех, кто хоть немного знал этого человека, упоминание о нем вызывало ужас. Потому что это был сам боярин Адомас, ближайший советник и наставник великого литовского князя Ягайлы, сына недавно умершего Ольгерда.

Адомас с детства мечтал о воинской карьере, но несчастный случай — его изорвали вырвавшиеся из сарая псы — сделали эту его мечту несбыточной. Маленький калека стойко перенес удар судьбы. Повзрослев, он стал служить Ольгерду чем только мог, и вскоре природный ум и сметка, усиленные обостренным чувством зависти и ненависти ко всему живому и здоровому, вначале приблизили его к великому князю, а затем сделали незаменимым и для его сына.

Звуки шагов заставили Адомаса встрепенуться, повернуть голову. На дорожке, посыпанной мелким речным песком, остановился слуга.

— Боярин, тебя хочет видеть Богдан, воевода русского князя Данилы.

И хотя Адомас меньше всего ожидал услышать такое известие, на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Скажи воеводе, что я жду его.

Боярин проводил взглядом удаляющегося слугу, снова облокотился на заступ. Князь Данило и воевода Богдан... Знакомые имена. От одного только воспоминания о них бушевала в душе ярость.

Уже почти полтора столетия прошло, как Литва, спасенная от татарского нашествия русским мечом и русской кровью, воспользовавшись ослаблением Руси, захватила часть ее земель. С тех пор и существуют в Литовском великом княжестве, кроме своих, литовских, и русские князья и бояре, с того времени и говорит больше половины его населения по-славянски. Вот уже полтора века почти две трети территории Литовского княжества составляют некогда русские земли.

Но не смирились с этим гордые и свободолюбивые русичи, много крови испортили они за это время литовским князьям и их верным слугам, немало бессонных и тревожных ночей доставили и ему, боярину Адомасу. И среди этих непокорных русичей, с трудом терпящих над собой власть Литвы, были князь Данило со своим воеводой Богданом.

Что могло понадобиться русскому воеводе? Наверное, опять пришел жаловаться на своих соседей, литовских бояр. Это было бы совсем некстати. Потому что великий литовский князь за-

ключил недавно союз с ханом Золотой Орды Мамаем и со дня на день собирается двинуться на Русь. А для этого ему необходимы единение и дружба всех своих вассалов, и в первую очередь литовских и русских князей. Ведь Литве для похода так нужны полки и дружины воинственных и храбрых русичей.

В конце дорожки показался воевода. Он был во всегдашней своей чешуйчатой кольчуге, с мечом на поясе. Его скуластое лицо было сурово, под густыми черными усами хищно блестели влажные зубы. Плотный, крепкий, он был как десятки и сотни виденных Адомасом русских воинов, и лишь тяжелый властный взгляд под нахмуренными бровями да большая золотая гривна на шее отличали его от простых дружинников.

Подойдя к Адомасу, воевода слегка наклонил в полупоклоне голову.

— День добрый, боярин.

— День добрый и тебе, воевода. Что привело ко мне?

— Дело, боярин. И хочу о нем говорить с тобой без лишних глаз и ушей.

— Оставь нас, — повернулся Адомас к слуге, и тот послушно исчез.

— Боярин, твой слуга сказал, что ты занят. Я тоже спешу и поэтому буду краток.

— Что ж, воевода, время дорого всем.

— Верно, боярин. А потому ответь мне, помнишь ли ты о моей поездке с князем Данилой и боярином Векшей в Москву?

— Помню.

— А теперь скажи, думал ли ты, что мой князь и я вернемся тогда из Москвы снова в Литву?

Адомас прекрасно помнил, как около года назад русский боярин Боброк, ближайший сподвижник великого московского князя Дмитрия, пригласил в Москву на день ангела своей жены ее литовских родственников — князя Данилу и боярина Векшу. С ними с княжеской охранной сотней ездил и стоявший сейчас против него воевода. Многие тогда думали, что князь Данило останется в Москве навсегда, но тот вернулся, чем вызвал немало пересудов. Ломал себе голову над этим и он, боярин Адомас.

— Нет, воевода, не думал. И когда вы вернулись, был удивлен.

— И, конечно, стал допытываться обо всем у боярина Векши? И что же тебе сказал этот продажный пес?

— Он сказал, что князь Данило оказался верен Литве и своему великому князю.

— И ты поверил этому?

— Нет, не поверил.

В глазах воеводы мелькнула ироническая усмешка.

— И ты был прав. Князь Данило и боярин Боброк отлично знали, что за человек Векша, и остерегались его. Но зато они не остерегались меня. И потому только четыре человека знают, зачем князь Данило ездил в Москву и почему вернулся оттуда. Это великий московский князь Дмитрий, его мудрейший советник боярин Боброк, мой князь Данило и я.

Адомас с интересом посмотрел на воеводу.

— Три сановитых державных мужа и ты, простой воин? Кто поверит в это?

Но воевода совершенно не реагировал на ядовитое замечание, его лицо оставалось спокойным и бесстрастным.

— Опасаясь боярина Векши, который ни на шаг не отставал от князя Данилы, московский Дмитрий и Боброк, переодевшись в простое платье, сами ходили ночью в опочивальню моего князя. И на страже дверей всегда стоял только я, его ближайший воевода. А ты знаешь, боярин, что для того, кто очень хочет видеть и слышать, не существует стен и дверей.

Боярин прищурился, его маленькие глазки пронизывающе уперлись в лицо воеводы.

— Слуга, подслушивающий своего хозяина, уже изменяет ему, — осторожно заметил он.

— И ищет того, кому можно было бы продать его тайны, — спокойно, как и прежде, прозвучал голос воеводы. — Скажи, боярин, хотел бы ты стать пятым человеком, знающим сокровенные тайны твоих недругов в Москве и Литве?

— Великий князь Литвы Ягайло щедро наградит того, кто откроет ему планы московского Дмитрия, — ответил Адомас, глядя в лицо воеводы.

Тот поморщился.

— Боярин, мы оба знаем, что Литвой правят два человека: ты и потом уже великий князь. Поэтому я спрашиваю: что можешь ты обещать?

— Я не знаю еще цены твоего секрета.

Дрогнули усы воеводы, пробежала по губам презрительная усмешка.

— Боишься продешевить, боярин? Хорошо, слушай. Московский Дмитрий знает о литовском союзе с Мамаем и считает, что у Руси сейчас два врага: на юге — Орда, на западе — Литва. Но чтобы их разбить сразу, у Руси не хватит сил. И Дмитрий с Боброком решили бить своих врагов поодиночке. Они уже подняли на Мамая всю Русь, и с этой набывалой и грозной силой уничтожат вначале своего самого страшного и опасного врага — Орду. А потом, боярин, они примутся и за твоего великого литовского князя, старого врага Руси и союзника Мамая.

Вцепившись в рукоять заступа, Адомас жадно слушал воеводу.

— Но московский Дмитрий понимает, что вряд ли Литва будет спокойно смотреть на это. И потому московский Дмитрий и Боброк задумали вывести Литву из игры руками других ее врагов. Ты их знаешь, боярин. На юге это бесчисленные степные орды, не признающие власти золотоордынского хана, на западе — поляки, на севере — крестоносцы. Когда Ягайло покинет со своим войском Литву, все эти извечные его недруги по договору с Москвой двинутся на литовские кордоны. Их поддержат изнутри русские князья, а также те из литовской знати, кто давно уже недоволен Ягайлой.

Воевода замолчал, облизал губы, в упор посмотрел на Адомаса.

— Теперь и ты, боярин, знаешь то, что знает только мос-

ковский Дмитрий с Боброком да я с князем Данилой. Какова же цена моим словам?

Отведя свой взгляд от лица воеводы в сторону и глядя куда-то в пространство между двумя крепостными башнями, Адомас некоторое время молчал, затем на его губах появилась недоверчивая улыбка.

— Жизнь научила меня верить только делам и поступкам.

— Я знал, боярин, что ты не поверишь мне, а потому и пришел к тебе только сегодня. Ни днем раньше, ни днем позже. Был уверен, что потребуешь доказательств, а их у меня до сегодняшнего дня не было.

— А сейчас? — спросил Адомас.

— Суди сам, боярин. Три дня назад к князю Даниле ночью прискакало трое конных. Он ждал их у ворот, встретил и проводил на свою половину. Двоих я узнал, это доверенные люди боярина Боброка, те, от кого у него нет тайн и кто проводит в жизнь все его хитромудрые планы.

— Что же они делают у князя Данилы?

— Пока ничего, отсыпаются да отъедаются. Но князь Данило приказал мне держать постоянно наготове конную полусотню, а также подыскать верного человека, который хорошо знает дорогу в Польшу и к черкасам-ватажникам, а заодно понимает по-татарски. Такого человека я нашел, отборная полусотня днем и ночью при конях. Но для чего все это, мне пока неизвестно.

Адомас задумался, сжав рукоять заступа с такой силой, что побелели пальцы. Боярин Дмитрий Боброк-Вольнец! Был ли в мире еще хоть один человек, которого бы он, Адомас, так боялся и так ненавидел?

Выходец из волынской земли, попавшей после Батыева нашествия под власть великих литовских князей, Боброк не держал на своей родной земле чужого засилья и покинул ее. И после многолетних странствий нашел приют и спокойствие души на далекой московской земле, принеся туда как память о родине свое прозвище Боброк-Вольнец. Скоро он стал правой рукой и незаменимым советником великого московского князя. Был он честен, умен и храбр, знал несколько языков, мог читать латинские и цесарские книги. Бывал в разных далеких землях, много видал страшного и поучительного.

Адомас поднял голову, глянул на собеседника.

— Я не верю тебе.

И снова русский воевода остался невозмутим.

— Я предвидел и это, боярин. Вот тебе подходящий случай проверить мои слова. Каждая птичка рано или поздно возвращается к своему гнезду. Я могу показать людей Боброка твоим слугам, а что делать дальше, не мне тебя учить. После того как ты решишь, можно ли мне верить, мы и продолжим наш разговор. Тебя это устраивает, боярин?

— Но ты еще не сказал, что хочешь получить за свою верную службу.

Воевода плотно сжал губы, взгляд его стал тяжелым.

— Боярин, князь Данило стар и тоже одинок, как и я. И если не станет его...

— Великий князь Литвы и я обещаем тебе это, воевода, — сразу ответил Адомас.

Он мог обещать все, что угодно. Он был уверен, что до выполнения обещаний дело никогда не дойдет, и воевода попросту не успеет воспользоваться плодами своего предательства.

— Благодарю, боярин. Скажи, где и когда ждать мне твоих людей?

— Они будут у тебя сегодня ночью. Узнаешь ты их вот по такому перстню...

Выйдя из великокняжеского цветника, воевода подошел к группе поджидавших его дружинников, вскочил в седло.

— К князю, — бросил он сотнику.

Но выехать из замка им удалось не сразу: в крепостные ворота въезжала целая кавалькада всадников. Впереди на рослом буланом жеребце восседал преисполненный важности боярин Векша. На нем был роскошный жупан, на голове золоченый шлем с султаном из перьев, на боку усыпанный самоцветами меч. По бокам боярина на белых тонконогих аргамаках ехали его два сына, молодые, статные, с лихо закрученными усами.

— Не русский боярин, а прямо аломанский князь, — презрительно заметил стоявший рядом с воеводой сотник. — Спеси-то сколько. А ведь ни умом, ни воинской доблестью боярин никогда не блистал.

— Зато его младший сын — добрый рубака, — сказал воевода. — Я дважды ходил с ним на крестоносцев. Жаль будет, если такой молодец пойдет по дорожке своего отца.

— Старший уже пошел, — сказал сотник. — Я был вместе с ним на ляхском порубежье, знаю.

Проводив глазами последние ряды конной дружины, следующей за своим боярином и его сыновьями, воевода вытянул коня плетью.

— Домой, сотник, домой. Князь Данило ждет нас.

2

Отложив в сторону манускрипт, Адомас медленно окинул взглядом представшего перед ним слугу. Усталое, осунувшееся лицо, исцарапанные ветвями деревьев руки, покрытые пылью сапоги. Это был один из тех слуг, которых он посылал к воеводе Богдану с приказанием следить за московскими лазутчиками.

— Я слушаю тебя, Казимир.

Слуга хорошо знал привычки своего господина, и поэтому его рассказ был краток.

Воевода Богдан сделал все, что обещал. Прибывших литовских согладатаев он выдал за новых княжеских дворовых. Сам же Казимир попал даже в челядь, что обслуживала московитов. И когда двоим из них пришло время покидать княжескую усадьбу, воевода выделил его в провожатые. Звериными тропами он провел московитов в Черное урочище. И когда они отпустили его, пошел не обратно, а за ними. Так он попал в лесной лагерь московитов.

— Я родился и вырос в этих местах, боярин. Я змеей прополз мимо их секретов и очутился на краю большой поляны. Посреди нее горел костер, и вокруг сидело несколько человек. Но я узнал только одного, к которому подошли вновь прибывшие. Я вначале даже не поверил своим глазам, даже ущипнул себя. Потому что этим человеком был сам боярин Боброк-Волынец.

Адомас дернулся, и в стоявшем рядом канделябре заплескало пламя свечей.

— Врешь, холоп, — прошипел он, подавшись всем корпусом вперед, — откуда тебе знать боярина Боброка?

— Боярин, ты несколько раз посылал меня с тайными письмами в Москву. Там три или четыре раза я и видел боярина Волынца.

Откинувшись на спинку кресла, Адомас старался унять охватившую его дрожь.

— Дальше...

— Я потихоньку отполз от лагеря Боброка и направился к ближайшей нашей засаде. Я привел ее к поляне, приказал тайно следить за москвитами и лишь после этого поскакал к тебе.

Адомас выпрямился в кресле, пристально глянул на слугу.

— Что еще скажешь о москвитях? Сколько их, каковы собой?

— На поляне их было человек тридцать. Но боярин Боброк осторожен и, конечно, расставил стражу. Думаю, что всего наберется их душ пятьдесят. Все конны и оружны, в бронях и кольчугах.

— Что видел еще на поляне?

— Видел два воза. Стояли возле костра, и ходила вокруг них стража с копьями.

— Возы? — насторожился Адомас. — Что за возы? Откуда? С чем?

Казимир пожал плечами.

— Не знаю, боярин. Возы как возы. Такие почти в каждом хозяйстве имеются. Оба с поклажей, обшиты поверх рядном и перевиты веревками. И кони из упряжек рядом пасутся.

Адомас задумался. Значит, воевода Богдан сказал правду. Боброк не в Москве, не с московским Дмитрием, а здесь, на литовском порубежье. Что ему надо? Неужели его присутствие для князя Дмитрия сейчас важнее здесь, в Литве, чем в самой Москве или на кордонах со степью? Что в тех двух возах, которые даже при Боброче окружает стража?

— Я хочу сам увидеть Боброка, — сказал он.

— Боярин, если мы выступим сейчас же, то будем у ночного становища москвитов только к вечеру.

— Выступим сейчас же. Предупреди об этом всех, кого нужно. И пусть будут наготове три конные сотни великокняжеской стражи. Иди.

Он проводил глазами уходящего Казимира и позвонил в колокольчик.

— Прикажи оседлать моего коня и помоги мне переодеться, — сказал он тотчас вошедшему дворецкому.

Как и говорил Казимир, на место лагеря Боброка они прибыли только к вечеру. Скакавший первым Казимир остановил коня перед остатками потухшего костра. С ветвей одного из деревьев, окружавших поляну, прыгнул человек и подбежал к нему.

— Туда, — коротко сказал он, указывая рукой направление.

Но его слова были излишни, потому что в ту сторону вели две глубокие борозды от колес. Быстро осмотрев пустую поляну, на которой не было обнаружено ничего заслуживающего внимания, отряд двинулся по оставленной колее. Впереди всех шел напарник Казимира, поджидавший их прибытия на дереве, за ним ехал сам Казимир с десятком латников, и лишь затем на рослой, с огромным крупом кобыле ехал боярин Адомас. И хотя вместо обычного седла под ним было что-то среднее между седлом и мягким стульчиком, дорога его изрядно утомляла. У него ломило позвоночник, болели тазовые кости и бедра, к горлу подкатывал и не давал дышать сухой першистый комок.

Однообразие медленного движения начало постепенно укачивать боярина. После бессонной ночи он все чаще закрывал глаза, и вдруг внезапно остановившаяся кобыла чуть не заставила его вылететь из седла-кресла. Схватившись за рукоят длинного охотничьего ножа, боярин повел глазами по сторонам и вздрогнул. Прямо под копытами лошади лежали один возле другого три трупа. Соскочивший с коня Казимир уже нагнулся над ними.

Это были те его люди, которых он оставлял на поляне и которые после ухода отряда Боброка пошли за ним следом. Все трое были поражены стрелами. С холодком, невольно пробежавшим по коже, Казимир отметил про себя меткость стрелков. Да, встреча с такими ничего хорошего не сулила, и, не будь рядом боярина, он предпочел бы ехать подальше от головы колонны.

Приказав выслать вперед разведку, боярин пропустил мимо себя десятка полтора всадников и лишь потом тронул кобылу с места.

Следы привели на берег спокойно несущей свои воды лесной речушки. Низкие заболоченные берега густо поросли осокой и тальником, к чистой воде вела узенькая, прорубленная в кустарнике тропинка. В самом ее начале, посреди небольшой поляны, стояли два пустых распряженных веза. Рядом с ними на земле пузырилась гора брошенной холстины. Следы конских копыт вели по тропинке к воде, и на противоположном берегу, чуть ниже по течению, они виднелись снова, исчезая в береговом кустарнике.

Приподнявшись на стремянах, боярин зорко всматривался в пустынный берег, как вдруг неясный шум сбоку привлек его внимание. Обернувшись, он увидел, что возле одного из везов, спешившись, стоят двое его дружинников. Один, вцепившись товарищу рукой в горло, старался дотянуться до его руки, сжатой в кулак и отведенной назад.

Казимир, перехватив взгляд Адомаса, поднял коня на дыбы

и очутился возле дружинников. Свистнула плеть, обвилась вокруг сжатой в кулак руки. Кулак разжался, и на землю упало несколько тускло блеснувших кружочков. Казимир соскочил с коня, быстро подобрал их, подошел к наблюдавшему за ним боярину, протянул ему ладонь, на которой лежало несколько золотых монет. Адомас взял одну, поднес к глазам, его губы скривились в усмешке. Именно то, что он и предполагал, только услышав об этих возах. В его руках была золотая монета московской чеканки. Вот почему возы были так перевязаны и охранялись даже от своих людей.

— Спешили они, боярин. Видно, погони нашей опасались. Вот и зацепили мешком за сучок.

Адомас бросил монету в ладонь Казимира, вытер о конскую гриву пальцы.

— Обоих в железо. А как вернемся — в погреб, — отрывисто бросил он, даже не взглянув на провинившихся. — Или нет, постой, — с улыбкой остановил он бросившегося выполнять его приказание Казимира. — Пусть первыми идут на тот берег. И пусть не я, а бог будет им судьей.

Он с интересом смотрел, как оба дружинника медленно, один за другим, спускались по тропинке к воде. Цепочкой двигались за ними остальные всадники.

Что заставило его рывком натянуть поводья и нырнуть с конем в кусты, обступившие поляну, он точно сказать не мог. То ли расслышал звон летящей стрелы, или просто сработал инстинкт самосохранения, так сильно развитый в нем с детства. Но, прежде чем посланные вперед дружинники стали падать с коней, он был уже в кустах и выглядывал из-за ствола толстого дерева. Снова просвистели в воздухе стрелы, и еще двое воинов, взмахнув руками, повалились на землю. И прежде чем уцелевшие сумели вырваться из зарослей кустарника, еще двое из них были сбиты с коней.

Адомас зябко передернул плечами, вытер со лба холодный пот. Шесть стрел и шесть трупов. Да, Боброк знал, кого брать себе в попутчики.

— Боярин, я знаю эти места, — прозвучал у него над ухом голос Казимира. — Верстой ниже будет еще один брод. Если разрешишь, я незаметно переправлю там сотню и ударю на московитов сбоку. Мы зажмем их с двух сторон, и золото московского Дмитрия будет наше.

Золото, опять золото! Проклятый металл! Оно слепит людям глаза и отбирает у них последние крохи разума. Разве не ясно, что на противоположном берегу обыкновенное прикрытие, какой-нибудь десяток стрелков? И если все они такие лучники, то изрядно проредят отряд Адомаса еще до того, как дело дойдет до рукопашной.

А самое главное: из-за чего он должен рисковать? Особенно сейчас, когда солнце прячется за ветви деревьев и в лесу вот-вот наступит темнота. Тем более что он уже узнал все, из-за чего пустился в это рискованное преследование.

— Домой, в замок, — зло прошипел Адомас в лицо Казимиру.

Его разговор с великим литовским князем состоялся на следующее утро после возвращения в замок.

Ягайло внимательно выслушал Адомаса, ни разу не перебив и не задав ни одного вопроса. Нахмурив лоб, он некоторое время смотрел на боярина, затем отвел глаза в сторону.

— Ты брал с собой три сотни. Кто мешал тебе взять их десять? Кто мешал окружить весь лес, чтобы навсегда забыть о Боброке и его золоте?

— Великий князь, я хорошо знаю боярина Боброка. Таких берут не числом, а хитростью.

— Но тогда для чего у меня ты? — с иронией произнес Ягайло. — Чтобы не мешать Боброку разгуливать по Литве как по своей Москве?

— Великий князь, пока Боброк бежит от нас по лесу, он не страшен. Нам опасны его связи, письма, золото. Я окружу урочище, где он прячется, засадами и секретами, я направлю в лес своих лазутчиков. Я каждый день буду стягивать вокруг него свою петлю все туже и туже. И настанет час, когда он, живой или мертвый, будет в моих руках.

Ягайло фыркнул.

— Можешь не стараться, боярин. Не сегодня-завтра я двину войско на московского Дмитрия. Что тогда какой-то скитающийся по моим лесам москвит, будь он даже самым Боброком?

Адомас нервно провел рукой по лбу.

— Великий князь, насчет твоего похода я и пришел говорить с тобой.

— Говорить о походе? — удивился Ягайло. — А что ты смыслишь в воинском деле, боярин? И о чем нам говорить? У меня сейчас пятьдесят тысяч войска. Когда мой меч нависнет над Русью с запада, двинется с юга и Мамай.

— Великий князь, ты хорошо подсчитал свои силы. А знаешь силы своих врагов?

— На Псковщине всего пятнадцать тысяч русичей, на Брянщине — двадцать. Все остальные войска в Москве и Коломне. Они против Мамаю, которого Москва страшится пуще всего. Мне нечего бояться, боярин, я все рассчитал.

— Великий князь, ты видишь своего врага только на востоке. А разве нет их у тебя на юге, на западе, на севере?

— На литовских рубежах везде покой.

— Пока, великий князь. На русских кордонах тоже тишина, но разве не нависла над ними смертельная угроза? Я рассказывал тебе о моем разговоре с русским воеводой Богданом и о том плане, что замыслили против Литвы московский Дмитрий с Боброком. Я тогда не поверил воеводе, а сейчас верю. Иначе для чего появился в Литве сам боярин Боброк? Зачем с ним два воза московского золота? А может, были и другие возы? Куда золото идет из Москвы? Ясно, что к друзьям Руси, а значит, врагам Литвы. Но к каким? Откуда ждать Литве удара в спину, когда ты поведешь свои войска на Русь?

Ягайло зло сверкнул глазами.

— Я завтра же прикажу усилить свои западные и северные

крепости и гарнизоны. Я прикажу двинуть на границу со степью несколько конных полков. Я замкну все свои кордоны на крепкий замок.

В комнате раздался дребезжащий смехок Адомаса.

— Великий князь, и в результате ты лишишься десяти тысяч своих воинов. И у тебя для похода на Русь остается только сорок тысяч. А ведь ты не обменялся с московским Дмитрием еще ни одной стрелой, ни одним ударом меча...

— Пусть так, боярин. Но и с сорока тысячами моих воинов я отвлеку на себя десятки тысяч русичей. Разве это не будет помощью Мамаю?

И тогда в голосе Адомаса зазвучал металл.

— Великий князь, ты говоришь и думаешь только об Орде и о Мамае. Ты все твердишь о помощи татарскому хану, а представляешь ли ты, чем может обернуться эта помощь для тебя самого? Ты говоришь, что на Псковщине стоят пятнадцать тысяч русичей? Да, там стоят русские дружины, но во главе их полурусич-полулитовец — твой родной брат князь Андрей Полоцкий. На Брянщине стоят двадцать тысяч русичей, а их главный воевода опять-таки полурусич-полулитовец — твой родной брат князь Дмитрий Трубчевский. Не тысячи русских воинов на востоке твои враги, великий князь, а эти двое, такие же сыновья старого Ольгерда, твоего отца, как и ты сам, — князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. И опаснее этих врагов у тебя нет никого.

Великий князь вздрогнул, его лицо исказилось ненавистью, сложенные на груди руки сжались в кулаки.

— Боярин, ни слова об этих предателях, — прохрипел он. — Ни слова, прошу тебя...

Адомас внутренне рассмеялся, он всегда рассчитывал свой удар так, чтобы тот был как можно точнее и болезненнее. Он не ошибся и сейчас. Великий князь не мог терпеть даже упоминания о своих родных братьях, православных князьях Дмитрие и Андрее Ольгердовичах, вскоре после смерти их отца, прежнего великого литовского князя Ольгерда, перешедших на службу к московскому Дмитрию и ставших князьями в Брянске и Пскове. А сколько литовских и русских князей и бояр с менее известными именами тоже откололись от Литвы, признав над собой руку великого московского князя!

Глаза Ягайлы сузились от злости, по лицу пошли красные пятна.

— Проклятые изменники, из-за зависти ко мне и моему титулу они переметнулись к московскому Дмитрию.

— Нет, великий князь, не зависть к тебе заставила их покинуть Литву и уйти к Дмитрию. Их матерью была русская княгиня, с ее молоком они впитали любовь к Руси. Они с детства выросли в православии. И если ваш отец и ты видели в Руси врага и шли на нее с мечом, то они видели в ней друга и звали к союзу с ней. Они хотели, чтобы Русь и Литва, как две сестры, стояли вместе и против ордынского грабежа на востоке, и против папского нашествия на западе.

— Я согласен, что московский Дмитрий сделал хороший ход, выставив против меня моих же братьев. Но почему я должен бояться их, а не они меня?

— Великий князь, вы все трое сыновья Ольгерда. И пусть у вас были разные матери, но вы росли и воспитывались вместе, у вас были одни и те же друзья. Сейчас эти друзья детства стали литовскими князьями и боярами, твоими воеводами и придворными. Знаешь ли ты, что творится у них в душе? Чью сторону примут они, потерпи ты хоть малейшую неудачу в своей борьбе с Русью? И тогда я не знаю, на голове какого из сыновей старого Ольгерда очутится его корона.

Ягайло промолчал и отвернулся к окну. Затем снова донесся его глуховатый голос:

— Ты прав, боярин, я согласен с тобой. И давай больше не будем бередить старые раны.

— Хорошо, великий князь. Но помни следующее. Татарский Мамай будет сражаться только с Русью и московским князем Дмитрием. А ты обнажаешь меч против своих родных братьев, соперников на место великого литовского князя. И если Мамай, потерпев неудачу, лишается только богатой и лакомой добычи, то ты можешь потерять Литву и, возможно, жизнь. Помни всегда об этом, великий князь.

Адомас замолчал, и некоторое время в комнате висела тишина. Но вот фигура великого князя, неподвижно стоявшего у окна, сдвинулась с места, он снова сел за стол, подпер голову руками, его глаза остановились на стоявшем возле двери Адомасе.

— Я воин, боярин. Никто даже из моих врагов не упрекнет меня в трусости или неумении воевать. Но политика не моя стихия. Так скажи сейчас, что делать мне, великому князю Литвы, у которого со всех сторон только враги, а единственный союзник и друг — татарский хан, с которым не сегодня, так завтра я сам буду вынужден скрестить меч.

Огонек торжества мелькнул и тотчас погас в опущенных глазах боярина, волна радости разлилась по его телу, сразу притупив никогда не затихающую боль.

— Великий князь, я прошу тебя только об одном — не торопись. Влезть в драку всегда легче, чем выбраться из нее. Хан обещал прислать к тебе гонца, жди его, выслушай, что он скажет, и лишь тогда решай, как тебе поступить. А пока не спускай глаз со своих братьев, потому что неспроста стоят они на нашем порубежье. И запри на крепкий замок свои границы. Не торопись и жди...

4

Не только литовский князь Ягайло и его боярин Адомас ждали гонца из Орды. На несколько сот верст южнее, на той черте, где море северных лесов переходит в безбрежное раздолье южной степи, на вершине высокого кургана лежали трое. Одним из них был сотник князя Данилы Андрей, другим — московский сотник Григорий, пришедший в Литву вместе с Боброком. Третьим же был атаман той бесшабашной и воинственной, не признающей никого на свете свободолюбивой южнорусской вольницы, которая в то время начала формироваться на славянском порубежье со степью и которая через столетие войдет в историю всей Европы под именем казачества.

Над их головами высилась наскоро сложенная из бревен и жердей сторожевая вышка, на верху которой попеременно днем и ночью дежурил кто-то из дружинников сотника Андрея. У подножия кургана расположились остальные дружинники и несколько десятков людей атамана Дороша.

Все они тоже ждали гонца из Орды. Оба сотника хорошо помнили слова Боброка и князя Данилы, сказанные им на прощание. Несметные полчища хана Мамай уже двинулись на Русь и остановились у впадения в Дон реки Воронеж. Там Мамай решил разбить свой лагерь и собрать воедино все свое разноречное и разноречное воинство. Оттуда, из его ставки в устье Воронежа, несколько дней назад им посланы гонцы к своим союзникам — рязанскому князю Олегу и великому литовскому князю Ягайле. Содержание посланных им грамот выведать не удалось, но как это сейчас нужно Руси! Как необходимо знать, куда и какими силами собирается идти Мамай, когда он намерен выступить, как планирует использовать войска своих союзников.

И поскольку людям боярина Боброка не удалось узнать содержание грамот в Орде, обоим сотникам было приказано перехватить гонца, везущего послание в Литву.

Дозорные прискакали лишь на шестой день, к вечеру. Усталые, запыленные, с провалившимися от бессонницы глазами, с потрескавшимися на ветру губами. Они соскочили с коней у подножия кургана и, разминая затекшие от долгой скачки ноги, двинулись к сторожевой вышке. Но атаман и сотники уже сами спешили им навстречу.

— Ну? — строго спросил Дорош у старшего из них.

— Скачут, атаман, — еле слышно ответил тот. — Сотня их. Идем за ними от Гнилого ручья.

Дорош нахмурил брови, недоверчиво посмотрел на дозорного.

— А ничего не путаешь, казаче? Уж больно далеко они влево взяли. Как будто не в Литву, а в Польшу скачут.

— Они это, атаман, знаю я их проводника. Местный нагаец, давно в ордынских да литовских тайных делах замешан. А влево взяли потому, что боялись встретить московские дозоры, что вокруг Дона по степи рыщут. Мы сами их несколько раз видели.

— Сотня? — переспросил Андрей, попеременно глядя то на дозорного, то на Дороша. — Маловато что-то. Такая грамота и одна сотня охраны.

— А зачем больше? — спросил Дорош. — Главное для них — скрытность, а в таких делах чем меньше людей, тем лучше. Не на свои сабли, а на быстрых коней рассчитывают они.

— Идут каждый о двуконь, — продолжал дозорный. — Днем спят, скачут только ночью. Определили мы их не больше чем на два перехода.

— Где ждать их? — нетерпеливо спросил сотник.

— От Гнилого ручья на Литву две дороги. Когда станет ясно, какую они выберут, наши еще гонца пришлют. Они сейчас за степняками по следу идут.

— Не упустим?

— Никто лучше нас не знает этих мест, — улыбнулся До-

рош. — Мы здесь хозяева. Так что готовь своих кольчужников.

Но радость атамана была преждевременной. Около полуночи перед ним стоял еще один дозорный.

— Атаман, в одном переходе от тебя конники Ягайлы, — еле переведа дух и не соскочив даже с коня, залпом выпалил он. — Пятьсот мечей, держат путь в степь, ведут их три проводника-крымца.

Дорош нахмурился, зло дернул свой длинный ус.

— Что скажете, други? — спросил он, глядя на сотников. — Зачем пожаловали литовцы в наши края, что им здесь понадобилось?

— Неужели идут по нашему следу? — предположил Григорий.

— Мне сдается, что не из-за вас Ягайло погнал в степь своих латников, — задумчиво проговорил атаман. — И будь я проклят, если эта полутысяча не идет навстречу нашему гонцу из Орды.

— Сколько бы ни было литовцев и степняков, а грамоту мы должны добыть, — проговорил Андрей. — Не тебе объяснять, что она для Руси значит.

— Есть у меня думка, как оставить их в дураках, — усмехнулся Дорош.

Он подозвал к себе одного из ватажников, приказал сейчас же разыскать и привести к нему сотника Ярему. Через минуту сотник в полном снаряжении стоял перед Дорошем.

— Знаю, Ярема, что хитер ты как ведьмак, а потому умри, разорвись, а задержи литовцев хотя бы на день. Дразни их, не давай ночью отдыха, выматывай их коней, но задержи. Не подведешь, друже?

Скуластое, с плутоватыми глазками лицо сотника расплылось в улыбке.

— Ярема может черта за хвост поймать, а Ягайловых кобыл с галопа сбить ему все одно что по ветру плюнуть.

— Выступишь с рассветом, а сейчас отдыхай.

Когда сотник ушел, Дорош повернулся к Андрею и Григорию.

— И вам, други, советую то же, что и Яреме. Идите и ложитесь, потому что с солнцем поскачем и мы с вами. Пока Ярема будет морочить голову латникам, мы должны отбить грамоту...

Когда первые лучи солнца коснулись земли, степной курган был уже пуст. Лишь сиротливо торчала на его вершине одинокая сторожевая вышка да едва дымился потушенный наскоро костер...

Оба сотника скакали рядом с Дорошем, за ними растянулись ватажники атамана и дружинники Андрея. Они не проскакали и половины пути, как высланный вперед дозор вернулся обратно. Вместе с дозорными были и два неизвестных всадника. Один из них подъехал сразу к Дорошу, и они запросто похлопали друг друга по плечам, обнялись.

— Чем порадуешь, сотник? — спросил у него Дорош.

— Не знаю, атаман, порадую тебя или опечалю, да только залегли басурманы в спячку, как медведи. То скакали как уго-

релье, а вот уже день и две ночи сидят возле одного болотца и носа оттуда не показывают. Ждут, видать.

— Говоришь, в спячку ударились? — усмехнулся Дорош и весело подмигнул Андрею. — Пускай отдыхают, нам не жалко. Навалимся все разом — ни один не уйдет. И сделаем это в самую жару, когда всякую тварь в сон клонит...

В полдень они бесшумно сняли татарский секрет, ползком подобрались к ордынскому лагерю и по команде Дороша выпустили тучу стрел.

Андрей первым ворвался в единственный небольшой шатер, стоявший на берегу, принял на щит удар сабли прыгнувшей на него из полутьмы фигуры в полосатом халате, нанес удар мечом сам. И тотчас шатер затрещал под дружным напором снаружи, в него с разбега влетели Дорош и Григорий, на входе с копьем в руках встал сотник, встретивший их в пути.

— Их мурза, — кивнул он на лежавшую в шатре неподвижную фигуру в халате. — Для него одного и шатер везли, он в нем на всех привалах один от солнца прятался. Видать, важная птица.

— Да, птица важная, гонец самого золотоордынского хана, — сказал Дорош, выпрямляясь над трупом и держа в руках пергаментный свиток. — На грамоте печать самого Мамая.

Он протянул грамоту Григорию, сконфуженно улыбнулся.

— Держи, сотник. А то я три десятка годов за спиной оставил, а в грамоте ни черта не смыслю.

Григорий бросил меч в ножны, принял от Дороша грамоту. Сорвав с нее печать, он развернул свиток. Какое-то время молча смотрел на пергамент, затем нахмурился, зло заскрипел зубами.

— Тайнопись, одна цифирь. Без ключа ничего не поймешь.

Через его плечо в свиток заглянул Андрей, недоуменно перередернул плечами.

— Читаю по-русски и литовски, понимаю письмо фряжское и татарское, а такого еще не видывал. Ни одного слова, ни одной буквы, одна арифметика.

— Тайнопись это, — повторил Григорий, сворачивая пергамент. — Каждая цифирь — это буква, а вот какая — для этого ключ знать надобно.

— Боярин Боброк все знает, — уверенно сказал Дорош. — Князь Данило не раз гозорил, что Дмитрий Волынец всем хитростям обучен и все науки превзошел. А раз так, то грамоту быстрее к нему надо...

Но атаман переоценил способности Боброка. Получив грамоту и оставшись наедине с князем Данилой, Боброк долго смотрел на столбцы цифр, затем отложил пергамент в сторону.

— Что, боярин, зря охотились мы за этой писулькой? — спросил князь, кивнув на грамоту.

— Нет, князь. Знал я, что будет грамота с хитростью, и захватил с собой из Москвы одного ученого грека-схимника. Уж он действительно все тайны сущего постиг. Он и займется этой грамотой и цифирью.

— А если не осилит ордынского да литовского секрета?

— Тоже не беда. Такую же грамоту послали из Орды и рязанскому князю. А в Рязани у меня есть немало верных людей.

Они ее слово в слово князю Дмитрию в Москву передадут. У нас с тобой сейчас другая забота: доставить эту грамоту тому, кому она и предназначалась.

У князя Данилы от удивления округлились глаза.

— Вернуть грамоту Ягайле? Так зачем мы ее тогда отбивали?

— Отвечу, князь. Отбивая грамоту, мы узнали маршрут и систему связи между Ордой и Литвой. А через время, дай бог, мы сумеем прочитать и их тайнопись. А раз так, то мы, перехватив нужного нам гонца, узнаем самые важные для нас новости. Не за самой грамотой мы сейчас охотились, князь, а за тайной ордынского письма. Так что самая главная ордынская грамота у нас с тобой, князь, еще впереди. Понимаешь, меня?

— Понимаю, боярин.

— А раз так, то поймешь меня и дальше. Но чтобы Ягайло не заподозрил ничего неладного и не изменил свою тайнопись, нам и надо вернуть ему эту грамоту. И сделать это так, чтобы у него не возникло подозрений, что она побывала в наших руках.

— Но как это сделать, боярин? Посольство все перебито, голец без головы, печать с грамоты сорвана.

Боброк усмехнулся.

— Предоставь эту заботу мне, князь. Лучше скажи, есть ли у тебя человек, которому ты верил бы, как себе? Хочу послать его на опасное дело. Могут ждать его смерть и пытки, а потому и нельзя в нем ошибиться.

— Есть, боярин. Тот атаман, что отбил грамоту.

В глазах Боброка мелькнуло удивление.

— Ты говоришь о Дороше? Но что связывает тебя, родовитого русского князя, с безродным степным ватажником? Почему он у тебя в такой чести?

Князь Данило задумчиво потер переносицу.

— Ладно, боярин, слушай. Давно это было, пожалуй, десяток лет назад. Настигли раз в лесу мои слуги беглого холопа. Ловок был, крепко отбивался, двоих или троих рогатиной зацепил. Да только скрутили его мои молодцы и привели ко мне на расправу. Молчал он, волком на всех смотрел, да нам и не нужны были его слова. Потому что еще два дня тому назад были у нас люди боярина Векши и рассказали, что один их холоп из-за своей опозоренной невесты подстерег ее обидчика, молодого паныча, и хотел его жизни решить. Да только сумел тот, раненный, от него ускользнуть. За кровь моих слуг я мог сам этого холопа насмерть забить или дать псам порвать. А мог вернуть его на расправу к бывшему хозяину, боярину Векше. Да только не сделал я ни того, ни другого. Велел накормить, спрятать подальше от чужих глаз. А потом темной ночью дал ему коня, саблю, харчей на дорогу и проводил до степного порубежья. Не забыл он той встречи, боярин, однажды и меня от лихой беды спас. С тех пор и держимся мы друг друга, всегда на помощь один другому приходим. И если нужен тебе верный человек, положись на него смело.

Некоторое время Боброк раздумывал, потом медленно скал пергамент в свиток, положил сверху сорванную печать.

— Что ж, княже, если веришь ты ему, то мне верить и бог велел. А сейчас послушай, что за мысль мне в голову пришла...

Поглаживая свою пышную бороду, боярин Векша с нескрываемым интересом рассматривал стоявшего напротив него атамана Дороша. Да, сильно изменился за последнее время его бывший холоп. Пожалуй, ничего не осталось от вчерашнего смерда в этом бравом, плечистом молодце с дерзкими глазами.

— Что, боярин, не узнаешь? — с усмешкой спросил Дорош, вдоволь насмотревшись и сам на боярина.

— Узнал, как не узнать, — важно проговорил Векша. — А изменился ты знатно, никогда и не подумаешь, что мой беглый холоп.

Атаман весело блеснул зубами.

— Пустые слова говоришь, боярин. Не твой холоп я, а вольный человек и сам себе хозяин. Так что забывай при мне это слово.

Рука Векши замерла на бороде, он нахмурился.

— Кому дерзишь, холоп? По плетям соскучился?

Положив руку на рукоять сабли, Дорош громко рассмеялся.

— Очнись, боярин, где видишь ты своего холопа? — Дорош согнал с лица улыбку. — Еще раз говорю тебе, и запомни хорошо мои слова: казачий атаман Дорош стоит перед тобой, вольный человек, у которого только один хозяин — он сам. И не вспоминаяй прошлое, боярин, не береди мою душу. А то свистну — раскатают мои ватажники все твои терема по бревнышку.

Выпучив глаза, забыв закрыть рот от испуга, слушал боярин слова Дороша. И когда тот замолчал, Векша дрожащей рукой перекрестил вначале его, а затем себя.

— Да что это ты говоришь, атаман! Да разве поминаю я старое, заросло уже все быльем.

Дорош усмехнулся.

— Так будет лучше, боярин. Потому что совсем не о старом пришел говорить я с тобой. Сдается мне, что можем мы сейчас помочь друг другу в одном деле.

В глазах Векши зажглись огоньки любопытства, он выжидающе склонил голову набок. Дорош покосился на четверых слуг боярина, стоявших у двери, но Векша успокаивающе махнул рукой.

— Что при них сказано, то похоронено.

— Вольный человек я, боярин, а вольный человек не сидит на одном месте. Кормимся мы и живем тем, что господь бог и сабля острая нам посылают. И не разбираем в этом деле никого: ни фрягов, ни литвинов, ни ордынцев. Вот и третьего дня наткнулся мой дозор на одну татарскую сотню. И на самих татарах было кое-что из рухлядишки и воинского доспеху, да и шли они каждый о двуконь. Словом, решили мы, что лишние они в нашей степи.

По мере того как Дорош говорил, Векша все больше волновался. Несколько раз облизал свои толстые губы, глаза смотрели на атамана не мигая.

— Когда обшаривали мои хлопцы их главного, что один спал в шатре, то нашли при нем одну забавную штуковину.

Дорош сунул руку за свой широкий пояс, достал и протянул

Векше печать со шнуром от Мамаевой грамоты. Боярин схватил печать, поднес к своим глазам.

— Это печать самого великого золотоордынского хана Мама. — сказал с испугом. — Ее он ставит на свои личные грамоты. — В его глазах мелькнул ужас. — Значит, эту печать ты сорвал с ханской грамоты? Выходит, что твои разбойники перебили посольство самого Мама?

— Боярин, для нас все татары одинаковы, будь он самый знатный бей или последний ханский нукер. У нас с ними со всеми один разговор, как и у них с нами.

У Векши зашевелились на голове волосы, округлились глаза.

— Значит, у тебя и ханская грамота? — еле ворочая языком, прошептал он. — О боже, он вырезал все посольство и завладел грамотой и после этого является в мой дом, — схватился Векша за голову. — Да что подумает обо мне великий князь, если узнает?!

— Боярин, не будь бабой, — засмеялся атаман, беря из его рук печать со шнуром и снова сунув ее себе за пояс. — Чего боишься? Не ты побил татар, а я. И не тебе ответ держать. А потому не хнычь, а лучше выслушай, что я тебе скажу дальше.

— Дальше? Неужели ты думаешь, что я буду слушать тебя и дальше? После всего того, что ты уже наговорил мне.

— Будешь, боярин. Потому что выгоду от моих слов будем иметь мы оба. И я даже не знаю, кто из нас большую. Досталась мне при дележке добычи вот эта кольчуга. — Дорош ударил себя в грудь, которую обтягивала тонкая, венецианской работы кольчуга с серебристым отливом. — Богатая вещь, знатная, с самого ихнего бея сняли. А под такой доспех и конь добрый нужен, и шлем достойный. Загрустил было я. А тут мне эту грамоту приносят. Сорвал печать, глянул на письмена и хотел было ее в костер бросить. И вдруг на меня словно озарение снизошло. Ведь кому-то эта грамота писана, значит, кому-то она нужна. А ежели она идет из Орды, то, может, ее ждет сам Ягайло? Так почему бы мне, грешному, не сделать людям доброе дело?

Векша от волнения зажал свою бороду в кулак, зашмыгал носом, глазки его радостно заблестели.

— Правду говоришь, атаман, сущую правду. Люди мы все, христиане, и добро должны человекам творить.

— Вот и я тогда подумал об этом, — продолжал Дорош. — И сразу вспомнил тебя. У кого табуны лучше, чем у боярина Векши? Сам видел, пас их. Вот потому и решил повидаться с тобой, боярин, и решить это дело полюбовно и по-христиански. Вот тебе и весь мой сказ. Хочешь меняться — давай. А не хочешь — найду другого покупателя своему товару.

Сделав вид, что он думает над предложением Дороша, Векша какое-то время молчал, задумчиво глядя на носки своих сапог.

— Хорошо, атаман, пусть возьму я у тебя грамоту, а что скажу, если спросят, откуда она у меня? Ведь Мамай не мне ее давал, а моему гонцу, который порубанный в степи валяется.

— Что хочешь, то и говори, — беспечно ответил Дорош. — Какое мне дело до твоих слов. Я отнял грамоту у татарского

гонца, хочешь, скажи, что ты отнял ее у меня. Кто проверит?

Векша, решившись, рубанул рукой воздух.

— Уговорил, атаман, давай сюда грамоту.

Дорош рассмеялся.

— Не рановато, боярин? Когда будут конь и шлем, тогда будет и грамота.

— Дай посмотреть на грамоту, вдруг обманываешь ты меня.

— Э нет, боярин, — лукаво усмехнулся Дорош. — Лучше сделаем так: назначай место и время, где завтра встретимся, вот там и получишь ханскую грамоту. А сам приводи того аргамака, что я вчера под твоим Николаем видел. И привози вот этот аланский шлем с бармицей, что в углу стоит. Говори, где и когда встретимся?

— Давай у Старого дуба, прямо на поляне, — предложил Векша. — Надеюсь, то место ты еще не забыл?

— Помню, боярин. В полдень я с двумя хлопцами буду тебя ждать.

Боярин Векша прибыл на поляну ровно в полдень. Рядом с ним восседали на огромных конях два великана телохранителя. Закованные с головы до ног в доспехи, поперек их седел лежали копыя. Сам Векша тоже был в кольчуге и шлеме, левое плечо прикрыто щитом. Один из сопровождавших его воинов держал в поводу красивого, золотистой масти иноходца, к седлу которого был привязан затребованный Дорошем шлем.

Атаман и два его спутника уже ждали. Их вид был вполне дружелюбным и мирным и не вызвал у боярина никаких подозрений. Пока Дорош любовался конем и шлемом, Векша с любопытством рассматривал его спутников.

— Вижу, боярин, что сдержал ты свое слово, — наконец сказал Дорош, разворачивая коня рядом с Векшей. — А раз так, то вот тебе и грамота.

Он сунул руку за пазуху и протянул Векше пергаментный свиток, обвязанный шнуром с ханской печатью. Схватив грамоту, Векша тут же лихорадочно развернул ее.

— Что это? — с недоумением спросил он. — Я здесь ничего не понимаю.

— Что взяли у гонца, то и передаю тебе, — спокойно ответил Дорош. — Видно, не для тебя писана.

Векша осторожно свернул грамоту, снова перевязал ее шнуром, стараясь не потревожить Мамаеву печать, и сунул ее за пазуху.

— Что ж, атаман, прощай и не поминай лихом.

— Прощай и ты, боярин, — ответил Дорош.

Перехватив повод с приведенным Векшей аргамаком в свою руку, он кивнул боярину и вместе со своими спутниками медленно тронулся к лесу. Векша с улыбкой провожал его глазами, время от времени поглядывая по сторонам.

Поляна, на которой происходила эта встреча, занимала значительную площадь. Когда-то давным-давно люди выжгли здесь лес, чтобы посеять хлеб. Затем они ушли на юг, на более плодородные земли, и бывшее поле превратилось в обыкновенную лесную поляну, густо заросшую высоким, чуть ли не в человеческий рост разнотравьем, зарослями орешника и малины.

На поляне пересекалось несколько лесных дорог и тропинок. По одной из них, ведущей в сторону южного рубежа, направлялась тройка казаков.

Они проехали уже половину расстояния до леса, как из кустов стали появляться всадники и растекаться влево и вправо от дороги, охватывая казаков широким полукольцом. С десятков всадников остались на самой дороге. В одном из них по блестящему шлему и развевающемуся пурпурному плащу Векша узнал своего старшего сына. Но Дорош и его спутники, словно не замечая высыпавших из леса всадников, медленно и спокойно ехали по дороге прямо на выставленные им навстречу копыя.

Громкое конское ржание, внезапно раздавшееся сразу со всех сторон поляны, моментально объяснило Векше причину их спокойствия. Из густой травы, которой заросло все бывшее поле, во множестве появились вначале шлемы и лохматые шапки, затем плечи, конские морды, и вот уже все пространство оказалось усеянным множеством всадников. С копиями в руках, со щитами на плечах они со всех сторон подъезжали к дороге, по которой ехал Дорош, и выстраивались за ним в колонну по четверо в ряд.

«Полусотня, сотня, две, три...» — машинально прикидывал на глаз их число Векша. Да, Дорош оказался не той птичкой, которую можно было взять голыми руками. Его ватажники залегли на поляне, как видно, еще с вечера, сразу после прибытия от Векши их атамана. Привычные к многочасовым безмолвным засадам, сумевшие приучить к этому и своих коней, они поднялись именно в ту минуту, когда их присутствие стало необходимым.

Закусив от злости губу, Векша следил за тем, как Дорош и следующая за ним казачья колонна приблизились к его сыну и находившимся с ним воинам. Едва расстояние между ними сократилось до полета стрелы, всадник в блестящем шлеме поднял своего коня на дыбы и, освобождая дорогу, быстро поскакал в сторону. Вслед за ним бросились и другие боярские воины.

6

Князь Данило любил охоту, и лишь наступившая темнота заставила его прекратить преследование стада вепрей, поднятых загонщиками в камышах. Нанизав на острие копья огромный сочный кусок мяса, он сунул его в костер и, сидя на корточках возле огня, следил, как мясо постепенно покрывается нежной румяной корочкой. Осторожное покашливание слуги заставило его поднять голову.

— Княже, к тебе человек...

— Кто он?

— Неведомо мне. Говорит, что надобно сказать тебе что-то важное с глазу на глаз...

— Откуда прибыл? Воин или смерд?

— Не рассказывает, княже. По одежде больше на смерда схож.

— Скажи, пусть обождет. Сейчас буду.

Князь передал копьё одному из своих дружинников, занявше-

му его место, проверил, хорошо ли вынимается из ножен короткий меч. Поведя плечами в надетой под платьем тонкой кольчуге, он двинулся вслед за слугой.

Человек, ожидавший его, стоял в тени ветвистого дуба, тесно прижавшись к нему спиной. Был он невысок ростом, щедеушен, нижнюю часть лица скрывал темный плащ, в который он был закутан почти до пят.

— Здрав будь, добрый человек, — первым сказал князь, останавливаясь в двух шагах от этой темной фигуры и произвольно кладя руку на крыж меча.

— Здравья и тебе, князь Данило, — глухо ответил человек. — Прости, княже, что беспокою тебя на охоте, но дело не терпит. Дозволь сказать несколько слов.

— Может, пойдем к костру? Там ты согреешься и поешь с нами...

— Нет, княже. Не хочу, чтобы кто-то видел меня с тобой. Потому и пришел к тебе ночью и в этом плаще. Непростое дело хочу поведать тебе, княже, и если узнает о нашей встрече боярин Адомас, не сносить мне головы.

— Но кто ты и почему боишься боярина Адомаса?

— Княже, я хочу говорить с тобой наедине, а нас трое, — оставив его вопрос без ответа, сказал человек.

Князь Данило кивнул слуге, и тот удалился к костру. Незнакомец проводил его глазами и рывком отбросил плащ с лица.

— Узнаешь, княже?

— Постой, постой, — сказал князь Данило. — А не конюший ли ты боярина Адомаса? Уж не тебя ли я видел неделю назад в княжеском замке?

— Меня, княже, — склонил голову человек.

Князь Данило усмехнулся.

— Ты прав, добрый человек. Не друзья-товарищи мы с твоим боярином.

— Мало у меня времени, княже, в любую минуту может хватиться боярин. Дозволь к делу перейти.

— Говори.

— Страшен враг в чистом поле и густом лесу, княже, но еще страшнее он в родном доме. Страшен враг, идущий на тебя с мечом, но еще страшнее он, если улыбается тебе и прячет свой нож за пазухой. Согласен со мною, княже?

— К чему это ты?

— Богат и знатен ты, княже, многих приблизил к себе и осыпал своей милостью, многих считаешь своими друзьями. И не знаешь, что не все твои слуги верны тебе, не ведаешь, что некоторые только и ждут случая, чтобы ужалить больнее. Об одном из таких и хочу я предупредить тебя.

— О ком говоришь ты? — спросил князь Данило, нахмутив брови.

— О воеводе Богдане говорю я.

— О воеводе Богдане? — удивился князь. — О моем лучшем и вернейшем друге? Да знаешь ли ты, холоп, что он вырос на моих глазах? Что стал он в моей дружине из простого воина первым воеводой, что я рубился рядом с ним в десятках битв

и он не однажды спасал мне жизнь? Как смеешь ты, грязный холоп, клеветать на моего лучшего воеводу, моего старого и надежного товарища?!

Он шагнул к закутанному в плащ конюшему, схватил его за грудь, рывком приподнял над землей, прижал спиной к стволу дуба.

— Признавайся, холоп, кто подослал тебя ко мне, кто заплатил тебе за этот подлый навет?

— Правду говорю, княже, сущую правду, — испуганной скороговоркой забормотал конюший. — Не гневись, княже, а выслушай меня до конца.

— Хорошо, холоп, говори. Но если врешь — велю запороть плетью под этим же дубом.

Он опустил конюшего, тот поправил сбившийся плащ, снова прислонился спиной к дубу.

— Значит, не веришь мне, княже? — зло прошипел он. — Тогда слушай хорошенько, что я скажу. Помнишь, гостил ты прошлым летом в Москве у боярина Боброка? И говорили вы о том, что когда поведет Дмитрий Русь на Мамая, то надо натравить на Литву ее врагов, чтобы не смог князь Ягайло помочь Орде и тоже напасть на Русь. Было вас тогда только трое, тайным был ваш сговор. Да только знает о нем и боярин Адомас, и литовский Ягайло. Скажи, откуда? Кто донес ему? Ты сам, московский Дмитрий или боярин Боброк? Ответь мне, княже...

Сурово сдвинулись брови князя Данилы, гневом блеснули его глаза.

— Никто из нас троих не мог передать этого Ягайле. Но откуда он знает об этом?

— А оттуда, княже, что слышал эти слова и четвертый — воевода Богдан. Когда вернулись вы в Литву, то передал он все слышанное боярину Адомасу, а тот — великому князю Ягайле. Теперь веришь мне, княже?

— Нет, холоп. Другим путем попало это известие к литовскому Ягайле. Не верю я, что воевода Богдан способен на такую измену.

— Не веришь? — язвительно улыбнулся конюший. — Хорошо, тогда слушай дальше. Давно был тот разговор, а этим летом появился в наших местах сам боярин Боброк. Разбил он свой лагерь на Черном урочище, привез с собой из Москвы два воза денег, чтобы подкупить и натравить на Литву ее врагов-соседей. Прятались и в твоём доме его соглядатаи, были среди них десятский Иванко и сотник Григорий. Иванко с товарищем снова вернулся к Боброку, а Григорий ускакал с твоей полусотней и сотником Андреем к ляшскому кордону. И это все тоже знает боярин Адомас, хотел он даже перехватить Боброка и его возы с золотом, да руки оказались коротки. Что скажешь теперь, княже?

— И опять он? — глухо спросил князь Данило.

— Да, княже, об этом тоже донес воевода Богдан.

— Скажи, холоп, — после некоторого молчания произнес князь Данило, — что хочешь ты за свои вести?

— Чего хочу? — переспросил конюший. — Ничего, княже,

мне от тебя не надо, потому что не в твоей власти наградить меня.

Он отшатнулся от дуба, сделал шаг вперед, развернулся к князю боком. И тот только сейчас увидел на спине у конюшего горб. Вот почему он все время жался к дереву, вот отчего все время стоял к князю лицом. Он просто не хотел показывать свое уродство.

— Ты видишь, княже, что никакая твоя награда не вернет того, чего у меня давно уже нет. И потому не надо мне ничего.

— Но что тебя заставило прийти ко мне?

Грустная улыбка скользнула по губам горбуна.

— Что заставило, княже? Не знаю, поймешь ли ты меня. Большинство людей движет чувство любви либо желание разбогатеть. Но иногда ими движет ненависть. Не любовь к тебе привела меня в этот лес, княже, а ненависть к боярину Адомасу.

— Но что боярин мог сделать тебе, калеке?

— Что мог сделать? Хорошо, княже, слушай. Нас было у него трое, мальчиков-слуг, когда ночные псы-волкодавы вырвались из псарни и порвали молодого боярина. Псарей закопали живьем в землю, а самого Адомаса-сына отправили на лечение к знаменитой в наших краях ведьме-знахарке. Когда он вернулся, мы все трое пришли на следующее утро одевать его в спальню. Вначале он не говорил ни слова, только смотрел на нас, а затем стал кричать, упал на пол и зашелся в припадке. Прибежали боярин с боярыней, стали спрашивать, в чем дело. И тогда, указывая на нас, молодой Адомас спросил, а почему это мы лучше его — прямые и здоровые? Той же ночью нас всех троих искалечили, а потом приставили постоянно к молодому Адомасу, запретив допускать к нему на глаза других его сверстников.

Князь Данило перекрестился.

— Бог вам обоим судья, и тебе и боярину.

— Прощай, княже, к утру мне надо быть на конюшне. Если услышу еще что о твоём воеводе или о кознях боярина, снова приду к тебе.

Конюший набросил на голову капюшон плаща, сделал два шага в сторону и пропал среди кустов. И не хрустнул под его поступью ни один сучок, не шелохнулась ни одна ветка. Он словно растворился в темноте ночи, оставив возле дуба погруженного в свои думы князя Данилу.

7

Заложив руки за спину и глядя себе под ноги, великий московский князь Дмитрий не спеша шел по ухоженной тропинке монастырского сада. Рядом с ним, плечом к плечу, неслышно ступал его двоюродный брат Владимир, князь серпуховский.

— Великий князь, — звучал голос Владимира, — вся русская земля поднялась на святой бой с Ордой, все русские войска выступят завтра с тобой из Коломны навстречу Мамаю. И только я по твоей воле остаюсь в Москве, только я не приму уча-

ствия в великом походе на степь. Скажи, чем прогневал тебя, чем не угодил?

В голосе брата звучала обида. Дмитрий замедлил шаги, отломил от яблони тонкую веточку, легонько хлопнул себя по высокому сафьяновому сапогу.

— Нет, брат, совсем не из-за того оставляю я тебя в Москве, что не верю, — глуховато произнес он. — Как раз наоборот. Лишь ты сможешь выполнить то, для чего даю я тебе пятнадцать тысяч своей лучшей конницы и оставляю за своей спиной.

Владимир Серпуховский грустно усмехнулся.

— Но что я могу сделать в твоём тылу, великий князь? Защитить Москву от рязанского Олега? Помочь Андрею и Дмитрию Ольгердовичам, если навалятся на них литовский Ягайло? Понимаю я, великий князь, что должен кто-то и беречь Москву, и прикрывать твою спину, но почему это должен делать именно я? Разве нет у тебя других князей и бояр, разве нет в русском войске других храбрых и опытных воевод?

Какое-то время Дмитрий шел молча, глядя себе под ноги, затем поднял голову.

— Много врагов у Руси, брат, но главный из них — Орда. Страшную силу собрал Мамай на Дону, ничуть не меньше той, что вел когда-то на Русь Батыга-хан. Нас, русичей, вдвое меньше. Но против Мамая я не могу выставить даже и этих своих сил. Потому что нависает надо мной с запада враждебная Литва, союзник Мамая. В любую минуту может укунить нас сзади или сбоку рязанский Олег, что тоже держит ордынскую руку. Потому и стоят на литовском порубежье без малого сорок тысяч русичей, оттого и вынужден я оставить в Москве пятнадцать тысяч своих лучших воинов. Третью моего войска не могу двинуть я из-за этого на Орду, каждый третий русский меч пропадает сейчас попусту. А это значит, что там, на Дону, каждому русичу придется рубиться уже не с двумя врагами, как случилось бы, будь у меня сейчас все русское войско целиком, а с тремя.

— Понимаю это и я, великий князь, но что можно сделать другое? Убери ты с литовского кордона Андрея и Дмитрия Ольгердовичей — Ягайло соединится с Мамаем и тебе в бою придется выставить против него те же сорок тысяч воинов, что держат его сейчас в Литве. А оставь ты без защиты Москву, кто знает, может, уже завтра будут под ее стенами рязанцы или другие супостаты. Все мы, русские князья и воеводы, понимаем это, великий князь, и каждый из нас знает, что в твоём положении ничего другого сделать невозможно.

И вдруг, к величайшему удивлению Владимира Серпуховского, Дмитрий весело рассмеялся.

— Да, брат, ты совершенно прав, в твоих словах нет ни одного промаха. Уверен, что так же рассуждают и Мамай с Ягайлой. И как благодарен я небу, что в эту тяжкую для Руси годину рядом со мной оказался боярин Боброк, в бездну ума которого я страшусь даже заглянуть.

Дмитрий с хрустом сломал ветку, отбросил ее в сторону. Загородив князю Владимиру дорогу, он положил ему руки на плечи.

— Ягайло и Мамай знают, что, выступи Литва против меня или даже останься на месте, она свою задачу выполнит: треть моего войска будет не у дел. И это их вполне устраивает. Но это никак не устраивает меня, брат, потому что мне для победы нужно совсем другое. Мне нужно, чтобы и Ягайло со своими полками остался в Литве и чтобы я со всем своим войском один на один схватился с Мамаем.

— Но это невозможно, великий князь.

— Нет, брат, это возможно, — жестко произнес Дмитрий. — И это сделаете вы, кому я больше всего верю, — ты и Боброк, это сделают вместе с вами Дмитрий и Андрей Ольгердовичи. Вы вернете Руси те пятьдесят с лишним тысяч дружинников, что держу я сейчас против Литвы и Рязани, и вместе с тем вы не дадите Литве и Орде соединиться. Вот что должен ты сделать, брат, вот для чего отправляю я тебя сейчас в Москву.

Владимир Серпуховский и раньше прекрасно знал ум, сметку и предусмотрительность своего двоюродного брата. Именно Дмитриева дальновидность и опытность вознесли Москву выше всех остальных княжеств, но то, что говорил Дмитрий сейчас, не укладывалось у него в голове.

— Великий князь, но как я сделаю это? И в человеческих ли вообще это силах?

Дмитрий усмехнулся.

— Все это вполне в наших силах, брат. Этот план родился в хитроумной голове боярина Боброка, вдвоем с ним мы продумали и вынажили его. А сейчас о нем узнаешь и ты.

Дмитрий почти вплотную приблизил свое лицо к лицу Владимира Серпуховского, крепче сжал его плечи.

— У обоих Ольгердовичей и у тебя только конница и никаких обозов, а у Ягайлы основная масса войск — тяжелая пехота и целое море обозов. Значит, одно и то же расстояние вы с Ольгердовичами покроете в три раза быстрее, чем Ягайло со своими литовцами. Я с войсками завтра выступаю из Коломны на Дон, а потом по приказу и ты с Ольгердовичами, оставив Москву и литовское порубежье, двинетесь следом. Когда мы с вами соединимся, более медлительный Ягайло все еще будет в пути. Вот тогда, имея в своих руках всю русскую силу и не боясь Литвы, я навяжу бой Орде.

Некоторое время, нахмурив лоб и прищулив глаза, Владимир Серпуховский молчал.

— Да, великий князь, лучше этого плана человеческая голова не может придумать ничего, — наконец сказал он. — Но если Ягайло, узнав о твоём выступлении из Коломны, сам нападет на Ольгердовичей?

— А чтобы этого не случилось, сидит сейчас у него под боком в самой Литве боярин Боброк. Он свяжет руки Ягайле, он не выпустит его из Литвы до тех пор, пока я не подойду к Дону. Своей хитростью и сметкой он выиграет у Литвы несколько дней, за которые я уйду от Ягайлы на расстояние, когда он будет мне уже не страшен. Вот тогда Ольгердовичи и ты получите от боярина Боброка приказ идти ко мне.

— Великий князь, но если Ягайло разгадает наш план и дви-

нется со всем своим войском на никем не защищенную Москву? Что делать тогда?

— То, что я говорил раньше: идти ко мне, только ко мне и со всей возможной для этого скоростью. Ведь разве за Москву подняли мы на эту смертельную схватку с Ордой всю Русь? Нет, брат, мы идем на бой за всю русскую землю, и судьба Москвы будет решаться не под ее стенами, а там, на донских полях, где вся Русь будет сообща биться за свою честь и свободу. И если победителем в этой битве выйдет русский меч, то отстроим мы новую Москву, краше прежней. Ну а если останемся мертвыми на тех полях — не быть и Москве. Судьба Москвы, брат, неотделима от судьбы всех городов и всей земли русской, как неотделима наша с тобой доля от доли тех десятков тысяч русичей, что вверили свою судьбу в наши с тобой руки. И потому запомни мои слова, брат. Когда бы ты ни получил приказ боярина Боброка идти ко мне, выполняй его сразу без раздумий и промедлений. Что бы ни творилось вокруг, слово Боброка для тебя закон. Пусть вся Литва движется на Москву, пусть литовцы будут в одном переходе от нее, пусть они лезут на ее стены — по слову боярина Боброка ты должен бросить все и спешить ко мне. Запомни это мое последнее слово, брат, и следуй ему.

— Я все понял, великий князь.

— Тогда прощай.

Дмитрий тряхнул князя Владимира за плечи, они обнялись, трижды на прощание расцеловались.

— Прощай и ты, великий князь. До встречи на Дону.

Владимир Серпуховский круто развернулся на каблуках и быстрыми широкими шагами, придерживая меч, направился к выходу из сада. Проводив его глазами, Дмитрий прислонился плечом к старой яблоне, опустил голову. «Что ж, жребий брошен и дороги назад нет. Главное сейчас — выиграть время».

8

С того памятного дня, когда он шел по следу отряда Боброка, Адомас ждал неприятностей каждую минуту. Но эта, что сейчас принес гонец, была неожиданной и страшной даже для него.

— Великий князь, твой главный воевода на тевтонском побережье боярин Лютвитас желает тебе долгих лет здоровья и сообщает, что русские полоцкие дружины снялись без его ведома с кордона и выступили походом домой.

Гонец уже целую минуту, неподвижно замерев у дверей, ждал ответа, а они оба, великий князь Ягайло и боярин Адомас, не могли произнести ни слова.

— Когда это случилось? — прозвучал наконец голос Ягайлы.

— Два дня назад, великий князь.

— Сколько их? — быстро спросил Адомас.

— Сорок сотен, из них не меньше пятнадцати конных.

— Кто ведет их?

— Воевода Рада и тысяцкие Всеслав и Александр.

— Знаю, всех знаю, — загремел голос великого князя. — Сколько помню, все время к Москве тянутся.

Адомас поднял глаза на гонца.

— Иди отдыхай. И без моего ведома никому ни слова.

Оставшись вдвоем с Адомасом, великий князь дал выход своему гневу.

— Изменники! Предатели! Открыли дорогу тевтонам! И это в то время, когда я усиливаю свои границы.

Он метнулся вдоль стола влево, вправо, остановился против Адомаса.

— Боярин, ты мне обещал изловить Боброку. Теперь видишь, на что способно его золото?

— Великий князь, мы сами помогли Боброку. Хотели прикрыть свои западные и северные границы от крестоносцев полками литовских русичей, а все литовские войска повести на Русь. Но мы забыли про голос крови и зов родной земли. Это и есть наша ошибка.

Ягайло расхохотался, его зрачки мрачно блеснули.

— Что ж, боярин, если мы допустили эту ошибку, то нам ее и исправлять. Воевода Лютвитас не удержал их словом, я удержу мечом. Сегодня же возьму восемьдесят сотен моей отборной панцирной конницы и поведу ее на полочан.

Адомас грустно усмехнулся.

— Ты сделаешь ошибку, великий князь.

— Ошибку? Какую?

— Мы оба знаем русичей. Они не дрогнут и не отступят в бою. Будут биться с твоими панцирниками до последнего вздоха, и в лучшем случае у тебя останется только половина твоего отряда. А на тевтонском порубежье были ведь не только полочане, там остались еще и другие русские дружины. Что будет, когда они узнают, что ты уничтожил их братьев-полочан?

Ягайло нахмурился.

— Ты прав, боярин. Я знаю это проклятое славянское племя. Они никому не прощают своей пролитой крови. И поэтому я возьму с собой не восемь, а двадцать, тридцать тысяч своих лучших воинов. Я уничтожу не только полочан, но и любого, кто только выступит против меня.

В комнате раздался звук, напоминающий скрип колес плохо смазанной телеги. Это смеялся Адомас.

— Великий князь, и спасибо тебе за это скажет в первую очередь московский Дмитрий. Ведь своей распрей и борьбой с литовскими русичами ты добьешься как раз того, чего он так хочет: ты погрязнешь в своих междоусобицах, и твои братья возьмут тебя голыми руками.

Плотно сжав губы и дыша как загнанная лошадь, Ягайло некоторое время молчал.

— Ты опять прав, боярин, — наконец выдавил он из себя. — Я не могу сейчас воевать со своими подданными, особенно с русичами. Но я не могу и прощать открытой измены. Что же делать?

— Великий князь, мы слышали о полочанах только из уст гонца воеводы Лютвитаса. Но что может понимать в таких делах простой воин? И я предлагаю увидеть все своими глазами. Там, на месте, мы и найдем ответ.

Ягайло даже не раздумывал.

— Я согласен с тобой, боярин...

Почти без отдыха Ягайло гнал свой отряд навстречу русичам. Впереди шла дозорная сотня, за ней в первой тысяче скакали великий князь и Адомас, а уже за ними растянулись и остальные семьдесят сотен тяжелой литовской конницы.

План великого князя был прост: перехватить русские дружины как можно дальше от районов со славянским населением, могущим выступить на их стороне, устроить им в удобном месте засаду и заставить сложить оружие.

Но судьба вносит свои поправки в любые планы. Передовая тысяча, в которой скакали они с Адомасом, только спустилась в широкий, извилистый лесной овраг, как Ягайло по сбившейся рыси своего жеребца и тревожному ржанию, раздавшемуся сразу в нескольких местах колонны, почувствовал, что размеренное, устоявшееся движение его отряда нарушено чем-то непредвиденным. Он распрямился в седле, сбросил с головы складки плаща, которым прикрывался от мелкого моросящего дождя, и быстро взглянул вперед. То, что он увидел, заставило его до крови закусить губы, чтобы сдержать крик ярости и обиды.

Ягайло не успел еще ни о чем подумать, в голове еще не мелькнуло ни одной связной мысли, а кровь уже хлынула в голову, сердце застучало в груди тяжелым молотом. Он сразу понял: это конец, схватка с русичами уже закончилась, даже не начавшись, и он, великий литовский князь Ягайло, проиграл ее полностью. На противоположном скате оврага, на самой его вершине, прямо посреди лесной дороги, стояла группа конных. Все в них: и остроконечные, с еловцами, шлемы, и червлёные щиты, и длинные прямые мечи, все их убранство и снаряжение было ему до мельчайших деталей знакомо и все-таки было чужим. Потому что перед ним стояли не его панцирники, а воины-русичи. Их было не больше десятка, но великий князь сразу узнал среди них и воеводу Раду, и тысяцких Всеслава и Александра. Это означало, что перед ним не передовой русский разъезд, случайно наткнувшийся на литовцев. Это была засада, западня, устроенная ничем не хуже той, что собирался устроить сам Ягайло. Он не ожидал от русичей такой быстроты и считал, что сможет встретить их только на следующий день. Он просто забыл о выносливости русской пехоты, славящейся еще со времен последнего киевского князя-язычника Святослава своими беспримерными переходами и способностью вступать в бой прямо с марша.

Забыв о дожде, не чувствуя, что по желобку на спине бежит струйка воды, стекающей с шлема, Ягайло смотрел, как от группы русичей отделились трое и двинулись навстречу рядам литовских конников, которые продолжали медленно взбираться на своих измученных лошадях вверх по скользкой глинистой дороге, что вела из оврага.

Один из русичей поднял вверх руку, и кусты, которыми густо зарос противоположный склон, зашевелились, раздвинулись, и вместо них по самому гребню оврага выросла сплошная стена русских щитов. Длинные, суживающиеся книзу, они скрывали стоявших за ними воинов от коленей до плеч. Густая

щетина длинных копий возвышалась над этой неподвижной красной стеной. Литовцы без всякой команды замедлили свое движение, затем стали останавливаться и так же медленно и осторожно спускаться на дно оврага.

А трое русичей уже были против Ягайлы. Посередине ехал сам воевода Рада.

— Здрав будь, великий князь, — приветствовал он Ягайлу, равнодушно скользнув взглядом по съездившемуся на коне Адамасу и словно не замечая его.

— Здрав будь и ты, воевода, — ответил Ягайло. — Но почему я вижу тебя здесь, в самом центре Литвы, а не на тевтонском порубежье, где должен стоять ты против крестоносцев и беречь от них по моему приказу границу?

— Твою границу, великий князь, — поправил его воевода. — Потому что я русич, а у Руси свои границы и свои враги на ней. И потому мое место не здесь, на чужой для меня земле, а там, где ордынский Мамай угрожает моей отчизне.

— Да, воевода, ты русич, но на верность ты присягал Литве и мне, ее великому князю. Почему же ты нарушил эту клятву?

Он был воином, великий князь Ягайло, и прекрасно понимал такого же воина, стоявшего сейчас против него. И он не хитрил, не лицемерил, говорил прямо, что думал, потому что только такой разговор был понятен таким людям, как он сам и русский воевода Рада.

— Да, великий князь, я давал клятву на верность тебе и твоему Литовскому княжеству. И скажи, разве не честно служил я тебе до этой самой минуты? Но сейчас, став врагом Руси, ты сам избавил меня от этой клятвы. Ты враг Руси, великий литовский князь, а значит, и мой.

Он снова поднял вверх руку в тяжелой железной рукавице, и холодный озноб пробежал по телу великого князя. Тесно сомкнутые ряды русичей, стоявшие до этого неподвижно, дрогнули и быстро раздались влево и вправо от дороги, еще шире охватывая овраг. А в просветах показались такие же плотные ряды русских лучников. В шлемах, кольчугах, с мечами на поясах, они стояли, положив стрелы на тетивы своих луков, полные стрел колчаны были передвинуты на бедра, червленые щиты и копья лежали возле их ног. Как и копьеносцы, они были неподвижны, но великий князь знал, что по первой же команде они поднимут свои луки, натянут тетивы и ливень стрел обрушится на тесно сбившуюся в овраге литовскую конницу. И это будет началом конца, потому что ни одна из стрел не пропадет даром. Им, стоявшим сверху русичам, выросшим в походах и закаленным в боях, без промаха попадавшим даже в узкие прорезы тевтонских рыцарских шлемов-масок, будет сущим пустяком расстрелять литовских конников.

— Воевода, чего хочешь ты? — спросил Ягайло.

— Великий князь, я и мои воины-русичи идем на смертельный бой с вековым врагом нашей родины — татарской ордой. Наше место там, под русским стягом, среди русских воинов. И если ты не хочешь лишней крови и тысяч напрасных смертей — уйди с нашего пути.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — помедлив, сказал Ягайло.

Под вислыми усами воеводы Рады мелькнула улыбка.

— Прежде чем уйти отсюда, ты дашь нам свое княжеское слово в том, что не бросишь нам вслед свои тысячи, которым мы сейчас, как и тебе, дарим жизнь. Таково наше слово, великий князь.

Жестокими и обидными были слова русского воеводы для великого литовского князя, но сейчас он не мог дать волю своему гневу.

— Добро, воевода. Никто из литовских воинов не встанет на твоём пути, в этом я даю тебе свое княжеское слово. Теперь ты доволен?

— Да, великий князь, — проговорил воевода Рада. Он снова поднял вверх руку, и неподвижная стена красных русских щитов на гребне оврага шевельнулась, сомкнула свои ряды, скрыв за своими спинами лучников, и через мгновение перед глазами великого князя опять были только лес и кустарник...

— Они еще в Литве и целиком в твоей власти, — сказал Адомас, когда русичи уехали и он остался вдвоем с Ягайлой. — Ведь под твоим началом не только эти восемь тысяч воинов.

— Я дал свое княжеское слово, — ответил Ягайло.

— Но разве нет у тебя верных воевод, которые могут не знать о твоём слове?

Тяжелый взгляд великого князя заставил Адомаса съежиться.

— Боярин, сегодня русичи подарили мне и тебе жизнь. И я, великий литовский князь, обещал им тоже жизнь. Пока они находятся на моей земле, они будут живы. Так сказал я, великий литовский князь, и так будет.

9

Они сидели рядом на старом поваленном ветром дереве, в десятке шагов от них храпели и били копытами кони. В отдалении горел костер, возле которого сидели люди боярина Боброка.

— Князь, что заставило тебя самого скакать ко мне? — тревожно спросил Боброк, стараясь рассмотреть в темноте лицо князя Данилы. — Ведь знаешь, что после ухода полочан к Андрею Ольгердовичу вокруг твоей усадьбы полно глаз и ушей боярина Адомаса.

— Знаю это, боярин, да только не было времени у меня ждать твоего человека, а своего посылать опасно — не ровен час, схватят его ищейки Адомаса. Вот и пришлось скакать самому. На меня они без приказа напасть не посмеют.

— А что за известие привез ты?

— Беда, боярин. Вчера прискакали к Ягайле гонцы с русского порубежья и принесли весть, что князь Дмитрий оставил в Москве только брата своего Владимира Серпуховского с малым войском, а сам со всей русской ратью двинулся через Коломну против Мамаю. И уже сегодня Ягайло приказал готовить все свое войско к походу.

— Торопится Ягайло, торопится.

— Неужели он решил не дожидаться гонца Мамаю?

— Кто его знает, князь. Ягайле сейчас не до ордынских грамот. Ему надо не опоздать и себе кусок русской земли отхватить.

От преданных людей, бывших в окружении рязанского Олега, князь и боярин уже знали содержание той грамоты, что отбили их люди на степном литовском порубежье. Еще раньше литовские и рязанские послы встречались с Мамаем в его ставке на реке Воронеж и договорились, что все три войска должны встретиться на Дону первого сентября. И в своих грамотах, посланных в Рязань и Литву, Мамай сообщал, что в его планах ничего не изменилось. Но поскольку наемная итальянская пехота, набранная в Генуе, прибыла к нему позже, чем обещала, он вынужден задержать свое выступление на Русь на несколько дней. А поэтому он пришлет князьям Олегу и Ягайле еще одно сообщение уже об окончательном месте и времени их встречи.

Вот на этого гонца с новой ханской грамотой и возлагали Боброк и князь Данило все свои надежды. И потому лихорадочная активность литовцев после получения Ягайлой известия о начале движения русских войск на Дон застала их врасплох.

Боброк поднял опущенную в раздумье голову, глянул на собеседника.

— Да, князь, многое мы с тобой сделали, чтобы подольше задержать Ягайлу в Литве, да, видно, не все. Самый решающий момент наступил как раз сейчас. Три дня простоять бы Ягайле в Литве, только три дня — и пусть делает что хочет. Судьба Руси решится на берегах Дона без его участия.

Князь Данило тронул свои длинные усы, пристально глянул на Боброка.

— Но эти три дня нам не подарит никто. Нам самим придется их вырвать у Ягайлы. И потому у нас остался только один выход. Надо посылать с письмами Иванко.

— Иванко? — тихо переспросил Боброк.

— А скажи мне, боярин, разве ты сам раздумывал бы о своей жизни, если бы в эту минуту от тебя зависела судьба Руси?

— Нет, князь, большей чести для воина, чем умереть за родную землю.

— Тогда не будем терять времени.

Он громко хлопнул в ладоши, и перед ним выросла фигура одного из дружинников.

— Десятский, сходи к огнищу. Скажи боярскому человеку Иванке, что боярин Боброк кличет его к себе.

Когда дружинник побежал к костру, князь Данило спросил Боброка:

— А не выйдет у нас промашка с письмами, боярин? Уж больно хитер и недоверчив собака Адомас.

— Письма писаны самим Андреем Ольгердовичем, его почерк ведом и Ягайле и Адомасу. Мою руку они тоже знают.

— А если поднимут твоего Иванку на дыбу? Если не выдержит?

Боброк скривил губы.

— Не тот он человек. Потому и посылаю, что верю ему как самому себе.

— Тогда посылай, и да свершится то, что начертано судьбой.

Князь перекрестился и вздрогнул, так неожиданно появился перед ним Иванко. Он был в кольчуге, поверх распахнутый кафтан, на боку широкий меч, на голове соболья шапка.

— Иванко, — спросил Боброк, — дорога ли тебе шапка?

— Дорога, боярин. Это же твой подарок.

— Береги лучше глаза. Избави тебя бог потерять. Только в бою, слышишь? Только в бою, когда собьют ударом меча, ты можешь потерять ее.

— Я потеряю ее только с головой, — сказал Иванко.

Боброк помолчал, пристально глядя на Иванко.

— Все может случиться. Опасно поручение, которое я тебе дам, но очень важное оно для всех нас, для родины нашей. В шапку твою сотник Григорий намерен зашил письма. Эти письма должны попасть к Адомасу в руки, но так, чтоб он думал, что взял их с бою.

— Ясно, боярин. Они у меня побегают за шапкой, прежде чем получат. Многие заплатят за нее жизнью. Когда и куда ехать?

— Завтра с рассветом поедешь к князю Даниле. С провожатым.

Он посмотрел на князя, и тот крикнул дружинника, почтительно стоявшего в отдалении.

— Десятский, останешься здесь, — сказал князь Данило. — Будешь боярскому человеку провожатым и охраной. Поедете через Волчий овраг. Там, у родника, встретит вас воевода Богдан со своими людьми и защитит от литовцев. Если прорветесь, завтра ночью жду вас у себя.

Князь встал, долго и пристально посмотрел в глаза Иванки и быстро пошел к своим дружинникам...

Через несколько часов перед боярином Адомасом стоял весь покрытый пылью и тяжело дышащий от усталости Казимир.

— Боярин, с вестью к тебе от воеводы Богдана.

Адомас оторвал глаза от тяжелого манускрипта, лежавшего на его коленях, внимательно посмотрел на слугу.

— Слушаю тебя.

— Воевода велел передать, что князь Данило ждет гонца от боярина Боброка. Тот гонец должен доставить грамоту от Боброка и от братьев нашего великого князя, что перешли под руку московского Дмитрия.

Адомас скосил глаза в сторону распахнутого настежь окна, пожевал губами.

— Вели оседлать моего коня и прикажи быть наготове двум сотням конной великокняжеской стражи...

Десятский дал знак остановиться, осторожно отвел в сторону густую сосновую лапу, выглянул на широкую лесную прогалину.

— Отсюда тропка ведет как раз к роднику, — тихо шепнул он замершему рядом с ним Иванко. — Ходу нам осталось не больше часа. Но что-то не нравится мне сегодня здесь...

Он не договорил. Брошенное сильной рукой копье пробило ему кольчугу и глубоко вошло в спину. Даже не охнув, десятский повалился на бок. Из кустов на Иванко бросились сразу несколько человек. Но в руках его уже сверкнул выхваченный из ножен меч, и в следующее мгновение один из нападавших рухнул наземь с разрубленной головой. Выставив впереди себя окровавленный меч, он рванулся в образовавшуюся среди врагов брешь, но там уже стояли трое, наставив ему в грудь копья. Иванко крутнул головой по сторонам и заскрипел зубами. Враги были со всех сторон. Они наступали осторожно, прячась за щитами, выставив вперед копья.

Иванко метнулся к дубу, прислонился к нему спиной. За ближайшими литовцами были еще двое, лихорадочно разматывали сеть, чтобы сплеленать его, прижатого копьями, пленить.

Стиснув рукоять меча, Иванко ждал. Когда острия копий были готовы упереться ему в грудь, он перерубил древка у двух из них, бросился вперед. Страшен был удар его меча, и один из врагов, выронив щит, повалился мертвым на землю. Другой попытался отшатнуться в сторону, но меч, скользя по кромке щита, успел вонзиться ему в бок.

Теперь перед Иванко были только те двое литовцев, что растягивали и готовили сеть. Опешив от неожиданности, они бросили сеть и схватились за мечи. Едва уловимым обманным движением Иванко выбил оружие у одного из них и занес свой меч над головой другого. И тут полдюжины копий, брошенных с расстояния в несколько шагов, вонзились в него.

С помощью слуг-телохранителей Адомас осторожно сполз с седла, медленно проковылял к дереву, под которым лежали трупы Иванко и десятского князя Данилы. Некоторое время он не мигая смотрел на лежавшие рядом тела, затем перевел взгляд на литовского сотника, командовавшего засадой.

— Почему мертвы оба? Разве не приказывал я взять москovicта живьем?

— Я помнил твой приказ, боярин. Но он предпочел умереть с мечом в руке. Москвит был храбрым воином, и мы дорого заплатили за его смерть.

Ноздри Адомаса широко раздулись, зрачки глаз побелели, в уголках губ появилась пена.

— Я приказал взять гонца живым, — прошипел он. — Живым, и только живым. Почему ты ослушался моего приказа?

— Боярин, мы сделали все, чтобы взять его. А убили только потому, что он мог пробиться и уйти.

— Пробиться? Один против двух десятков? А где ты был сам? Почему сам не стал на его дороге?

Прискакавший вместе с Адомасом воевода Богдан тронул боярина за плечо.

— Твой сотник прав. Этого москovicта никто не мог взять живым, если он решил умереть. Боброк знает, кому доверять свои тайны.

Адомас настороженно глянул на воеводу.

— Ты знаешь его? Откуда? Он что, бывал в усадьбе князя Данилы и раньше?

— Да, боярин, он бывал там и раньше. Это за ним шел тогда твой слуга Казимир, когда выследил лагерь Боброка. Но я видел его еще год назад, когда был в Москве. Это Иванко, один из вернейших слуг Боброка.

— Иванко, — пробормотал Адомас. — Слышал я о таком, давно слышал, а вот встречаться не приходилось. Но господь не без милости, вот и встретились.

Он довольно рассмеялся своим тихим, дребезжащим смешком. И вдруг нахмурился, сказал, ткнув пальцем в Иванко:

— Общайте его, не пропустите ни одной нитки, ни одного шва, ни одной складки.

Один из боярских слуг разогнулся над трупом, подошел к Адомасу, протянул ему несколько узких полосок белого шелка, сплошь исписанных буквами.

— Боярин, нашли у москвитя в шапке.

Мельком взглянув на шелковые полоски, Адомас сунул их себе за пазуху и, скривившись, повернулся к воеводе.

— Ступай, воевода, а то еще хватится тебя князь. Теперь я могу обойтись без твоей помощи.

10

Войдя к Ягайле, Адомас положил на стол шелковые лоскуты. Великий князь внимательно осмотрел их один за другим, повертел, зачем-то даже понюхал.

— Решил порадовать меня известием о родном братце, боярин? — спросил он, с усмешкой глядя на Адомаса.

— Не только о нем, великий князь, но и о боярине Боброке. Три письма писаны твоим братом Андреем Ольгердовичем, а четвертое — Боброком, Дмитрием Волынцем.

— Что же пишут они?

Адомас опустил глаза, неопределенно пожал плечами.

— Письма писаны тайнописью. Нужен особый ключ, чтобы прочесть.

— Но я должен знать, кому эти письма были посланы и что в них писано, — повышая голос, сказал Ягайло. — Слышишь, боярин? Иначе какой толк от этих писем?

— Великий князь, мои люди сделают все, на что только способны. Но уже и сейчас мы можем извлечь пользу из писем. Мы узнали, что твой брат Андрей через Боброка и князя Данилу поддерживает связь со своими сторонниками в Литве.

Громкий смех прервал слова Адомаса.

— И без твоих писем я знаю, что у меня есть враги. Но кто они, с кем связаны, каковы их планы? Вот что надо знать.

— Мои люди донесли мне, — спокойно продолжал Адомас, — что боярин Витаутас выступал против твоего похода на Русь и говорил, что, пока московский Дмитрий борется с Мамаем, надо собрать все свои силы и, не опасаясь Москвы, ударить по крестоносцам. Он против твоего союза с Ордой...

— Бородатый козел! — выкрикнул Ягайло. — Ишь ты, ему не нравится мой союз с Мамаем и то, что я иду на Русь. Еще

бы, ведь его старший сын женился на смоленской княжне и принял православие. Но ничего, боярин, дай только разделаться с Москвой...

— ...И князь Юстас тоже против твоего союза с Мамаем. Третьего дня на охоте говорил, что Литве надо вместе с Москвой обрушиться вначале на Орду, а затем сообща выступить против тевтонов. Он хвалил твоих братьев и говорил, что союз с Русью и Польшей может спасти Литву от крестоносцев.

— Только его советов мне и не хватало, — еле сдерживаясь, проговорил Ягайло.

— ...А боярин Юлиус, сказавшись хворым и оставшись в усадьбе, прислал со своим сыном только половину воинов, а остальных оставил дома, — шептал Адомас уже прямо в ухо Ягайле. — А жене сказал, что за Орду пусть воюет сам великий князь...

Грохнув кулаком по столу, Ягайло вскочил на ноги, метнулся вначале в угол комнаты, затем остановился против Адомаса.

— Прежде опасался только русичей, а теперь я должен не верить и своим литовским князьям и боярам! Как могу идти на Русь, если в самой Литве вокруг меня измена?

— Великий князь, мои люди неотступно следят за всеми твоими врагами, будь они русскими князьями или литовскими боярами. Надо бы вырвать их змеиные жала, но не пришло время. А потому жди своего часа.

— Сколько ждать, боярин? Московский Дмитрий со всей своей ратью уже выступил из Коломны против Орды, а от Мамаея ни слуху ни духу. Я не могу спокойно сидеть и ждать, видя, что победа уходит из моих рук.

— О какой победе ты говоришь, великий князь?

— Мои братья остались одни, князь Дмитрий уже не в состоянии помочь им, а Владимир Серпуховский с его малой дружиной не страшен мне. Я могу разбить моих братьев поодиночке, пока они разобщены, а затем двинуться на Москву. И пусть тогда Мамай попробует сказать, что Литва не помогла ему.

— Твои братья не новички в воинском деле, великий князь, и разбить их будет не так просто. А потому надо ждать. Недолго уже осталось. Час назад ко мне прискакал гонец с южного порубежья, сообщил, что их дозор видел в степи татарский чамбул в тысячу сабель. Он идет в нашу сторону, думаю, что это и есть гонец от Мамаея.

Глаза Ягайлы весело блеснули.

— Боярин, ты исцелил меня! Но смотри, чтобы другую грамоту я получил от Мамаева гонца, а не из чужих рук, как прошлый раз.

— Великий князь, грамота оказалась настоящей, а боярин Векша верен нам как собака. Клянется, что отбил ее у казаков-ватажников.

— Тысяча сабель не сто, — радостно говорил Ягайло. — Целый чамбул будет не по зубам степным разбойникам.

— Я вышлю навстречу гонцу еще пять сотен панцирников. Но, кроме этого, я решил и другое. Выслушай меня, великий князь...

Осторожный стук в дверь прервал разговор князя Данилы с Боброком и воеводой Богданом.

— Княже, дозволю весть передать, — донеслось из-за двери.

— Входи, — громко сказал князь Данило.

Вошедший слуга остановился у порога.

— Княже, какой-то человек хочет видеть тебя. Говорит, что однажды встречался с тобой на охоте, и уверяет, что ты будешь рад видеть его.

Князь переглянулся с Боброком.

— Говорит, что встречался со мной на охоте? Невелик ростом, горбат, кутается в плащ? Таков или нет?

— Таков, княже. Уродлив и пакостен на вид.

— Где он?

— Остался на тропинке у трех камней. Сказал, что будет ждать.

— Хорошо, иди.

Едва за слугой закрылась дверь, князь Данило взглянул на Боброка.

— Это он, боярин. Тот самый, о котором я тебе говорил.

Боброк потеревил свою небольшую аккуратную бородку.

— Помню, князь, хорошо помню. Много думал о нем и о его извещии, да только ни к какому выводу так и не пришел. Непонятный он для меня человек, странным кажется его поступок, и нет оснований ни верить ему, ни подозревать в злом умысле.

— Люди предают из-за золота или из ненависти, и если отпадает одно, то остается другое.

Боброк встал из-за стола.

— Ладно, князь, хватит нам гадать с тобой, как бабам-ворожеям, давай лучше посмотрим на твоего ночного гостя. Может, на месте и решим, что он за человек.

— Добро, боярин.

Князь тоже встал, положил руку на плечо воеводы Богдана.

— Мы пойдем, а ты подожди нас здесь, воевода. Рано тебе еще ходить со мной, пусть Адомасовы глаза и уши думают, что ты в опале у меня.

Он отворил скрытую в стене за ковром потайную дверь и исчез за ней вместе с Боброком...

Тропа возле трех больших камней-валунов была пуста, и князь уже хотел окликнуть конюшего, как тот сам выступил из-за одной из этих глыб. Он был все в том же темном плаще с капюшоном. Что-то от хищной ночной птицы было в его черной, согнутой фигуре.

— Вечер добрый, князь, — тихо проговорил он, отвешивая низкий поклон. — Вечер добрый и тебе, боярин Боброк, верный слуга московского князя Дмитрия.

Боброк, закутанный в плащ до самых глаз, отчего его лицо было невозможно рассмотреть, невольно сделал шаг назад.

— Откуда знаешь меня, холоп? — спросил он, впиваясь глазами в черную фигуру. — Видел меня где?

Хриплые, булькающие звуки, напоминающие человеческий смех, донеслись из-под плаща, которым был прикрыт рот конюшего.

— О нет, боярин Боброк, никогда я тебя не видел.

— Тогда как сумел узнать меня? Говори, холоп!

— А посуди сам, трудно ли это. Я знал, что ты в Литве, в этих местах, что держишь связь с князем Данилой. И кого еще он мог привести с собой, чтобы решить, стоит ли верить мне? Князь Данило горд и знатен, он не стал бы слушать советов человека ниже его по родовитости. А потому он мог привести с собой только тебя, боярин Боброк, равного по знатности и по уму, человека, которому верит как самому себе, с которым вместе делает одно общее дело. Как видишь, боярин, не такая уж это сложная задача.

— Что ж, холоп, ты не ошибся, перед тобой действительно русский боярин Дмитрий Волынец. Ты правильно сказал, что у нас с князем одно общее дело и потому нет друг от друга секретов.

Черная фигура конюшего, все время стоявшего неподвижно, качнувшись, голова с капюшоном повернулась в сторону князя. — Князь Данило, твой воевода Богдан вчера вечером ждал у родника в Волчьей балке гонца от боярина Боброка. Скажи мне, дождался ли он его?

— Того гонца все еще нет.

— Его и не будет, князь. Никогда больше боярин не увидит своего ближайшего слугу Иванко, а ты своего вернейшего десятского Бориса.

— Что ты о них знаешь, литвин?

— Я видел их сегодня утром в подземелье великокняжеского замка. Оба мертвы. Мне удалось узнать, что их перехватили люди Адомаса.

— Что ты знаешь еще? — спросил Боброк.

— При них нашли твои письма, боярин. И те, что писал ты, и те, что пересылал от князя Андрея Ольгердовича. Сейчас люди боярина Адомаса пытаются разгадать твою тайнопись, боярин Боброк.

— Опять воевода? — отрывисто спросил князь Данило.

— Да, князь, опять он. Ты, видно, не поверил мне прошлый раз — и вот результат. Но это дело твое, не мне давать тебе советы.

— Прошлый раз мы сомневались в твоих словах, литвин, а сейчас верим тебе полностью, — сказал Боброк. — Ты много сделал для нас, и мы благодарны тебе за это.

— Если ты хочешь отплатить мне добром, боярин, отомсти моему и вашему врагу — Адомасу.

Князь Данило удивленно поднял брови.

— Но как сделать это?

— Князь, мы не дослушали конюшего, — сказал Боброк. — Мне кажется, у него есть план.

— Ты не ошибся, боярин. Вы оба сильны и здоровы, и потому я не знаю, поймете ли меня, калеку, но все равно слушайте. Хил и немощен ваш враг, боярин Адомас, нет у него ни друзей, ни товарищей, и только одно удерживает его в этой жизни — непомерное тщеславие и жажда власти. Они ему заменяют все. Самое страшное для Адомаса — это почувствовать себя простым смертным, жалким и презируемым калекой. Надо обрезать единственную нить, которая заставляет его цепляться

за жизнь. Именно это я и собираюсь сделать с вашей помощью.

Конюший замолчал, судорожно сглотнул, поочередно глянул на князя и боярина. Но те молчали, и он заговорил снова:

— Вся сила и могущество Адомаса в его близости к великому князю Ягайле. Чтобы уничтожить Адомаса, надо лишить его милости и благожелательности великого князя. Все остальное доделают его многочисленные и могущественные враги, которые только и ждут, когда он споткнется, чтобы втоптать его в грязь. Умен и осторожен боярин Адомас, хитер и изворотлив, но с твоим появлением, боярин Боброк, ушла от него былая удача. Не смог он поймать тебя, отбить твое золото, не смог помешать уходу полоцких дружин. Погибло в степи ордынское посольство, и пропала Мамаева грамота. Не сумел он захватить живьем твоего гонца с письмами Андрея Ольгердовича и до сих пор не может прочесть их. Недоволен им в последнее время великий князь, и сейчас можно нанести боярину Адомасу последний удар.

— Но как это сделать? — спросил князь.

— Прежде чем выступить в поход, князь Ягайло должен дожидаться гонца от Мамая, который сообщит, что и когда ему делать. Этот гонец уже в пути, его видели на степном порубежье. И грамота у него, видно, непростая, потому что охраняет его целый чамбул в тысячу сабель. А чтобы с грамотой ничего не случилось, как в прошлый раз, великий князь посылает навстречу гонцу боярина Адомаса с пятью сотнями своих панцирников. И если вы поможете мне, Ягайло никогда не увидит этой грамоты. После этого всемогущий боярин Адомас исчезнет.

Судорожно дернув головой, конюший умолк, вытер рукой губы. Внутри Боброка все дрожало от волнения, но голос его прозвучал, как и прежде, ровно и спокойно:

— Представляешь ли ты, какой крови это будет стоить?

— Да, грамота будет стоить немалой крови, но я в результате выполню обет своей жизни, а вы, князь и боярин, получите в свои руки грамоту, которая нужна московскому князю не меньше, чем литовскому. А грамоту будем отбивать так. Нас здесь трое, так пусть каждый возьмет на свои плечи равную ношу. Вы, князь и боярин, займетесь татарами, а я литовцами. Когда вы будете отбивать грамоту, знайте, что ни один Адомасов воин не придет им на помощь.

Конюший сунул руку за пазуху, достал оттуда узелок. Развязав его, он показал князю горстку порошка, завернутого в тряпицу.

— Этого достаточно, чтобы отравить целый колодец. Я оставлю без коней все пять сотен великокняжеских воинов.

— И где ты думаешь отравить воду? — спросил боярин Боброк. — Это надо сделать там, где литовцы не смогут достать новых коней или послать известие князю Ягайле, чтобы он отправил новый отряд.

— Боярин, я сделаю это там, где ты скажешь.

— А где должны встретиться ордынцы с литовцами?

— На поляне у старых развалин, что в Черном лесу. Ты знаешь это место, боярин?

— Я не раз бывал там, — ответил вместо Боброка князь Данило. — А знаешь ли ты мельницу у перекрестка на старой степной дороге? Вы никак не минете ее на своем пути. Вот там и делаете привал. Мельник Путята будет знать о тебе и, если потребуется, поможет.

— Адомас и его сотни выступают завтра утром, — проговорил конюший, взглянув на небо. — Если я вам больше не нужен, то поспешу в дом своего хозяина.

Он неслышно шагнул в проход между двумя глыбами и растаял в темноте ночи.

Весь обратный путь до усадьбы князь и боярин хранили молчание, каждый был погружен в свои мысли. И первое слово, сказанное Боброком, было уже в комнате, где их ждал воевода Богдан. Швырнув на лавку плащ и шапку, боярин сел в кресло, глянул на воеводу.

— Повтори еще раз, что ты говорил перед нашим уходом?

— В обед прискакал гонец от атамана Дороша. Он сообщает, что его дозор обнаружил в степи татарский отряд в тысячу сабель. Его путь лежит в Литву, и, судя по всему, это и есть Мамаев гонец со своей охраной, которого мы сейчас ждем.

— А теперь послушай, с чем пожаловал к нам ночной гость. — И Боброк со всеми подробностями передал все содержание состоявшегося разговора.

— Что скажешь на это?

Воевода неопределенно пожал плечами.

— Конюший не сказал ничего нового. О гонце нас уже предупредил Дорош, а что Ягайло вышлет навстречу татарам свой отряд, мы тоже догадывались.

— Ты забываешь, что конюший предложил свой план. Если мы примем его, то нам придется иметь дело не с пятнадцатью сотнями врагов, а с десятью. Князь, сколько воинов у тебя?

— Три сотни.

— А сколько тебе нужно времени, чтобы получить помощь от других русичей, наших единомышленников?

— Шесть-семь часов.

— Много. Конюший сказал, что Адомас с литовским отрядом выступает утром, а нам, чтобы опередить его и иметь время для засады, надо выступить немедленно.

Князь Данило дернул себя за длинный ус.

— Три сотни у меня, столько же у Дороша, полусотня у тебя. Маловато. Трудненько придется нам.

— И поэтому помощь конюшего для нас — дар судьбы. Принять нам ее или отказаться?..

Они долго еще сидели за столом, обсуждая все слова и даже жесты конюшего, советуясь и делаясь сомнениями. И в конце все-таки решили довериться конюшему, принять его план. Но для предосторожности договорились установить тайное наблюдение за мельницей Путаты, чтобы доподлинно и в кратчайший срок знать, что там произойдет.

— Что ж, други, коли переговоры мы обо всем, то пора поднимать людей и выступать в дорогу, — сказал Боброк. — Путь неблизкий — до степного порубежья. А затем до самого Дона, под русские стяги великого московского князя Дмитрия Ивановича.

Вначале в ворота въехал толстый важный сотник с огромными усами, за ним по трое в ряд протиснулось десятка два конных латников с длинными копьями в руках, и лишь после этого в воротах появился боярин Адомас, рядом с которым трясся в седле его конюший.

Сотник остановил коня перед вышедшим на крыльцо мельником, расправил усы.

— Смерд, напоишь наших коней. Да живо покличь хозяйку, пусть приготовит поест вельможному боярину, — кивнул он на Адомаса.

Мельник, высокий мужик с широкой бородой, в покрытой мучной пылью рубашке, переступил на крыльце босыми ногами, посмотрел снизу вверх на сотника.

— Коней я напою, а насчет хозяйки пусть боярин не прогневается. Нет ее дома.

— А где она? — топорща усы, рявкнул с седла сотник.

— В лес с ребятишками пошла, грибы да ягоды собирать. Время как раз такое.

— Нет так нет, черт с ней.

Сотник соскочил с коня, прислонил к стене мельницы копьё и щит, снял с головы шлем, вытер рукавом вспотевшую макушку с наметившейся лысиной. Разгладив усы и откашлявшись от пыли, он посмотрел на въезжающих во двор все новых и новых конников, перевел взгляд на мельника и топнул ногой.

— Чего рот раскрыл? Беги быстрее к колодцу да пои коней.

— Пусть остынут вначале, — сказал мельник, не трогаясь с места. — Загубить можно.

— Не загубишь, — сказал подошедший сбоку конюший. — Последние версты мы еле тащились, так что кони давно остыли. Пошли, я помогу тебе.

Мельник быстро взглянул на конюшего, опустил глаза, вразвалку двинулся к колодцу. Конюший, стараясь не отстать, мелкими шажками потрусил рядом с ним.

— Я от князя Данилы и боярина Боброка, — тихо прошептал он. — Поможешь мне отравить колодец и уходи скорее в лес, куда кони не начали падать идохнуть.

Они ускорили шаги, подошли к колодцу. Мельник вытянул бадью с водой, перегнул ее край, дал напиться конюшему. Ставя бадью обратно на мокрый сруб, конюший столкнул ее в колодец, подхватил на лету, нагнувшись, быстро достал из-за пазухи узелок с порошком, высыпал в темную воду.

Едва конюший успел спрятать тряпицу в карман, как возле колодца появился сотник с конем в поводу.

— Что возишься, смерд! — крикнул он мельнику. — Давай воду в колоды. Или ты думаешь, что мы собираемся торчать у тебя до вечера?

— Сейчас, пан воевода, сейчас, — заторопился мельник. Доставая из колодца бадью за бадьей, он лил воду в наклонный деревянный желоб, по которому она стекала в долбленные колоды. Стоя рядом, сотник вначале молча наблюдал за его работой, затем грубо схватил за плечо.

— Что льешь, смерд? — крикнул он. — Чем хочешь поить наших коней?

— Водой, пан воевода, — спокойно ответил мельник, одним движением плеча сбрасывая с себя руку. — Чем же еще поят коней?

— Водой? Тогда почему наши кони не пьют ее?

Вытянув руку, он указал на колоды, возле которых с обеих сторон уже стояло несколько литовцев с лошадьми в поводу. И действительно, ни одна из них не пила воду.

— Что за вода у тебя, смерд? — закричал сотник, хватаясь за меч. — Может, она дурная и ты хочешь погубить наших коней? А ну пей ее сам. Пей, собака!

Он выхватил меч, приставил его к груди мельника.

— Пей, или я проткну тебя насквозь!

Мельник бросил быстрый взгляд по сторонам. За спиной сотника в нескольких шагах от колодца стеной стоял лес. В руках у мельника была тяжелая деревянная бадья, и он мог бы сбить ею сотника, но рядом уже топтались несколько других литовских воинов, прибежавших на крик. И он спокойно вылил воду из бадьи в желоб, поставил бадью на сруб.

— Не кричи, пан воевода, — тихо сказал он. — Ну откуда мне знать, отчего ваши литовские кони не хотят пить? Вон ваш пан пил ее, — мельник кивнул на конюшего, — и ничего с ним не случилось, так что вода хорошая.

— Пей, собака! — повторил сотник.

Мельник неторопливо вытянул бадью из колодца, припал губами к ее краю.

— Пей, смерд, пей больше, — толкнул его сотник. — Пей по-настающему, а не только мочи губы.

— Хватит, воевода, напился уже.

Выпрямившись, мельник хотел вылить остатки воды в желоб, но выронил бадью из рук и зашатался. Его лицо побагровело, на губах выступила пена. Схватившись за грудь и жадно лоя открытым ртом воздух, он тяжело рухнул прямо на сруб колодца.

Опустив оружие, литовцы с изумлением и страхом наблюдали за происходящим. И лишь сотник, ничему не удивившись, перешагнул через труп мельника и пошел к стоявшему неподалеку конюшему.

— А что теперь делать? — спросил он.

— Оставь стражу, чтобы никто не вздумал пить, а сам с отрядом отправляйся дальше. Через две версты будет ручей, там и отдохнете до нашего с боярином приезда. Ступай.

Конюший еще раз взглянул на труп мельника, осененный крестом и направился к дому. В чисто прибранной горнице у раскрытого окна сидел Адома. При виде конюшего он зашелся своим дребезжащим смешком, довольно потер руки.

— Все идет по нашему плану? — спросил он, лишь мельком взглянув на конюшего и снова отворачиваясь к окну. — Не надо, не говори, я видел. Мельник мертв, но еще живы князь Данило и боярин Боброк. А мне нужны именно они, а не этот русский смерд.

— Князь Данило и боярин Боброк в твоей западне, и скоро ты уничтожишь их. А не забыл ли ты о своем обещании?

— Нет, холоп, не забыл. Я обещал, что, если ты заманишь в ловушку князя Данилу и Боброка, я отпущу на волю твою приемную дочь. Но не рано ли ты заводишь этот разговор?

— Боярин, я выполнил все, что обещал. Дальнейшее зависит не от меня.

— Ты рано пришел, холоп, — резко сказал Адомас.

Конюший склонил голову, приложил руку к груди.

— Я понял тебя, боярин: ты не веришь мне. Тогда скажи, чем я могу еще помочь?

— Скажи к боярину Векше и напomini ему, чтобы он получше следил за князем Данилой и перекрыл все дороги, по которым могут уйти русичи. Через два-три часа я поведу своих воинов ему на помощь.

Спрятавшись в ветвях на вершине высокого дуба, сотник Андрей давно уже наблюдал за двором мельника Путяты. Он видел и въезжавших к нему на подворье литовских конников, видел, как мельник вместе с конюшим боярина Адомаса пошел к колодцу и как его обступили с оружием в руках литовцы. Видел, как старого Путяту заставили пить отравленную воду и как тот упал мертвым на сруб колодца. И лишь когда конюший спокойно ушел в дом мельника, где до этого скрылся Адомас, а литовский отряд, оставив у колодца небольшую стражу и полусотню для охраны боярина, снова двинулся по дороге к степному порубежью, сотник быстро заскользил по стволу вниз. Уже с той самой минуты, когда он увидел литовцев, и догадавшись, что они выступили в поход не утром, как говорил конюший, а гораздо раньше, в его душе шевельнулась тревога. Теперь же, увидев своими глазами смерть Путяты и безнаказанность конюшего, он все понял.

— Измена, други! — крикнул он двум своим дружинникам, поджидавшим неподалеку с конями в поводу. — Быстрее к князю!..

Он прыгнул в седло, и тотчас в дерево рядом с ним впилась стрела. Подняв коня на дыбы, сотник втянул голову в плечи и оглянулся. Оба его дружинника лежали в траве, сраженные стрелами.

Не раздумывая, Андрей бросил коня на сплошную стену кустов, что высилась впереди. Но было уже поздно: несколько стрел впились в конский круп, и лошадь стала медленно заваливаться на бок. Андрей успел соскочить на землю и даже схватить меч, но брошенный из-за соседнего дерева аркан обвился вокруг шеи.

— Вяжи его крепче! — весело крикнул старший сын боярина Векши Николай, подъезжая к лежавшему на земле сотнику, на котором уже сидело несколько боярских дружинников. — Этого удальца я знаю, встречал не раз. За такой подарок боярин Адомас спасибо скажет.

Сотника Андрея развязали лишь после того, как втащили в дом мельника Путяты и поставили перед столом, за которым сидел боярин Адомас.

— Здравствуй, здравствуй, — дружелюбно сказал Адомас, кривя губы в улыбке. — Как видишь, знаю я тебя, да только

сейчас бог привел свидеться. Ну чего молчишь? Думаешь, буду выпытывать? Приготовился небось к дыбе да огню с железом? А мне ничего от тебя не надо. Потому что я все наперед знаю: и зачем твой князь Данило с боярином Боброком в этом лесу, и где они устроили свою засаду. Все известно мне, русский сотник Андрей. Потому и стоишь ты сейчас безоружный передо мной. Потому и не будет в живых к заходу солнца ни твоего князя, ни московского боярина Боброка.

Он пристально взглянул на сотника, забарабанил пальцами по столу.

— Не нужен ты мне, и отправлю-ка я тебя в подарок боярину Векше. Знаю, есть у него счеты к твоему князю, да и к тебе тоже. Пусть разбирается...

Оставшись один, боярин усталю откинулся спиной к стене, подставил лицо теплым лучам солнца, прикрыл глаза. Несмотря на усталость и одолевающую из-за бессонной ночи дремоту, настроение у него было хорошее.

Этому были причины. Уже в тот день, когда боярин Векша вручил ему в руки ханскую грамоту и рассказал историю о том, как он случайно наткнулся в лесу на казачий отряд и отбил ее, Адомас уже тогда ничему не поверил. Через своих людей, что были у него в усадьбе Векши, он узнал о ночном приезде атамана Дороша к своему бывшему боярину, и о встрече, что состоялась между ними на следующий день у старого дуба на поляне, и о неудавшейся засаде. Адомас не сомневался, что Векша получил эту грамоту от Дороша, но только не в бою, а обменяв ее на коня и шлем. Итак, судьба грамоты для Адомаса была ясна, понятно было ему и вранье тщеславного и глуповатого боярина Векши, но вот поступок дерзкого и страшного атамана степных разбойников Дороша был Адомасу не совсем понятен.

И он, правая рука великого литовского князя, был вынужден заняться более чем скромной особой бывшего беглого смерда, а теперь атамана так ненавистной ему воинственной русской степной вольницы. Опять-таки через своих верных людей, которые были у него везде, Адомас узнал, что атамана Дороша в последнее время несколько раз видели с дружинниками князя Данилы, а один раз даже с воинами, по одежде иговору напоминающими москвитов князя Дмитрия. Все это заставило боярина задать себе вопрос: а по своей ли воле и разумению напал атаман на татарское посольство, так ли уж случайно попала к нему Мамаева грамота? Но если атаман не по своей воле напал на посольство, то почему отдал он грамоту в руки боярина Векши, своего бывшего хозяина, заведомо зная, что в конце концов она очутится у великого литовского князя, то есть у того, кому и предназначалась?

Много думал об этом Адомас, много было в его голове разных догадок и предположений. И в результате однажды вечером перед русским князем Данилой предстал боярский коныш с вестью об измене княжеского воеводы Богдана.

Адомас открыл глаза, взглянул на висевший над лесом блестящий шар солнца. Протянув руку, взял со стола серебряный колокольчик, громко позвонил.

— Коня! — резко бросил он появившемуся в дверях слуге...

Прислонившись к стволу дерева, Боброк рассеянно наблюдал за тем, как спешившиеся дружинники подрубали и подпиливали деревья, стоявшие у лесной дороги. Они делали это так, чтобы в нужный момент деревья можно было легко свалить.

— Дело к тебе, — сказал князь Данило, подходя к Боброку с несколькими дружинниками. Он вытолкнул вперед человека, у которого на поясе болтались пустые ножны.

— Я сотник Кирилл из дружины боярина Векши, — сказал человек. — Того самого русского боярина, что продал свою душу дьяволу и литовскому Ягайле. Я искал себя и князя Данилу...

— Откуда ты узнал, что мы здесь? — перебил его Боброк.

— Вы здесь только несколько часов, а я уже двое суток. Вы только начали устраивать свою засаду на татарское посольство, а боярин Адомас и мой хозяин уже давно устроили для вас ловушку. Вот я и прискакал, чтобы предупредить.

— О чем ты говоришь, сотник Кирилл?

Пленник поднял голову, взглянул на высокое солнце.

— Я понимаю твое недоверие ко мне, боярин, но нет времени для долгих объяснений. Вы устроили засаду сегодня, а боярин Адомас со своими воеводами сделал это же два дня назад. За твоей спиной более полутысячи литовцев, а неподалеку еще два раза по столько. Адомасов конюший, что завел вас в этот лес, изменник, и сейчас мертв мельник Путята, а у литовского отряда все кони целы. Два ваших воина, что следили за мельницей, убиты, а сотник Андрей в руках Адомаса...

Как пораженные громом, слушали эти слова воевода Боброк и князь Данило.

— Почему мы должны верить тебе? — медленно и тихо говорил Боброк.

— Боярин, я безоружен и полностью в вашей власти. И все же я повторяю: уходите с этого места. Тем более что Мамаев гонец со своим чамбулом поскачет совсем по другой дороге. Спешите. У вас вместе с разбойниками Дороша семьсот мечей, а у ваших врагов втрое больше.

Конский топот заставил всех обернуться. Из-за поворота дороги вырвался всадник, круто осадил коня перед князем Данилой.

— Литвины, князь. Идут от мельницы Путяты. Не меньше пяти сотен копий. И боярин Адомас с ними.

— Что значит «идут»? — Князь Данило зло раздул ноздри. — Как идут? Конно или пеше?

— Конно, князь.

— А где сотник Андрей?

— Не было его, князь, и что с ним, не знаем.

Князь и Боброк переглянулись, боярин шагнул к гонцу.

— Скачи к воеводе Богдану и передай, чтобы он сейчас же снимал все дозоры и скакал к нам. Слышишь? Снимал всех до последнего человека и немедленно был у нас.

Он проводил гонца взглядом, повернулся к сотнику Кириллу.

— Спасибо тебе за твою весть. Прости, что не сразу по-

верил. Верните ему оружие! — крикнул Боброк. — Негоже воину стоять с пустыми ножнами.

Он шагнул к своему коню, но князь остановил его.

— Скажи, Кирилл, — обратился он к сотнику, — где же встретятся ордынцы с литовцами?

— Не ведаю, княже. Знаю только, что дойдут они до Лысого кургана и что будет их ждать там литовский дозор, чтобы вести дальше. А куда он их поведет, этого не знаю.

— Лысый курган, Лысый курган, — задумчиво повторил князь Данило. — Скажи, сотник, а мог бы ты провести меня туда?

— Могу, княже...

— Что ты задумал? — насторожился Боброк.

— А вот слушай...

Он тихо начал рассказывать свой план. Боброк слушал не перебивая, потом долго молчал.

— Мысль заманчивая, — наконец сказал он. — Но думал ли ты, чем это грозит? Если татары тебе не поверят — смерть на месте. Если поверят и ты заведешь их под наши стрелы — все равно смерть. Нет, князь, я против. Эти сутки мы у Ягайлы уже выиграли, вряд ли он тронется в поход и завтра. Так к чему все?

— А если Ягайло пойдет завтра? А если князю Дмитрию не хватит для победы как раз одного дня?

Боброк сузил глаза, скрипнул зубами.

— Знай я мурзу Тимура, как ты, сам бы поехал к нему. Но не могу приказывать тебе, князь, не могу распоряжаться твоей жизнью. Поступай, как велит совесть. Вот тебе мое последнее слово.

— Спасибо, боярин. Князь Данило старый воин, он хорошо знает свой долг перед Русью и выполнит его до конца. Давай обнимемся с тобой на прощание. Кто знает, доведется ли нам еще встретиться на этой земле...

Вдали на дороге появилось маленькое облачко пыли, оно росло, разбухало. И вот под лучами солнца заблестели доспехи, наконечники копий, стали видны кони и сидящие в седлах невысокие плотные всадники с круглыми щитами и в пестрых халатах поверх кольчуг.

Увидев на кургане русских дружинников, передовой татарский разъезд рассыпался по полю, некоторые всадники выхватили из чехлов луки.

Князь Данило тронул коня навстречу татарам. За ним последовали сотник Кирилл и двое княжеских дружинников. Когда они были в нескольких шагах от разъезда, из цепи всадников выехал вперед один, изобразил на своем широком лице ласковую улыбку.

— Здравствуй, русский князь, я и мои нукеры рады видеть тебя, — воркующим голосом заговорил он, бегая своими глазами-щелочками по сторонам.

— Здравствуй и ты, храбрый воин, — ответил князь, чувствуя непривычную сухость во рту. — Рад и я видеть славных и отважных нукеров великого хана Мамай. Легким ли был ваш

путь, как чувствует себя мой друг и твой воевода достойнейший Тимур-мурза?

Татарин слегка наклонил голову, сложил на груди руки.

— Легким и приятным был наш путь, русский князь, здоров и весел наш несравненный Тимур-мурза, да продлит аллах дни его. Но что делаешь ты в этой степи, почему стоят на кургане твои воины?

— Ты хочешь спросить, храбрый воин, почему на этом кургане я и мои русичи, а не те литовцы, которых ты должен был встретить? — усмехнулся князь Данило. — Но это я скажу только твоему воеводе, достопочтенному Тимур-мурзе. А потому пошли к нему самого быстрого нукера и передай, что русский князь Данило, посланный ему навстречу великим литовским князем Ягайлой, ждет на этом кургане. А чтобы ноги его коня стали еще быстрее, передай вот это.

Князь Данило протянул татарину толстую золотую цепочку. Обнажив в улыбке свои желтые зубы, татарин выхватил цепочку из рук князя, сунул за свой широкий пояс. Обернувшись, он крикнул несколько слов дозорным, и двое из них тотчас сорвались с места, поскакали по дороге. Сам же татарин отъехал к своим всадникам, замер, как и они, на месте, снова выставив в сторону русичей свое копье.

Так они стояли молча друг против друга, ждали.

А всего лишь час назад на вершине этого степного кургана стояли три десятка литовцев. Подкравшись, дружинники князя засыпали их стрелами, а затем в короткой схватке расправились с уцелевшими. Командовавший литовцами сотник погиб в самом начале боя, двое захваченных в плен дружинников ничего толком не знали, кроме того, что они ждут татар, чтобы сопровождать их.

На дороге снова возникло пыльное облако, и вскоре князь Данило разглядел целую лавину всадников. Впереди мчался высокий, сухой татарин в богатых доспехах, золоченом шлеме и дорогом, расшитом золотом халате. Когда он осадил коня на кургане, князь Данило поклонился, приложив руку к груди.

— Будь славен, храбрейший Тимур-багатур, — сказал он. — Я, русский князь Данило, рад видеть тебя и сопровождать к великому литовскому князю Ягайле, которому ты везешь грамоту от его брата, великого хана Золотой Орды Мамай.

Татарин тоже поклонился, сложил на груди руки.

— Будь славен и ты, русский князь. Рад видеть тебя. Но почему встречаешь ты, а не тот сотник-литовец, что был прошлый раз в Орде?

Лицо мурзы было холодно и бесстрастно, словно высеченное из камня.

— Да, славный Тимур-мурза, тебя должен был встречать литовский сотник со своими людьми. Но когда великий князь Ягайло узнал, что посольство великого хана ведешь ты, храбрейший из храбрейших, он решил, что такой багатур достоин лучшей встречи, и послал меня, равного тебе по знатности и славе.

— Я благодарен великому князю за такую честь, но почему никто не предупредил меня об этом? Я уже встречался с не-

сколькими разъездами великокняжеской стражи, и никто не сказал, что меня будешь встречать ты, князь Данило.

Маленькие глазки татарина смотрели настороженно, вся его фигура была напряжена и подобрана.

— Я должен был встретить тебя вместе с боярином Адомасом, но тот из-за слабого здоровья не вынес дороги и ждет сейчас в двух часах пути отсюда. Я провожу тебя к нему, славный мурза, и ты уже вместе с ним отправишься к великому князю Ягайле. Эй! — крикнул он стоявшему недалеко Кириллу. — Скажи со всей сотней к боярину Адомасу и передай, что мы с Тимур-мурзой скоро будем у него. И скажи, что славный багатур устал с дороги и хочет отдохнуть.

Сотник не тронулся с места, и князь огрел своего коня плетью, поскакал к Кириллу.

— Чего ждешь?! — зашептал ему. — Скажи к Боброку и передай, что зверь идет в западню.

— Князь, я не оставляю тебя здесь одного, — твердо сказал Кирилл.

Князь нахмурил брови.

— Оставь десяток воинов, а с остальными скажи к Боброку. Меня не спасет твоя сотня, а Боброку она будет очень кстати. Прощай, сотник, и передай боярину с воеводой, что старый князь Данило желает им удачи, а пуще всего победы Дмитрию и счастья Руси...

14

— Едут! — донесся сверху крик дозорного, и в лесу сразу все стихло. Дружинники, и до этого разговаривавшие вполголоса, замолчали вовсе. Те из них, кто еще осторожно подрубал деревья, отложили в сторону топоры и бросились к своим коням.

Сняв с головы шлем, чтобы отраженные от него лучи солнца не могли выдать засады, боярин Боброк осторожно выглянул из-за кустов. Узкая лесная дорога, стиснутая с обеих сторон вековыми деревьями и разросшимся у их подножия кустарником, на этом участке была почти прямой и просматривалась сравнительно далеко. В самом ее конце показались всадники.

— Ну, други, вот и пришло наше время, — сказал Боброк, обращаясь к воеводе Богдану и нескольким сотникам, что окружали его. — По местам, и бог всем в помощь.

Тихо шумел вековой бор, пустынной и глухой была лесная дорога, ничто не выдавало присутствия затаившихся по обеим сторонам ее сотен людей.

Но вот мимо Боброка пронесся десяток татар. И вскоре перед его глазами заколыхались идущие на рысях сплошные ряды ордынской конницы. Мелькали раскосые лица под малахиями и шлемами, проносились все новые и новые ордынские сотни, а он все неподвижно сидел в седле. И только раз дрогнула его рука, державшая повод, когда рядом с высоким худощавым татаринком в богатой одежде он увидел князя Данилу. Всего лишь два ряда русских дружинников виднелось за его спиной, а со всех сторон были только чужие, только враги.

— Прости, князь, ежели что, — сказал Боброк и положил руку на плечо стоявшего рядом Дороша. — Сигнал, атаман, пора...

Дорош сунул два пальца в рот, оглушительно свистнул. Стоявшие вдоль дороги дружинники уперлись плечами в подпиленные и подрубленные стволы. Но прежде чем деревья рухнули на головы татар, сотни других дружинников и ватажников, стоявших за кустами, стегнули по ордынцам ливнем стрел.

Падавшие деревья давили, вышибали из седел ордынских всадников, ломали ноги и хребты их коням. Те из татар, кто не был сражен стрелами, не погиб под деревьями и копытами коней, бросились в стороны от дороги и наткнулись на сплошную стену червлёных русских щитов. Перед этой стеной дрожала и искрилась на солнце щетина копий, и страшен был удар каждого из них.

Почти никто из татар, попавших под стволы упавших деревьев и под стрелы и копья русских дружинников, не спасся. Лишь в самой середине татарской колонны, где скакали мурза Тимур и князь Данило, еще кипел бой. Желая спасти князя, русичи не обрушили на эту часть ордынцев ни единого дерева, не пустили по ней ни одной стрелы.

На князя Данилу и десяток бывших с ним русичей сразу же навалилась полусотня нукеров. И если бы не меткие стрелы русских лучников, сидевших на деревьях вдоль дороги, участь князя была бы решена в самом начале боя. Сейчас же, образовав со своими дружинниками круг, он успешно отбивался от обступивших его татар. Буланный жеребец князя, прошедший с хозяином сквозь десятки битв, дико храпел, поводя налитыми кровью глазами, вскидывался на дыбы, бил копытами, кусал зубами коней наседавших татар.

— Держись, княже! — кричал сотник Григорий, прорубаясь к нему сквозь сверкающее кольцо татарских сабель. Свое копье сотник давно оставил в чьей-то груди. Шлем с его головы был сбит, на левом плече растекалось кровавое пятно, но Григорий ничего этого не замечал. Перед его глазами был только князь Данило и единственный уцелевший возле него дружинник, которые с трудом отбивались от десятка нукеров.

— Рубай их, хлопче, рубай! — ревел атаман Дорош, защищая сотника от ударов сзади. За ним теснились такие же отчаянные и бесстрашные рубаки, как он сам.

Они были уже в нескольких шагах от князя Данилы, когда упал с коня последний его дружинник. И тотчас на плечо князя обрушился удар кривой татарской сабли, и рука его, сжимавшая меч, бессильно повисла. Отбросив в сторону щит, князь перехватил оружие в левую руку, и ближайший к нему ордынец, не успевший увернуться, рухнул с коня. Но тут же над головой князя сверкнуло сразу несколько сабель. Выронив меч, он склонился к конской гриве, а затем стал быстро заваливаться навзничь. Но прежде чем князь упал на землю, подскакавший вплотную ордынец проткнул его насквозь страшным ударом своего короткого хвостатого копья.

— Эх, князь, что же ты! — простонал сотник, поднимая своего коня на дыбы и швыряя его вперед.

Он успел достать мечом и развалить чуть ли не до пояса ударившего копьем ордынца. Но сверкнула и перед его глаза-

ми сабля, и Григорий с залитым кровью лицом тоже повалился с седла. Один из татар прыгнул на грудь упавшего на землю сотника, занес широкий нож над его горлом. Дорош смял тартина конем, соскочил с седла, склонился над князем Данилой. Битва уходила, откатывалась по дороге.

— Что, атаман? — тревожно спросил подъехавший к Дорошу боярин Боброк. Он только что зарубил Тимур-мурзу, и в его руке была ханская грамота.

Дорош поднялся с колен, повернулся к Боброку, швырнул в ножны свою саблю.

— Сотник только ранен, а князь...

Он отвел глаза, снял шлем, склонил голову. И боярин тоже снял шлем.

— Он честно жил и честно умер, как и подобает настоящему русичу и воину, — тихо сказал боярин, глядя на неподвижное тело князя. — Не нам, смертным, знать свою судьбу, но я хотел бы умереть как он: в бою и с победой, сделав для Руси все, что только можно.

Боброк выпрямился, надел шлем, глянул на Дороша.

— Труби, атаман, сбор. Надо поскорее собрать раненых и предать земле мертвых. Литовцы рядом.

Из болотистых лесов они выбрались только ночью. На широкой, залитой лунным светом поляне Дорош, ехавший рядом с Боброком, воеводой и сотником Кириллом впереди отряда, придержал коня, повернулся к боярину.

— Все трясины и топи позади, боярин. Теперь до русского порубежья путь свободен. Пора нам прощаться с ранеными.

— Добро, атаман.

Они остановили коней и стали пропускать мимо себя вереницу своих дружинников и ватажников, пока не дождались раненых. Первым был сотник Григорий, он лежал на самодельной качалке, сплетенной из гибкой лозы и закрепленной между двумя лошадьми. Следом, с трудом держась в седле, ехал сотник Ярема из ватаги Дороша. Его левая рука, пробитая в предплечье стрелой, висела вдоль туловища, голова, задетая саблей, была обмотана куском холстины. И хотя лицо Яремы было перекошено от боли, глаза его, как всегда, смотрели весело.

— Все, сотник, приехали, — сказал Дорош, обращаясь к Яреме. — Попрощаемся и отправимся каждый своей дорогой. Коли что было между нами не так, прости и не поминай лихом. Здоровья и счастья тебе, друже.

Он нагнулся к сотнику, слегка потрянул его за плечи.

— Прощай и ты, — как можно веселей сказал Ярема, стараясь не морщиться от боли. — И коли даст бог, погуляем мы еще с тобой по этой земле на лихих конях и с острой саблей. Удачи и счастья тебе, атаман.

Дорош и Боброк соскочили с коней, подошли к качалке. Сотник Григорий открыл глаза, попытался поднять голову, но тотчас снова ее уронил.

— Лежи, сотник, лежи, — ласково сказал Боброк, — береги силы.

— Где я, боярин? — слабым голосом спросил Григорий. — Что со мной и почему меня качает?

— Ранен ты, сотник, крепко ранен. Врачевать тебя надобно

и ставить на ноги. Оставляем мы тебя здесь вместе с другими ранеными.

— Оставляешь, боярин? — встрепнулся Григорий. — Ведь я должен... — Он зашелся в кашле, замолчал.

— Ничего ты не должен, друже, — сказал Дорош, наклонясь над ним. — Все, что мог, ты уже сделал, дай теперь и другим исполнить свой долг перед Русью. Сегодня ты пролил кровь на моей земле, а я завтра займу место в бою на твоей земле, и не посрамлю ни твоего, ни своего имени. Это же делают и три сотни моих верных и храбрых казаков, что идут вместе со мной под московское знамя.

Простившись с остальными ранеными, Боброк и Дорош снова двинулись в голову колонны. Проехав поляну, они остановились, потому что в лес дальше уходили уже две дороги.

— Твое слово, атаман, — обратился Боброк к Дорошу.

— Обе дороги ведут на Русь, к Оке, — сказал Дорош. — Но вот эта короче, и потому она наша.

Он тронул коня, но сотник Кирилл встал на пути.

— Ты прав, атаман, эта дорога короче. Но только ехать нам надо по другой.

— Это почему же? — удивился Дорош.

— На другой дороге нас ждут люди. И я обещал, что мы встретимся с ними.

— Кто эти люди? — настороженно спросил Боброк.

— Боярин, поверь мне, это свои люди.

Он первым поехал по указанной дороге. Помедлив, тронулись за ним все остальные.

Устало опустив на грудь голову, Боброк, убаюкиваемый размеренным ходом своего коня, впал в полудрему. Что ж, он мог теперь позволить себе отдохнуть, русский боярин Дмитрий Боброк-Волынец, правая рука великого московского князя, посланный им с трудным и опасным заданием в Литву и успешно его выполнивший. И пусть нет сейчас половины тех людей, что пришли с ним в эти места из Москвы, пусть нет ни Иванко, ни сотника Григория, но дело сделано: московское войско уже на подходе к Дону, а литовский Ягайло все еще топчется в Литве и ждет от Мамаю грамоту...

Пронзительный свист заставил вздрогнуть. Боброк открыл глаза, увидел лесную дорогу, спускавшуюся к броду через широкий лесной ручей. Доносилось глухое журчание воды, бегущей между отмелями золотистого под лунным светом песка.

Не доезжая до ручья нескольких шагов, сотник Кирилл, едущий впереди колонны, остановил коня и трижды прокричал в темноту филином. И едва смолкло эхо, как из леса на противоположном берегу выехала группа конных с щитами на плечах и копьями в руках, остановилась у самого уреза воды. Двое въехали в ручей и направились к ним.

— Боярин, это те люди, о которых я говорил, — сказал Кирилл.

Выглянувшая из-за туч луна помогла Боброку рассмотреть подъезжавших всадников. Впереди ехал молодой воин с висячими южнорусскими усами.

Воевода Богдан резко наклонился к Боброку.

— Это один из сыновей боярина Векши, его младший, Глеб. Как бы не было беды... яблочко от яблони недалеко падает.

— Это правда, сотник? — повернулся Боброк к Кириллу.

— Да, боярин, воевода сказал правду, — ответил Кирилл. — Но это он, Глеб, рассказал мне вчера об Адомасовой ловушке и послал к тебе. Это он велел передать вам о встрече литовцев с татарами у Лысого кургана и обещал сбить со следа воинов Адомаса, если бы они пошли за вами через болото.

— Почему ты не сказал об этом вчера? — нахмурился Боброк.

— Но разве ты или князь поверили бы мне, скажи я сразу, кто меня послал к вам?

Между тем вислоусый всадник подъехал совсем близко.

— Будь здоров, боярин, — негромко произнес он. — Будь здоров и ты, воевода Богдан. Но я не вижу среди вас князя Данилу.

— Здрав будь и ты, боярский сын Глеб, — сухо ответил Боброк. — А князя Данилы ты больше не увидишь, потому что нет его с нами. Много битв видел он на своем веку, но вчерашняя стала для него последней. Он храбро бился и честно умер за Русь, и она не забудет о нем.

Они помолчали в скорби.

— Шесть с лишним сотен воинов ведешь ты сейчас к князю Дмитрию, — сказал Глеб. — Три сотни русских дружинников, проклявших свою службу боярину Векше и литовскому Ягайле, веду я по той же дороге. Нелегко у нас обоих путь, боярин. И я предлагаю объединить наши силы.

Он взял из рук своего спутника копье, высоко поднял его над головой. Лес на противоположной стороне ручья зашевелился, из него стали выезжать закованные в доспехи всадники.

— Но прежде чем выступить в поход, прими, боярин, подарок от меня.

Глеб снова призывно махнул рукой, и группа всадников тронулась через ручей. Присмотревшись, Боброк узнал в переднем сотника Андрея. Он был в полном воинском облачении, с мечом и копьем, с щитом на плече. Он вел в поводу еще лошадь. На ней, со связанными за спиной руками, накрепко прикрученный к седлу, сидел конюший боярина Адомаса.

— С возвращением, сотник, — растроганно сказал Боброк, обнимая Андрея. — А мы с воеводой, признаюсь, уж и не чаяли увидеть тебя живым.

— Если бы не Глеб, все мы, возможно, были бы уже мертвы.

Боброк тронул коня, подъехал к конюшему. Вытащив меч, сбросил лезвием с его головы капюшон плаща.

— Что, холоп, узнал меня? А может, вспомнил и мои слова, о том, что будет, если по твоей вине прольется хоть капля русской крови? Атаман, — позвал он Дороша, — кликни своих хлопцев, пусть займутся этим...

Через несколько минут, слившись в одну колонну, оба русских отряда двинулись по дороге. И опустели берега лесного ручья, тихо журчала вода на песчаных перекатах, поскрипывал сук, на котором дергалось тело повешенного конюшего...

Направляясь к великому князю, Адомас готовился к самой дикой вспышке Ягайлова гнева, но спокойствие, с которым встретил его князь, удивило и испугало его.

— Чем порадуешь, боярин? — спросил Ягайло, окидывая Адомаса хмурым взглядом.

— Мы не догнали Боброка, — коротко ответил боярин, настороженно следя за князем.

— Значит, вернулись с пустыми руками, — язвительно усмехнулся князь. — Ехали ловить Боброка и князя Данилу, а вместо этого отдали им Мамаеву грамоту?

Адомас молчал.

— Но ладно, боярин. Другие заботы свалились на нашу голову.

Голос великого князя был тих и ровен, и это его спокойствие бросало Адомаса в дрожь. Забыл о Боброке, о ханской грамоте?! Что могло случиться за те двое суток, пока его не было возле великого князя?

— Вчера вечером прискакал гонец с русского порубежья и сообщил, что мой брат Андрей со своими полками снялся с места и подался на юг. Зачем, боярин?

— Возможно, он боится, что ты можешь разбить его и Дмитрия Ольгердовича по частям и хочет не допустить этого. Сорок тысяч мечей — это не те двадцать, что сейчас у него даже вместе с полочанами воеводы Рады, — сказал Адомас.

— Так думал вначале и я. Но утром прискакал другой гонец с вестью, что Дмитрий Ольгердович в то же время, что и его брат, оставил Брянщину, где сидел до этого, и со своими дружинами тоже двинулся на юг. Что скажешь теперь, мой мудрый боярин?

Адомас не решился высказать мысль, что пришла ему в голову, настолько она была страшной.

— Молчишь, — усмехнулся Ягайло. — А в обед от одного из твоих лазутчиков прилетел ученый голубь. Твой согладатай из Москвы доносит, что князь Владимир Андреевич тоже подался на Коломну. Вот теперь и подумай...

Ягайло вскочил из-за стола, ударом ноги отшвырнул кресло, подбежал к окну.

— Перехитрил нас московский Дмитрий. Его войско уже подходит к Дону. Через несколько дней к нему примкнут оба Ольгердовича и брат Владимир. А мы, если даже выступим в дорогу сейчас же, все будем на полпути к Мамаю. И если Дмитрию удастся навязать Орде битву, судьба Литвы решится без всякого ее в этом участия. Понимаешь, боярин?

— Но московский Дмитрий опытен и дальновиден, он не оставит границу с Литвой без защиты, не откроет нам дорогу на Русь.

— Именно потому, что умен и дальновиден, он это и сделал. Он смог понять, что судьба Руси сейчас решается на Дону, а не в Литве или в Москве. И он пустит нас на Русь, хорошо зная, что, если одержит верх над Ордой, все потерянное снова вернется к нему. Я не знаю, удастся ли ему победить Мамаю, но нас он уже победил: одним ловким ходом сбросил со счетов

войны десятки тысяч литовских мечей, не заплатив за это ни одним своим.

— Великий князь, но уже не в наших силах повлиять на то, что произойдет на Дону...

— А потому, боярин, давай думать о Литве.

Ягайло быстрыми шагами вернулся к столу, уселся на его край, скрестил на груди руки.

— Что нам делать, боярин?

— У обоих Ольгердовичей только конница, и они уже опередили нас на два перехода, так что вряд ли мы их догоним, — медленно, глядя себе под ноги, словно разговаривая сам с собой, начал Адомас. — Но зато перед нами открыта дорога на Москву, откуда мы можем ударить в спину русскому войску. Может, это и есть наша дорога, великий князь?

— Нет, боярин, это не наша дорога. Прежде чем мы будем в Москве, на Дону уже прогремит битва. Если победит Мамай, мы с такой помощью будем просто смешны, если же верх возьмет Дмитрий... Нет, боярин, надо идти на соединение к Мамаю...

— Я понимаю тебя, великий князь. Если мы двинемся на встречу Мамаю, то будем чисты при любом исходе сражения: Мамай сам ввязался в бой, хотя мог уклониться от него и дожидаться нас. Я правильно понял твою мысль, великий князь?

Ягайло усмехнулся, опустил глаза. И Адомас понял, почему великий князь так спокоен. Просто он все обдумал, взвесил, принял свое решение. И он позвал Адомаса совсем не для того, чтобы советоваться, а чтобы сообщить ему принятое решение.

16

Под бархатным великокняжеским стягом, в богатом воинском облачении великий московский князь Дмитрий прямо и неподвижно сидел в седле и наблюдал за идущими мимо него к переправам через Дон русскими полками. Только что в его шатре состоялся военный совет, на который были приглашены князья и воеводы подошедшего к Дону русского войска. Вопрос был один: остаться по эту, свою, сторону реки и ждать нападения татар или самим переправиться на тот берег и навязать бой Орде?

Голоса разделились. Одни призывали к осторожности и благоразумию, пугали более чем двойным превосходством в силах татар и опасностью вести бой, имея за спиной реку. Другие настаивали на немедленной переправе и внезапном нападении на татар. В том же, что за спиной будет Дон, они видели залог того, что русское войско будет биться насмерть, зная, что пути к отступлению нет. И первыми среди тех, кто настаивал на переправе, были Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, боярин Боброк, князь Владимир Андреевич Серпуховский. Они знали, какой ценой оплачено право вступить в бой только с Ордой, не опасаясь удара Литвы в спину и чего стоило собрать воедино все русское войско. Они знали также, что литовская конница находится от Дона всего в двух-трех переходах.

А теперь они стояли на пригорке позади великого князя и

смотрели на нескончаемые колонны русского воинства, идущего через Дон. Вся необъятная Русь текла мимо них. Шли молодые юноши, впервые взявшие в руки оружие, и закаленные в сражениях воины. Проходили вчерашние холопы и смерды с рогатинами в руках и топорами за поясами, повесившие на плечи самодельные деревянные щиты. Ехали на рослых боевых конях закованные в броню и грозные в своем воинском умении княжеские и боярские дружины, уже не раз испытывавшие в боях крепость своей руки. И все они, сыны русской земли, шли на неведомое Куликово поле, чтобы завтра утром, едва поднимется солнце, перегородить его из конца в конец рядами своих червлёных щитов и заслонить Русь. Сто пятьдесят тысяч восточных славян встанут грудью против бесчисленного и страшного врага.

Русичи не дрогнув встретят бешеный натиск разноплеменных орд, зальют своей и чужой кровью это широкое поле, загрозмят его горами своих и чужих тел. И ничто — ни дикий напор татарской конницы, ни упорный натиск железных рядов наемной итальянской пехоты, ни визжащие орды кочевников — не заставит их отступить.

И когда они победят и над полем битвы хрипло прозвучит сигнал трубы, созывающей уцелевших под великокняжеское знамя, они опять сомкнут ряды своих залитых кровью щитов на тех же холмах, где стояли утром. И даже у них, чудом оставшихся живыми в этой беспримерной сече, видевших вокруг себя сотни смертей, вздрогнет сердце. Потому что вчетверо короче будет стена щитов. Из ста пятидесяти тысяч, стоявших утром под этим стягом, к вечеру останется только сорок тысяч. Но великий московский князь, объезжая эти ряды, ни на миг не усомнится в том, что, доведись им сейчас встретиться с новым врагом, они так же бесстрашно встретят его.

Но другого врага не будет.

Передовые литовские конные разъезды будут уже в городке Одоеве, всего в одном переходе от Куликова поля, когда Ягайло получит весть о разгроме Мамаевой Орды. В этот же день он повернет свои войска обратно в Литву.

А русичи еще восемь суток будут стоять на этом поле, разбирать завалы из человеческих тел и предавать земле своих убитых. Хоронить тех, кто в этой невиданной битве спас своей смертью Русь, принеся ей славу и бессмертие.

Владимир МАЛОВ

ТОТ, КТО ВЕРНЕТСЯ!

Фантастический рассказ

Слева, там, где к шоссе вплотную подходил лес, все было желто-красным: надвинулась осень, а дни стояли солнечные. Воздух теперь был по-осеннему прозрачен и звуки тоже стали осенними — гулкими и отрывистыми, непохожими на приглушенные летние.

Стрелка спидометра колебалась у отметки 100. Впрочем, шоссе в этот час было почти пустым — лишь изредка попадались навстречу длинные коробки служебных транспортов, возвращающихся из порта в город, — и поэтому человек в машине успевал замечать и краски осени. Когда шоссе взлетело на пригорок и сверху открылся вид на громадную территорию порта, человек резко затормозил, поставил машину у обочины и отворил дверцу.

Воздух был теплым. Плиты шоссе тоже нагрелись на солнце. Не так, как нагреваются они летом, в июле или августе, но все-таки от них и теперь поднимались невидимые волны тепла.

Лето промчалось неожиданно и незаметно, пролетело в ворохе неотложных дел.

Человек пересек шоссе и с наслаждением ступил на траву. Медленно вращаясь, в воздухе проплыл желто-красный лист. Человек подставил ему ладонь, но в последний момент лист изменил направление и улетел в сторону. В этот момент он заметил на краю горизонта серебристую каплю. Она медленно увеличивалась, а затем опустилась за дальними постройками. Человек машинально взглянул на часы: французский корабль «Эспуар» сел точно по расписанию.

«Эспуар»... Слово красивое, звучное. Перевод его он знал — «надежда». Он повторил это французское слово вслух, слушая свой голос, и перед его глазами вдруг вновь появился этот кусочек будущего, выхваченный Установкой неизвестно из какого времени, — мелькающие на экране цветные пятна и полосы, голоса двух людей, обрывки разговора, имеющего прямое отношение к нему самому.

Человек встал. Под ногами зашуршали трава и опавшие листья, земля мягко пружинила. Он шел не оборачиваясь, и лес смотрел ему вслед.

Он захлопнул дверцу. Звук двигателя был по-осеннему резок. И, быть может, именно этот звук заставил человека помедлить и задумчиво посмотреть влево.

Колыхались ветви деревьев, исполняя какую-то сложнейшую и сыграннейшую партию в таинственном и вечном танце. Листья срывались с них и отправлялись в короткие полеты по самым замысловатым траекториям. Лес жил своей, ни на что не похожей и ни с чем не сравнимой жизнью.

Теперь человек смотрел вперед, на серебристую ленту дороги. Он знал: лес будет тянуться слева еще километров десять. Потом в его глубине мелькнут постройки научного центра, и среди многих других инструментов покажется на мгновение кристалл Института времени. А потом, еще через несколько километров, шоссе сделает поворот. Лес кончится неожиданно и резко, и возникнут громадное полупрозрачное здание Управления космического флота, длинные корпуса навигационной службы и дальше бетонные плиты причалов. Где-то там, у одного из причалов, стоял готовый к старту «Альбатрос».

I

В лифте Андрей оказался не один — спутницей была белокурая девушка в светло-розовой форме диспетчерской службы. Девушка скользнула взглядом по его лицу, потом по его нашивкам, и тогда в ней сразу произошла какая-то перемена. Глядя прямо перед собой, на план Управления, прикрепленный к стене кабины, Андрей чувствовал, что спутница разглядывает его как-то чересчур уж внимательно. Он посмотрел на девушку, но кабина в этот момент остановилась, и надо было уже выходить.

Углубившись в длинный коридор, Андрей оглянулся и пожал плечами. В нашивках, по его мнению, не было ничего примечательного. По ним можно было только узнать количество времени, проведенного в космосе, и количество рейсов с литерой А —

субсветовых. И того и другого набиралось немало, но до рекордсменов далеко. На куртке был также личный номер. Еще эмблема «Москвы» и капитанский знак.

Он снова оглянулся и быстро пошел вперед.

За последний год в Управлении что-то изменилось — коридор, например, поворачивал не налево, как прежде, а направо. У поворота Андрей в нерешительности остановился и сейчас же к нему подбежал робот-путеводитель. Его выпуклые глаза-фотоэлементы слегка повернулись на осях — робот рассматривал нашивки. И тут же электронный справочник проскрежетал с восклицательными интонациями:

— Вам направо! Все правильно! Здание недавно реконструировано! Вас ждут в голубом крыле!

Андрей пробормотал положенные слова благодарности. Номер помещения, где его ждали, он знал: номер был указан на вызове, лежащем в кармане. Андрей повернул направо. Новый коридор не был похож на все остальные. Он оказался вдвое шире и весь искрился голубыми огнями — светились стены, потолок и даже пол. Пройдя немного вперед, Андрей понял: свет этот имел определенное функциональное назначение. Мерцание голубых огней каким-то непостижимым образом заставляло сосредоточиться, концентрировало внимание и волю, видимо, подготавливало посетителя к тому, чтобы во время предстоящего разговора не говорить ничего лишнего, только самое важное и необходимое. Собственно, Андрей и так знал, что разговор предстоял короткий: вызов, пришедший к нему в космогостиницу, мог означать только одно — требование представить отчет об экспедиции на четвертую планету звезды 70 ТВ, с которой только что вернулась «Москва». Отчет давно был готов и лежал сейчас в пластиковой папке, которую Андрей держал в руках. Сдача отчета должна была сопровождаться краткой беседой с Петренко или его заместителем Кругловым, после чего Андрей Ростов, капитан «Москвы», субсветового корабля экстра-класса, мог, видимо, отправляться на все четыре стороны — в отпуск.

Но почему робот знал, куда ему надо идти? А эта девушка?..

Два курсанта, выскочившие из какой-то двери, увидев Андрея, отчего-то остановились. Уже за спиной Андрей услышал негромкие, приглушенные голоса и снова пожал плечами. В Управлении определенно творилось нечто странное. Но теперь он слегка смутился и, уже не оглядываясь, быстро прошел в голубое крыло, разыскал помещение А-312.

Секретарша была суховатой, пожилой и, пожалуй, слегка чопорной. Оторвавшись от зеленой папки с документами, она с большим интересом рассмотрела посетителя с ног до головы и с каким-то непонятным удовлетворением констатировала:

— Так это, значит, вы?

— Собственно, — начал Андрей почти раздраженно, — по моему вызову не мог прийти никто другой. Я хочу сказать...

Секретарша улыбнулась и сразу перестала быть чопорной. В общем-то, она была еще и далеко не пожилой. Ее глаза оказались зелеными и очень теплыми. Она нажала на своем пульте какую-то кнопку, и створки больших дверей сразу же раздвинулись. Это Андрею понравилось: значит, не надо ждать в

приемной, его сразу приглашают войти. Похоже, в Управлении он будет совсем недолго. Как истый пилот, привыкший к просторам космоса, тесных канцелярий он не любил.

— Входите, он ждет, — сказала секретарша чуть ли не ласково, и Андрей переступил порог.

И тогда он растерялся. Потому что кабинет оказался совсем не таким кабинетом, в каких ему приходилось бывать прежде. Этот был огромным, и казалось, что в нем нетрудно заблудиться среди внушительных, чуть ли не до потолка, моделей кораблей, знаменитых в истории космолота, среди стеллажей с космическими лощиями и книгами, и среди многих других вещей, которые здесь, в Управлении, могли быть только в одном-единственном кабинете. Значит, его вызвали именно сюда. Если так, действительно случилось нечто из ряда вон выходящее.

Это был кабинет генерального директора.

Капитанов кораблей, пусть это даже экстра-классный субсветовик «Москва», к генеральному директору приглашали нечасто.

Письменный стол в кабинете был огромным — не меньше шести квадратных метров. Андрей прежде всего подумал о том, что такой стол должен быть чертовски неудобным: надо иметь руки баскетболиста, чтобы дотягиваться до самых дальних его уголков. Стол подошел бы человеку ростом метра в два, не меньше. И Андрей не удивился, когда навстречу ему поднялся человек именно такого роста.

С вопросительно-утвердительными интонациями генеральный директор пророкотал:

— Капитан Андрей Ростов, капитан «Москвы», прежде первый помощник на «Волге», а еще ранее — второй пилот «Сокола». Выпускник Высших навигационных курсов. Пилот экстра-класса, сто семнадцать полетов, из них двадцать четыре субсветовых и пятнадцать испытательных. Возраст — двадцать девять лет. Садитесь!..

Андрей машинально опустился в кресло. Впрочем, голубые искры в коридоре, видимо, свое дело сделали: его растерянность быстро прошла. Вызов сюда, к самому генеральному, был, разумеется, странным, но никаких особенных грехов за собой он не помнил. Последняя экспедиция прошла строго по графику.

— Я вас понимаю, — медленно сказал громадный человек за громадным столом, — сейчас вы удивлены.

Он все время смотрел Андрею в лицо и как будто чего-то ждал. Андрей повертел на коленях пластиковую папку с отчетом. Он вдруг подумал, что отчет о столь продолжительной и насыщенной экспедиции слишком короток. Но в нем, как ни странно, было изложено все.

Генеральный директор слегка поморщился.

— Отчет вы сдадите моему секретарю, — сказал он сухова-то, — она сама передаст его Петренко. У нас разговор пойдет о другом. Я вас вызвал, чтобы узнать о ваших дальнейших планах.

— По регламенту мне положен отпуск, — осторожно сказал Андрей. — Я собирался поехать домой, в Ливны. Экспедиция продолжалась полгода, и я вместе со всем экипажем...

Он осекся, подумав, что говорить с генеральным директором

об отпуске по меньшей мере смешно — разрешение на отпуск ему дают совсем другие люди.

— Разумеется, отпуск положен! — прогремел хозяин кабинета. — Но меня сейчас интересует, что вы намереваетесь делать дальше?

— Рейсы «Москвы» расписаны вперед на два года.

Генеральный директор встал и прошелся по кабинету. Он смотрел на Андрея с высоты своего баскетбольного роста и о чем-то сосредоточенно думал.

— Давайте не будем терять время попусту, — сказал он наконец. — Экипаж «Москвы» действительно отправится в отпуск. Что же касается вас, вы останетесь здесь. По-прежнему будете жить в космогостинице и ежедневно приезжать в порт. Вы назначены начальником экспедиции на Теллус. Вы, конечно, вправе отказаться, но в космофлоте, помимо писанных законов, есть неписанные.

Андрей отложил папку и тоже встал. То, что было сказано, он понял не сразу. Вероятно, он казался таким изумленным, что лицо генерального директора, и без того добродушное и мягкое, стало совсем уж добрым и обрело мягкость чуть ли не отеческую.

— На Теллус? — выдохнул Андрей. — Не понимаю? Это ведь та же самая экспедиция...

II

У входа в Управление космофлота бил фонтан; здесь же стояли несколько разноцветных скамеек. Если отбросить современный пластиковый вход в здание, венчавший разноцветные ступени, сложенные из лунного базальта, вдруг снова вошедшего в архитектурную моду, фонтан и скамейки вокруг него могли показаться картинкой из далекого прошлого. Но, может быть, человеку именно это и надо: разумное сочетание старого и нового, дерзкое устремление вперед и слегка элегическая память о том, что было когда-то?..

Пластиковая папка была теперь пустой. Андрей положил ее на скамейку и сел рядом, стал наблюдать за радужным мерцанием фонтанных струй.

К мысли о том, что он — начальник первой сверхсубсветовой, Андрей привык не сразу. Сначала была растерянность от неожиданности, потом — какое-то не очень ясное сомнение. Почему именно он? В один миг промелькнуло четкое представление, как это будет: момент старта, потом секундная темнота, потом несколько кратких мгновений полета, и корабль сразу, почти без всякого перехода, оказывается в далеком, чужом и непривычном мире. Это представление показалось дерзким, но именно от сознания дерзости все вдруг и встало на свои места. Он — начальник первой сверхсубсветовой. Ничего очень уже особенно в этом не было.

В фонтанных струях играла маленькая радуга. Яркое светило июльское солнце, и воздух был горячим и влажным. Андрей вытянул ноги, устранившись на скамейке поудобнее, и стал собирать

в памяти все то, что знал прежде об экспедиции, начальником которой стал так неожиданно.

Оказалось вдруг, что знал он не так уж много.

Без особой связи с настоящим он вспомнил свою первую субсветовую экспедицию. Тогда старт был ночью, и темная громада субсветовика — это был старичок «Победитель», теперь ставший тренировочной базой для курсантов — стояла в дальнем углу порта, тускло освещенная огнями прожекторов. Все было очень буднично и просто. Стался сырой туман, и, возможно от этого, когда он шел по мокрым плитам перрона, его вдруг начала бить мелкая неприятная дрожь. Потом — упругое покачивание трапа под десятками ног, металлический скрежет задраиваемого люка, прохладная обивка взлетного кресла. Впрочем, внутри солнечной системы «Победитель» шел с обычной, хоть и очень большой, скоростью. Субсветовой режим начинался за ее пределами. Момент превышения он, признаться, так и не заметил, и надо было, чтобы Юра Иващенко, старый приятель, подмигнул и показал на информационное табло, где появились первые цифры уже совершенно новых полетных характеристик. В общем, ничего примечательного, никаких особенных ощущений не было в тот момент...

Блондинка в светло-розовой форме диспетчерской службы быстро сбежала по ступенькам подъезда и пошла через площадку, огибая фонтан слева. Приглядевшись, Андрей узнал в ней свою недавнюю спутницу по лифту. Девушка куда-то спешила, но успела бросить на Андрея короткий взгляд и, слегка поколебавшись, кивнула ему, как знакомому. Светло-розовая форма была ей к лицу. Блондинкам, подумал Андрей, больше идет голубой цвет; интересно, как бы она выглядела в голубом?

Девушка скрылась в подъезде маленького кубовидного дома, где находилась диспетчерская служба ближних, в пределах системы, рейсов, и Андрей с грустью подумал вдруг, что на Земле он бывает слишком редко...

Так что он знал о первой сверхсубсветовой экспедиции? Слухи о ней ходили уже несколько лет, но лишь недавно стало известно, что она-таки состоится. На Теллус. На очень далекий, манящий Теллус, откуда шли непонятные сигналы, которые никак не удавалось расшифровать до конца.

Андрей сосредоточенно наморщил лоб. Было в этой экспедиции что-то примечательное, такое, чего он никак не мог вспомнить, и что было прямо связано с эффектом сверхсубсветовой скорости. Но что?

Он поднялся и взял папку под мышку. В этот момент снова увидел на ступеньках кубовидного здания розовую девушку и пошел ей навстречу, огибая фонтан. И тут вдруг вспомнил: экспедиция на Теллус могла состояться только в этом году. Или... двести сорок семь лет спустя. Эффект сверхсубсветовой скорости Коровяка — Муртазаева был еще не понят до конца.

III

— Знакомьтесь, — прогремел генеральный директор. — Начальник экспедиции Андрей Ростов. Пилот экстра-класса. Выпускник Высших навигационных курсов. До последнего времени — капитан «Москвы».

Поднявшись с места, Андрей, посмотрел на собравшихся. Их было четверо. Одеты в ярко-красные тренировочные костюмы, они сидели в ряд на длинном диване. Двоих он знал — пилотов-навигаторов Колю Пороховника и Женю Пономарева. Третьим был высокий, дочерна загорелый человек южного типа, которого, как казалось Андрею, он где-то видел. Четвертого он совсем не знал. Это был застенчивый, тихий человек.

Генеральный директор представил их одного за другим. Загорелого здоровяка звали Владимир Ивашкевич. И Андрей вспомнил экспедицию на Кассандру, когда от трех кораблей остался только один, потому что видимая поверхность планеты оказалась оптическим обманом — обманом не только для зрения, но и для приборов — уникальный случай, о котором до сих пор спорят ученые. Этим единственным кораблем, благополучно опустившимся на поверхность Кассандры, командовал Ивашкевич.

Четвертого члена экипажа звали Сергей Крылов. Это был единственный в Управлении специалист по оборудованию сверхсубсветовика.

Было похоже, что генеральный директор стесняется своего роста. Церемонию представления экипажа и командира он постарался провести как можно быстрее и тут же сел за свой громадный стол.

— У вас мало времени. На все тренировки, на освоение корабля, на специальную подготовку — шестьдесят четыре дня. Старт четырнадцатого сентября. Вот план подготовки. — Он легко дотянулся до дальнего стола и подал Андрею зеленую папку. — Особых сложностей, думается, не будет. Сверхсубсветовик в управлении легче, чем любой другой корабль. Экспедиция будет непродолжительной...

— Название корабля — «Альбатрос», — вставил Крылов.

— Один из членов вашего экипажа, — генеральный директор посмотрел на Крылова, — уже прошел специальную подготовку, которую теперь предстоит пройти вам.

Взгляды четырех членов экипажа переместились на Крылова, и Андрей вдруг увидел, что тот невероятно, даже недопустимо для астронавта молод. Значит, от молодости застенчивость и робость? Но, он знал, пройдут годы, и на это лицо ляжет другая печать. На нем отразятся бессонные ночи, смертельный риск, может быть, утраты и поражения. И конечно, дерзкая, неутолимая страсть быть там, где не был никто.

Генеральный директор поднялся из-за стола, пожал им всем руки, и пять человек молча вышли в длинный искрящийся коридор. У выхода уже стояла длинная снгара специальной служебной машины, и Ивашкевич, опередив всех, галантно распахнул дверцы, сказал весело с заметным южным акцентом:

— Ну вот, путешествие началось!

Сверхсубсветовик «Альбатрос» стоял в дальнем углу порта. Когда машина, лавирующая среди громад кораблей экстра-класса и туристских лайнеров, проходящих короткую профилактику, наконец остановилась, Андрей испытал некоторое разочарование. «Альбатрос» меньше всего походил на современный корабль, рядом с «Москвой» он мог бы показаться ее далеким предком. Он был меньше «Москвы» раз в пятнадцать. И вдо-

бавок ко всему цвет первого сверхсубсветовика был невероятно тусклым, отдающим чуть ли не ржавчиной.

Должно быть, на лице начальника экспедиции слишком уж ясно проступило разочарование, потому что юный Крылов улыбнулся ему ободряюще и как-то загадочно.

Ивашкевич, подойдя к кораблю, тронул рукой обшивку и соорудил забавную гримаску. Пороховник и Пономарев, держа все время рядом, как близнецы, обошли корабль кругом. Сергей Крылов первым поднялся по ступеням трапа и жестом пригласил всех.

Трап слегка пружинил под ногами, как все трапы, какие знал Андрей. Ступив на трап, он всегда особенно ясно и остро ощущал будущий полет.

Рубка управления «Альбатроса» оказалась непривычно маленькой, площадью не более шести квадратных метров. Приборов здесь было на удивление мало, зато кресла пилотов выглядели небывало массивными, конструкции сложной и непонятной.

Каюты приятно удивляли неожиданным комфортом, какого он не видел даже на туристских лайнерах. Кают-компания была отделана дубовыми панелями, на полу — пушистый ковер, на полках буфета — укрепленная в специальных гнездах фарфоровая и хрустальная посуда. Целую стену занимал стеллаж с видеотекой, которой могли бы позавидовать многие собрания на Земле.

В кухонном отсеке — самая обычная автоматика. Скафандры, стоявшие, как полагалось, рядом со шлюзовым отсеком, тоже были обыкновенными, модель Б-12. Дальше — резервуары с водой и холодильники с положенным рационом продуктов. Был даже маленький гимнастический зал и бассейн.

Отсек двигателей — сплошная путаница проводов и блоков.

...Четыре часа занятий утром и четыре часа днем — таков был распорядок дня. Занятия, тренировки, консультации. Огромная группа людей окружала их, специально собранная для подготовки экспедиции — профессора, техники, специалисты различных служб. И в центре они — пять человек экипажа. Характеры, постепенно раскрывающиеся в многочасовых занятиях, в библиотеке, в бассейне, на баскетбольной площадке. Веселая непоседливость Ивашкевича и серьезная невозмутимость Коли Пороховника. Скромность, застенчивость юного Сергея Крылова, и сдержанность Пономарева.

Были воскресные вылеты на Гавайские или другие острова ради короткого отдыха, ватерпольные матчи с командами субсветовиков, экскурсии по музеям и концерты, которые устраивал Ивашкевич, — как выяснилось, он отлично играл на скрипке.

Но прежде всего — занятия и тренировки, занятия и тренировки. Четыре часа утром и четыре часа днем.

IV

Июльский лес был похож на аквариум: сквозь сложное переплетение листьев пробивался зеленоватый свет. Солнце уже начинало клониться к западу, и полутона света были мягкими, приглушенными. Стволы и земля, усыпанная прошлогодней хво-

ей, за длинный день нагрелись, и теперь сами источали тепло, смешанное с чудесным и неповторимым запахом.

Подняв ветку, низко нависшую над тропинкой, Нина обернулась к Андрею.

— Как странно! Чего только не сделал человек на Земле, чего только не построил, а вот лес остался неизменным. Он такой же, каким был много веков назад.

— Он изменился, — пробормотал Андрей, — некоторые растения исчезли, и вместо них появились другие.

Он наклонился и сорвал стебелек, увешанный крошечными фиолетовыми колокольчиками.

— Такого раньше не было!

— Ты так редко бываешь на Земле, а знаешь о ней больше моего.

— Наверное, именно поэтому. В полетах все время думаешь о Родине. Знаешь, по какому принципу комплектуются видеотеки кораблей? Кассеты по истории Земли, по биологии, палеонтологии, этнографии. Каждый астронавт — это прежде всего специалист по Земле. Я знаю ребят, которые в зоологии или, скажем, этнографии не уступят специалистам...

Нина сегодня была не в светло-розовой форме диспетчерской службы, которая была ей так к лицу, а в легком желто-зеленом платье. Андрей осторожно отвел перед Ниной упругую ветку и пошел следом. Сейчас, в этом теплом июльском лесу, ему было очень хорошо, и хотелось, чтобы этот день никогда не кончался. Он посмотрел на часы и вздохнул.

— А вдобавок мой отец был преподавателем ботаники. Он и умер в лесу, у нас под Ливнами, проводя урок.

— Расскажи о себе, — попросила Нина.

— О себе? — Он улыбнулся. — Трудней всего мне давалась учеба. Я даже не знаю, как выдержал. Из десяти человек весь этот путь проходили только двое, остальные отступали, занимались чем-то другим. Ну а потом были экспедиции. Это уже нетрудно, потому что я был готов ко всему. Хотя случалось всякое.

— А у меня все не так! Жизнь на Земле, простая работа. Диспетчер ближней службы! Никаких случайностей, все буднично и привычно. Был, правда, один случай... впрочем, ничего интересного.

Андрей наклонился сорвал одуванчик, подул на него. Посмотрел, как опускаются пушинки, и начал рассказывать о туманах Кассандры, поднимающихся всегда неожиданно. О багровом солнце Прозерпины, в лучах которого быстро таяла корка льда, покрывающая за ночь поверхность планеты. О мягких уютных лощинах с изумрудной травой и прохладными ручьями на красивой планете Эмпаране...

Андрей тряхнул головой. Лес, родной, чудесный, гостеприимный, ласково шелестел листвой и приветливо кивал вершинами громадных сосен. Ничего подобного не было ни на одной из планет. Ничего во всей вселенной не было прекраснее этого леса и этого дня, медленно, незаметно переходящего в теплый, чудесный вечер.

Тропинка сузилась. Теперь ее пересекали узловатые корни сосен. Они вышли к большому муравейнику на краю поляны.

— Давай отдохнем здесь, — предложила Нина и села на поваленное дерево. — Помнишь, как мы впервые встретились. Тогда ты показался мне совсем не таким, как сейчас.

— Каким же?

— Строгим, серьезным. — Нина засмеялась. — Капитан «Альбатроса», шутка ли?!

Солнце опустилось совсем низко. Белокурые волосы Нины стали золотистыми, и на лицо упала тень, сделав его таинственным. Андрею казалось: так будет длиться всегда, вечно...

V

На другой день во время очередного занятия к руководителю подошел какой-то незнакомый человек и, нарушая неписанные законы подготовки экипажа, прервал его на полуслове, положив перед ним сложенную вдвое бумажку.

В окна бил нестерпимый солнечный свет. Он отражался в полированных деталях тренировочных приборов, расплескивался по стенам множеством солнечных пятен. Именно эта игра солнечных бликов и вызвала у Андрея ощущение ирреальности, нереальности происходящего.

Записку принес сотрудник Института времени, того самого кубического огромного дома, который они с Ниной видели вчера в лесу. Андрей тотчас поехал в этот институт, где, как сообщалось в записке, получены какие-то результаты, которые могли быть интересны экипажу «Альбатроса».

Прежде Андрей ни разу не был в Институте времени, и теперь с интересом рассматривал лабораторию с приборами, назначение которых было ему непонятно, установку, будто бы способную пронзять время, высвечивать будущее и показывать на экране его фрагменты.

Уже потом он узнал, как работала Установка. Она пронзала время лучом-импульсом, который, вернувшись назад, приносил информацию из будущего. Сотрудники института надеялись, что когда-нибудь этот луч-импульс станет послушным, его можно будет направить в любую точку Земли, в любой, заранее определенный миг времени, и он вернется из будущего с цветной зрительной картиной и звуковой записью. Но пока что луч приносил лишь смутные образы, выхваченные из самых разных временных отрезков.

Позже они, весь экипаж «Альбатроса», сидели перед экраном Установки. Здесь было еще много людей, они вздыхали и показывали, негромко переговаривались, но иногда наступала мертвая, невозможная тишина. Когда запись обрывочных картин будущего прекратилась, ее начали демонстрировать снова. И Андрей Ростов, сжав ладонями голову, снова стал всматриваться в экран, дожидаясь тех слов, которые где-то в будущем были сказаны о его полете на Теллус.

...В ореоле цветных расплывчатых пятен — берег моря и волны. Берег был совершенно пуст, только на песке лежала забытая кем-то книга. Солнце висело низко, и по волнам тянулась желтая, слепящая глаза дорожка. Неясной была картина, но за-

то очень отчетливыми были звуки: мерный рокот волн, шелест песка.

...В калейдоскопе цветных пятен, резких вспышек, мерцающих огней — огромное здание, не похожее ни на что, — причудливое нагромождение деталей, в которых, казалось, не было никакого порядка. Здание стояло на городской площади, странно безлюдной. Эта картина была совершенно немой.

...Женщина-блондинка в белом халате работала в лаборатории с химической посудой. Здесь все было привычным и совершенно неотличимым от настоящего. Возможно, в этот раз луч-импульс принес кусочек совсем уж близкого будущего, отделенного от настоящего, может быть, днями, поэтому картина была идеально четкой.

...По экрану слева направо полезли пульсирующие разноцветные волны. Цвета вдруг исчезли, и хаос на экране стал черно-белым. Изображение не появлялось, но были слышны какие-то звуки — неясный шорох, протяжный скрип, голоса:

— ...я работал, — сказал мужской голос, — я ничего не знал...

— ...Теллус... космическим экспедициям...

Долгая, продолжительная пауза и мелькание цветowych пятен.

— ...Это что-то невероятное, небывалое, — сказал тот же голос.

Очень короткая пауза, вспышка на экране, затем мелькнули смутные черты мужского лица и снова исчезли.

— ...Печально... Очень, очень жаль...

— ...Неудача... очень тяжело... Из экипажа «Альбатроса»...

Пауза.

— ...Он остался один... остался один... остался один, — с некоторыми промежутками произнес голос, и сразу же на экране вспыхнула картина, относящаяся, бесспорно, совершенно к другому: ослепительно зеленый тропический лес, в глубине которого высилось непонятного назначения решетчатое сооружение. На самом верху его была открытая площадка, где стояли, глядя в одну сторону, несколько человек...

Их было еще несколько, фрагментарных картин, выхваченных из будущего. Потом запись кончилась, ее стали повторять в третий раз. И в третий раз прозвучали эти слова.

— Он остался один... остался один... остался один...

VI

Генеральный директор долго переключал на своем гигантском столе какие-то бумаги, потом внимательно и неестественно медленно читал, надев очки, одну из них, и губы его шевелились, как будто он повторял текст про себя. Дважды в кабинет входила секретарша. Она что-то негромко говорила, и генеральный директор так же негромко отвечал ей. Когда секретарша проходила мимо Андрея, она всякий раз внимательно осматривала его.

Ивашкевич, сидя в кресле напротив, нервно барабанил пальцами по крышке маленького стола. Пороховник и Пономарев, оба в красных тренировочных куртках, разместились на длинном диване и с одинаково напряженными лицами смотрели в

окно, за которым шла обычная, повседневная жизнь порта. Там же на диване примостился Сережа Крылов; он внимательно изучал пол под ногами.

Андрей осмотрел всех четверых. Он думал о том, что ответит каждый из них на вопросы генерального директора.

А что скажет он сам, капитан «Альбатроса»?

Андрей переменял позу и прикрыл глаза. Он многое передумал, а вот сейчас понял, что и сам еще не знает, что ответит, когда придет его очередь отвечать.

Генеральный директор встал и заговорил непривычно мягким голосом:

— Я просил вас собраться, чтобы все решить...

Экспедиция будет, подумал Андрей. Кто-то обязательно полетит, несмотря ни на что.

— Это не ошибка? — быстро спросил Ивашкевич. — Насколько я понимаю, закономерности работы Установки не очень-то ясны даже специалистам...

Генеральный директор понимающе кивнул.

— Об этом уже думали. Была экспертная специальная комиссия, она проанализировала все, что передала Установка. Мнение авторитетных ученых едино: фрагменты, воспроизведенные на экране, действительно были фрагментами из будущего.

В кабинете снова стало тихо. Потом зашевелился Крылов, и у него вдруг вырвалось:

— Невероятно! Чем больше об этом думаешь, тем более невероятным все это кажется. Сведения из будущего... о нас!

— Невероятно! — генеральный директор выпрямился и от этого стал еще выше. — Невероятно то, что первая же передача из будущего принесла информацию о нашем полете как раз накануне его.

С высоты своего огромного роста он смотрел на пятерых людей, сидевших перед ним.

— Невероятно! — еще раз повторил хозяин кабинета, и голос его был тяжелым, усталым. — Но наше дело сейчас не обсуждать этот невероятный факт, не удивляться ему, а подумать, что делать дальше.

Под Ивашкевичем скрипнуло кресло. Крылов оторвал, наконец, взгляд от пола и стал смотреть в окно.

— А теперь, — сказал хозяин кабинета глухо, — когда мы знаем о том, — он кашлянул, — вернее, когда мы можем догадываться о том, что экспедиция окажется крайне тяжелой, может быть, драматической, должен прежде всего сказать вам, как человек, облеченный высшей властью в космофлоте, что каждый из вас теперь.. может теперь... отказаться от участия в ней.

Под Ивашкевичем скрипнуло кресло. Генеральный директор внимательно посмотрел на него.

— Вас за это никто не осудит. Раньше по неписаным законам космофлота вы не могли отказаться от участия в экспедиции, теперь сделать это вы вправе... Что скажете вы, Ивашкевич?

Ивашкевич поднял голову, но ничего не ответил. Казалось, что тишина в кабинете густеет.

Андрей потер ладонями виски. Он ощутил страшную усталость, подумал вдруг, что экспедиция на Теллус — это лотерея, в которой из пяти билетов выигрывает только один. Только од-

ному суждено дойти до конца и понять, ради чего он прошел этот путь. Кому?..

— Но ведь следующая экспедиция на Теллус может состояться только через двести сорок семь лет! — неожиданно резко сказал Крылов.

Генеральный директор медленно качнул головой.

— Да, через двести сорок семь лет.

Лицо его вдруг изменилось, будто его поразила новая, совершенно неожиданная мысль. Некоторое время он словно бы взвешивал ее в уме, а потом медленно, с какими-то странными интонациями, понизив голос еще больше, сказал:

— Вы знаете, что это может значить? Если сегодня мы откажемся от экспедиции на Теллус, значит, информация из будущего относится не к нашей, а к следующей экспедиции. К той, которая состоится двести сорок семь лет спустя.

Все задвигались, возбужденные. Пороховник щелкнул пальцами. Пономарев улыбнулся, а генеральный директор искоса, с каким-то странным выражением посмотрел на Сережу Крылова.

Неслышно через кабинет прошла секретарша и положила на стол пластиковую папку с крупным грифом «Очень срочно!». Генеральный директор отодвинул папку, не заглядывая в нее, и встал.

— Ну что же, — сказал он. — Немедленного ответа я не жду. Подумайте. Приходите ко мне, как решите. Хоть вместе приходите, хоть по отдельности.

VII

«Он остался один... остался один... остался один...»

Андрей открыл глаза. Плотные сдвинутые портьеры создавали в номере космогостиницы полумрак. Подошла Нина и села рядом, положила руку ему на лоб.

— Значит, я заснул?

— Ровно на двадцать минут, — слезала Нина. — Пока я стояла у окна и смотрела, как начинается дождь.

— Дождь? — Андрей упруго поднялся из кресла, быстро пересек комнату, распахнул окно.

В густом сумраке позднего вечера стояла сплошная водяная стена. Нити дождя казались туго натянутыми, они рассекали ветви деревьев и сбивали на землю листья, уже начинавшие желтеть. Дождь наполнял мир густым рокотом и свежим ароматом. Захотелось, как в детстве, когда все впечатления яркие и праздничны, босиком пробежать по лужам.

Андрей закрыл окно, но еще некоторое время смотрел на дождь. Он знал, что Нина следит за каждым его движением, и обернулся.

— Кто полетит? — спросила она тихо.

Андрей задернул штору, и в номере космогостиницы вновь стало тихо.

— Лететь хотели все, — ответил он, — но решено отправить только двоих — меня и Крылова.

— Двоих, — тихо повторила Нина. — А после полета останется один...

Он опустил глаза, глубоко вздохнул и стал ходить из угла

в угол: пятнадцать шагов в одну сторону и пятнадцать в другую. Он ждал, что скажет Нина.

— А если лететь одному?

— Одному нельзя.

— Я знала, что так будет, — тихо сказала Нина. — И я тебя понимаю.

Он посмотрел на Нину, с которой так странно связалась для него эта экспедиция, потому что встретились они именно в тот день, когда Андрей узнал о будущем полете на Теллус, и загрустил.

— Ты ведь даже не успел съездить домой.

— Теперь уже не успею.

Нина зябко поежилась, и он обнял ее.

— А вот ему, наверное, еще тяжелее, — проговорила Нина. — Сергей Крылов — это ведь его сын.

— Сын? — переспросил Андрей. — Чей сын?

— Генерального директора. — Нина хотела улыбнуться, но улыбка не получилась. — Только об этом известно очень немногим. Он считает, что детям только вредит, если их родители знамениты. Особенно, если дети делают то же, что и родители...

Андрей прошелся по комнате. Представил лицо Сергея Крылова и рядом — добродушное, мягкое лицо генерального директора. Пожалуй, лица были похожи. Хотя ростом сын явно отстал от отца.

— И он... он разрешил ему отправиться в экспедицию?

— Об этом ты сказал мне сам, — ответила Нина.

— Его сын, — пробормотал Андрей. — Как ты об этом узнала?

— Я обещала никому не говорить. Но сейчас, наверное, можно. Узнала случайно: я дежурила, когда в моем секторе садился одноместный тренировочный корабль. Кажется, он летал к Марсу или Юпитеру, точно не помню. Редчайший случай: при посадке отказали тормозные двигатели. Пилот был очень юн и не знал, на что решиться. Как полагается по регламенту, я тут же сообщила об этом в дирекцию управления, и в мою диспетчерскую тут же прибежал сам генеральный. Он сам стал вести пилота, и я волей-неволей слышала весь их разговор. Уже потом генеральный директор мне все объяснил и взял с меня слово об этом не говорить никому.

Она замолчала и задумалась.

— Расскажи, как корабль сел? — спросил Андрей.

— Вместо тормозных двигателей пилот использовал мершесные, но отрегулировал их так, что они только гасили скорость... Когда корабль опустился, генеральный сел в кресло и долго молчал. А потом мне сказал, и эти слова я запомнила: «Если хочешь воспитать настоящего человека, надо с детства дать ему понять, что в первую очередь он должен рассчитывать только на себя самого. Сейчас я ему помог, но это сделал бы на моем месте любой знающий человек».

Если бы пришлось выбирать мне, думал Андрей, я бы, наверное, тоже выбрал Крылова.

Он сел на диван, усадил рядом с собой Нину и обнял ее за плечи.

— Ты считаешь, что тебе непременно надо лететь? — прошептала она.

— Непременно.

Плечи Нины дрогнули.

— Я это знала.

— Наверное, — сказал Андрей, — это банально, но я убежден, что без риска, без трудностей ничего не бывает. Человеку, чтобы он шел вперед и вперед, обязательно что-то должно мешать. Трудности вроде бы помеха, но, совсем не имея их, далеко не уйдешь...

Он тронул рукой волосы Нины, осторожно намотал прядку себе на пальцы и увидел, что в ее глазах заблестели слезы.

VIII

...Слева, там, где к шоссе вплотную подходил лес, краски были уже желто-красными. Воздух был по-осеннему прозрачным, и звуки тоже стали осенними — гулками и отрывистыми, непохожими на приглушенные голоса лета.

Слева, в глубине леса, мелькнули здания научного центра и среди них — вросший в землю кристалл Института времени. Андрей еще глубже вдавил педаль, и тогда ему показалось, что машина не мчится по пустому шоссе, а, приподнявшись над ним, летит.

Он усмехнулся: машина как будто тоже стремилась к сверхсубсветовому пределу и никак не могла его перейти. А сам он это сделает. Поразительное чувство: знать, что совсем скоро Земля останется далеко и само Солнце станет звездой, ничем не выделяющейся среди тысяч других. И что еще немного, и он своими глазами увидит таинственный Теллус... должен увидеть.

Он сбавил скорость, потому что теперь шоссе должно было повернуть направо, и тогда сразу кончится лес, вместо него появятся длинные корпуса навигационной службы и громадное полупрозрачное здание управления.

Въехав на территорию порта, Андрей стал лавировать среди множества кораблей. У элегантного корпуса субсветовика экстра-класса «Москва» он на мгновение притормозил. Корабль, его прежний корабль, проходящий профилактику, был сегодня пуст, безмолвен. На несколько десятков дней вернулся он на Землю и вскоре снова уйдет в космос с прежним экипажем и другим командиром. Надежный, верный испытанный корабль, характер которого он, Андрей Ростов, успел узнать, как, может быть, никто другой никогда не узнает.

Он вновь нажал педаль, и «Москва» осталась позади.

И вот он, самый дальний угол порта. Возле невзрачного корпуса «Альбатроса» стояли несколько машин, среди которых была и машина генерального директора. Все обычно, буднично. Это хорошо, подумал Андрей, что ушла в прошлое традиция, когда перед стартом к кораблям собирались десятки тысяч людей и всем участникам таких церемоний было, вероятно, не по себе. Теперь каждый новый старт — это не праздник, а прежде всего дело. Экипаж собирается прямо у корабля, корабль уже готов к старту, свидетели старта — лишь несколько человек, без присутствия которых не обойтись.

Он выключил двигатель и шагнул на теплые плиты перрона. Сергей Крылов, его спутник, был уже среди маленькой группы провожающих. Андрей вздохнул и медленно, не спеша пошел к ним. Нина осталась в городе, он просил ее не приезжать к «Альбатросу».

Слова прощания были очень короткими. Потом — крепкие рукопожатия, и вдруг выпавшие из руки генерального директора очки, тут же разлетевшиеся вдребезги на бетонной плите, и чья-то шутка, старая как мир, прозвучавшая сегодня не очень-то весело: «К счастью!» И как всегда — трап пружинил под ногами. Все было привычно, буднично.

* * *

И снова была осень.

— Экспедиция с Теллуса вернулась! — взволнованно сказал один собеседник другому по видеосвязи. — Ты, наверное, и не слышал об этом?! Ты ведь всегда узнаешь новости последним, потому что неделями не выходишь из лаборатории.

— Конечно, слышал, вся Земля говорит об этом! — ответил второй. — Я РАБОТАЛ... Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ, и вдруг эта новость — «Альбатрос» вернулся на Землю.

— Конечно, нам повезло, что первый полет на ТЕЛЛУС был при нас, — сказал первый. — Сейчас мне просто жаль, что наша работа не имеет никакого отношения к КОСМИЧЕСКИМ ЭКСПЕДИЦИЯМ...

— Ты знаешь подробности?

— Всех подробностей не знает пока никто. Но уже и сам факт... ЭТО ЧТО-ТО НЕВЕРОЯТНОЕ, НЕБЫВАЛОЕ. Впрочем, ждать осталось недолго: скоро мы узнаем больше. Расскажи теперь, как твой опыт?

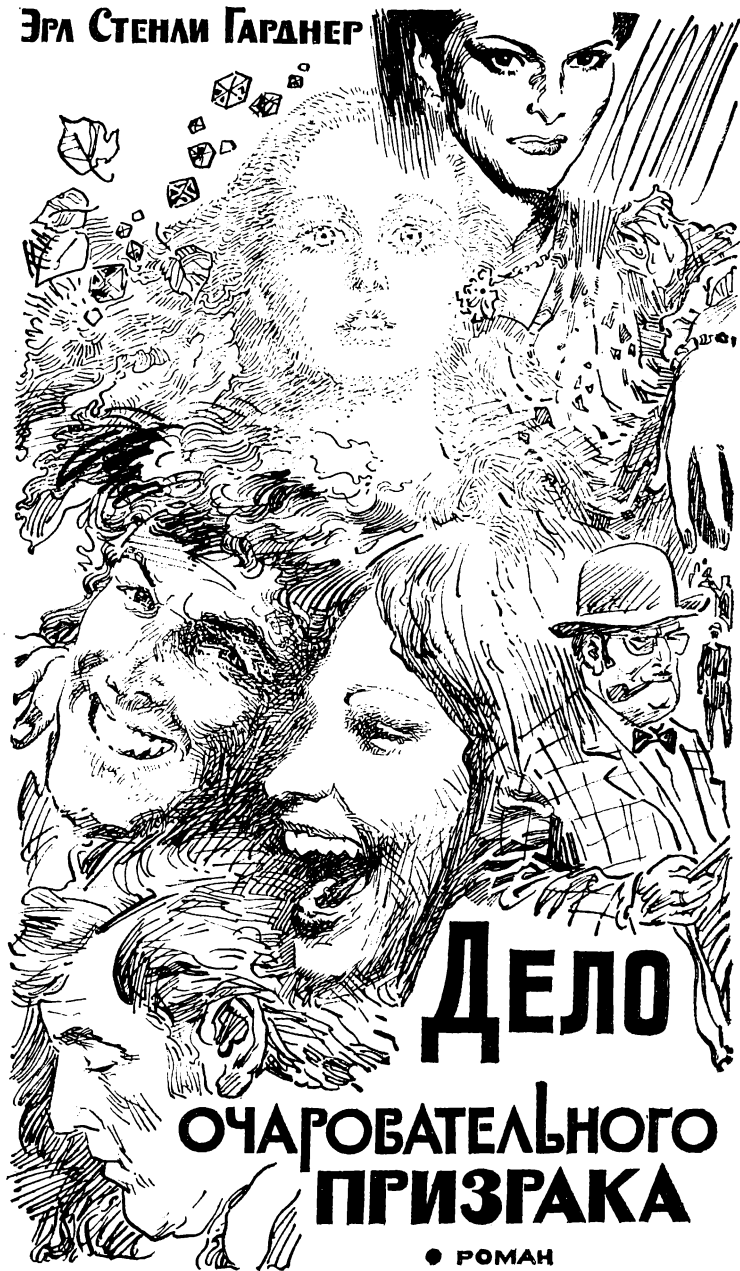
— Да все то же, — ответил огорченный голос. — Пока сплошные неудачи. К тому же вышел из строя вспомогательный блок, и, значит, опять уйма времени ушла впустую.

— Это, конечно, очень ПЕЧАЛЬНО, — ответил собеседник, — ОЧЕНЬ... Сочувствую, ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, но все-таки в конце концов все получится, должно получиться.

— Просто очередная НЕУДАЧА — только и всего. ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО, надо будет восстановить вспомогательный блок... Расскажи-ка мне лучше... Я слышал, что кто-то ИЗ ЭКИПАЖА «АЛЬБАТРОСА» остался в системе Теллуса?

— Это правда. Мы ведь еще не знаем всех закономерностей эффекта сверхсубсветовой скорости, и поэтому «Альбатрос», собрав самую минимальную информацию, едва установив первый Контакт, уже должен был возвращаться. Сергей Крылов, один из экипажа, остался там с разрешения командира, чтобы установить с теллусийцами настоящую дружбу. ОН ОСТАЛСЯ ОДИН, но, как говорят, не будет чувствовать себя там одиноким. Он ОСТАЛСЯ ОДИН, как в древности исследователи оставались в открытых ими странах, чтобы узнать их больше. Впрочем, он ОСТАЛСЯ ОДИН ненадолго: теллусийцам эффект сверхсубсветовой скорости давно знаком. Они обещали скоро вернуть его на Землю, на своем корабле. Понимаешь, к нам прибудет целая экспедиция...

ЭРА СТЕПАН ГАРДНЕР

ДЕЛО ОЧАРОВАТЕЛЬНОГО ПРИЗРАКА

● РОМАН

Именно Делла Стрит, личный секретарь Перри Мейсона, первой обратила внимание адвоката на очаровательного призрака.

— Чему вы усмехаетесь? — спросил Мейсон, когда Делла Стрит, сложив газету, протянула ее адвокату.

— Вас это интересует.

— Что «это»?

— Призрак, которого прошлой ночью видели в парке Сьерра Виста.

Мейсон взял газету, взглянул на заголовки.

«Обнаженное привидение пугает влюбленных».

«Девушка угрожает гаечным ключом».

Заметка о происшествии была написана легко и даже с некоторым юмором:

«Прошлая ночь была колдовской. С небес струился свет луны, и легкие порывы ветерка нежно играли листвой деревьев и кустов.

Джордж Белмонт, 28 лет, проживающий на Вест Вудлейн-стрит, 1532, и Диана Фолей сидели в своей припаркованной машине, любясь лунной ночью. Вдруг из тени возник прекрасный, почти обнаженный призрак, нагота которого была слегка прикрыта трепещущей прозрачной тканью, и направился прямо к автомашине.

По словам Джорджа, привидение двигалось в ритме классического танца. Диана, оскорбленная наготой, описала увиденное с меньшей изобретательностью — в чем выразилось различие точек зрения влюбленных.

— Мы сидели в машине и разговаривали, — сообщила Диана офицеру патруля Стенли, — когда появилась девушка, на которой почти ничего не было. Затем она ни с того, ни с сего начала приставать к моему приятелю. Она совсем не танцевала. Просто пригласила его пойти с ней.

— Она хотела соблазнить вашего друга?

— Можно назвать это и так, если вам угодно, — фыркнула Диана. — Но, по-моему, она просто хотела заполучить Джорджа.

— А что сделал Джордж? — спросил офицер Стенли.

— Он сказал: «Посмотри-ка на нее» — и хотел выйти из машины. Вот тогда я и вмешалась.

— А как вы поступили?

— Я схватила первое, что попало под руку, и бросилась к ней, закричав, что покажу ей, как шлаться голой и красть чужих парней.

По заявлению полиции, «первым, что попало под руку», оказался увесистый разводной ключ.

Призрак попытался спастись бегством. Диана Фолей, движения которой были стеснены одеждой, все же долгое время преследовала его, издавая время от времени пронзительные вопли, чем привлекла внимание не только гулявших по парку граждан, но и вызвала около дюжины свистков дежурных полицейских патрулей.

То, что было названо «привидением», по словам Джорджа, имело «прямо-таки мировую фигуру», выиграло соревнование по бегу, а запыхавшаяся Диана возвратилась к машине.

Усилия полицейских и патрулей, сбежавшихся на свистки, вскоре увенчались успехом. Прочесав ближайшие окрестности парка, они задержали молодую женщину в прозрачном тесном плаще. Оказалось, что безоблачное небо и лунный свет создали иллюзию прозрачности ее одеяния.

Допрошенная полицией женщина не смогла назвать ни своего имени, ни адреса. Она сказала, что ничего не помнит.

В полицейском участке установили, что плащ практически был единственной ее одеждой, не считая обрывков тонкой дорогой ткани, похожей на вуаль.

В полиции понимали, что задержанную можно подвергнуть аресту, однако прямых доказательств какой-либо ее вины не было. Диана не смогла с уверенностью опознать в задержанной призрака, а Джорджу она запретила являться в полицию для дачи показаний.

В связи с вероятной потерей памяти «призрак» в настоящее время отправлен в больницу «Скорой помощи», в то время как полиция пытается идентифицировать его личность.

— Та-ак... — протянул Мейсон. — Вопрос идентификации может осложниться. И если, не дай бог, она совершила еще какое-то преступление, тогда дело плохо.

— Не оплакивайте преждевременно свою удачливость, — возразила Делла Стрит. — Я бы не стала привлекать ваше внимание к этой заметке только ради того, чтобы развлечь вас. Дело в том, что сводная сестра этого очаровательного призрака ожидает вас в приемной.

— Черт побери! — воскликнул Мейсон. — Что она хочет?

— Очевидно, родственники намерены просить вас взять на себя защиту призрака.

— А как имя этой сводной сестры?

— Миссис Уильям Кенсингтон Джордан, и выглядит она весьма богатой и уважаемой.

Мейсон нахмурился.

— Ваша оценка, Делла, прямо-таки великолепна. Во всяком случае, давайте сюда эту миссис Уильям Джордан.

Прежде чем войти в кабинет Мейсона, миссис Джордан на мгновение задержалась в дверях, устремив на адвоката изумленный взгляд. Делла Стрит представила их:

— Это — мистер Мейсон, миссис Джордан.

— Благодарю вас, — резко произнесла миссис Джордан, бросив взгляд на Деллу.

— Прошу садиться, — пригласил Мейсон, указывая клиентке на удобное кресло, — и расскажите, что привело вас ко мне.

— Вы читали сегодняшнюю газету? — спросила миссис Джордан, сев в кресло и тщательно оправив юбку на коленях.

Мейсон кивнул утвердительно.

— Отлично, — сказала она. — Значит, вы прочли и об этом призраке, этой эксгибиционистке из парка Сьерра Виста, которая устроила стриптиз при лунном свете.

Мейсон кивнул опять, затем сказал, обращаясь к миссис Джордан:

— Из ваших слов я понял, что вы не верите в сверхъестественные силы.

— Нет, не верю, если это касается Элеонор.

— А кто такая Элеонор?

— Призрак. Моя сводная сестра.

— Вы сообщили об этом полиции? — спросил Мейсон.

— Нет.

— Почему?

— Я... мне бы хотелось прежде узнать, стоит ли это делать...

— Насколько я понял, — сказал Мейсон, — на газетной фотографии в женщине, которая лишилась памяти, вы узнали свою...

— Память — чепуха! — перебила она Мейсона. — Элеонор потеряла не больше памяти, чем я сама. Она однажды уже попадала в переплет, и тогда, чтобы выпутаться, решила прибегнуть к симуляции потери памяти. Она и сейчас изображает нечто подобное, рассчитывая вызвать к себе симпатию, чтобы вернуться в объятия семьи.

— Прошу вас, — попросил Мейсон, — рассказать все обстоятельство дела.

— Около двух недель назад, — начала миссис Джордан, — Элеонор сбежала с Дугласом Хепнером.

— А кто такой Дуглас Хепнер?

— Бродяга, путешественник, ловец фортуны. Он насквозь фальшивый, как трехдолларовая банкнота*.

— Она сбежала, чтобы выйти замуж?

— Так, по крайней мере, она нас оповестила.

— Вы не были на церемонии бракосочетания?

— Конечно, нет. Они просто сбежали. Мой муж, мой отец и я уезжали на уик-энд. Когда мы вернулись, то нашли дома телеграмму, в которой сообщалось, что они поженились.

— Откуда была телеграмма?

— Из Юмы, штат Аризона.

— Так вы не думаете, что они действительно поженились?

— Я не знаю, что и подумать, мистер Мейсон. Я уже давно перестала понимать Элеонор. А тут еще эта фотография в газете... ее многие узнают... Вот почему я так спешила к вам. Да-да, конечно, — заторопилась миссис Джордан. — Элеонор уже раз пять попадала в переделки. И каждый раз кто-нибудь приходил на помощь и выручал ее. Больше всех ей потворствовал отец и... одним словом, она его любимица. Но она сильно испортилась. Элеонор считает, что может окрутить любого мужчину. Она ведь очень привлекательна и пользуется этим!

— Вы ненавидите ее, не так ли? — сухо спросил Мейсон.

— Да, вы правы, я не люблю ее, — вспыхнула миссис Джордан. — Она уже с пятилетнего возраста оказывает разрушительное воздействие на отца.

— Ваша мать жива?

Она отрицательно покачала головой.

— Вы сказали, что Элеонор — ваша сводная сестра?

— Я объясню вам, мистер Мейсон. Я родилась, когда отцу

* Банкнота, номиналом в 3 доллара, в денежной системе США не существует. (Примеч. пер.)

было тридцать лет. Сейчас мне двадцать... вернее, тридцать. Отцу — шестьдесят. Мать умерла, когда мне было пять лет. Затем, когда мне исполнилось восемь, в жизнь отца вошла эта Салли Ливен.

— Мать Элеонор?

— Да. И с того самого момента, когда она встретила моего отца, у нее появилась совершенно конкретная, четкая идея. Она вцепилась в него всеми когтями и выжала из него все, что могла. Она пела отцу дифирамбы и кричала на каждом шагу, что обожает каждый волосок на его голове. Она хотела иметь свою семью, и Элеонор явилась результатом этой затеи — не потому, что Салли Ливен была привязана к семье, а просто она хорошо уяснила себе, что, покуда у отца есть я, она не сможет верховодить. Только ребенок ее и отца...

— Она умерла?

— Да, причем совершенно неожиданно. Скажу вам честно, мистер Мейсон, я не лицемерка. Когда мне исполнилось одиннадцать, я уже разбиралась в жизни примерно так, как сейчас. И я была рада, что она умерла. Рада и сейчас.

— А после этого вы с Элеонор росли вместе?

— Да, и я старалась быть старшей сестрой и матерью. В то время я еще любила Элеонор. Я ненавидела ее мать, но против Элеонор ничего не имела.

— Ненависть пришла позже? — спросил Мейсон.

— Да, позже.

— Когда позже? — попытался уточнить Мейсон, бросив мимоходом взгляд на Деллу Стрит.

— Не так уж поздно, — призналась миссис Джордан. — Примерно к тому времени, когда Элеонор исполнилось пять лет и стало ясно, что она дочь своей матери. У нее были красивые большие голубые глаза, светлые волосы, придававшие ее внешности впечатление невинности. С тех пор она сознательно отработывала ангельское выражение лица: такая, видите ли, милая бедная сиротка, что у людей невольно возникало желание помочь ей. Она пользовалась этим и позже в общении с мужчинами и уже не могла остановиться... Если бы отец знал о ней все, его наверняка хватил бы удар. Но он не знал подробностей. Да и мы с Биллом, мужем, всячески скрывали их. Попросту мы ввали ему в глаза.

— Ваш отец любит ее?

— Он был загипнотизирован ею, как, впрочем, и ее матерью. Но я думаю, что сейчас отец начинает понемногу прозревать.

— Так вы полагаете, что Элеонор и есть тот самый призрак, который?..

— Я знаю это, — перебила она. — Я была почти убеждена, даже если бы не видела этой фотографии. Это — ее почерк. Очень соответствует ей. Она сбежала с Дугласом Хепнером. Бог знает, что там произошло. Но что бы там ни было, можно ожидать самого худшего. Ну ладно, допустим, она вернулась бы домой, к семье. Из страха перед случившимся ей пришлось бы изворачиваться, придумывать оправдания, подмазываться к отцу, пользуясь его слабостью.

Но она поступает иначе: выбирает лунную ночь, устраивает

спектакль с танцами, добивается того, что попадает в полицию, смотрит на полицейских своими большими голубыми глазами и заявляет, что не знает своего имени и не имеет ни малейшего представления о своем прошлом. Исчезла память. Тогда полиция отправляет ее в больницу, в газете появляется фотография, а затем ей на помощь устремляются родственники. Происходит воссоединение с семьей. Семья ищет психиатра, который сумел бы вернуть ей память, а затем пускается в ход обаяние, такая чарующая беспомощность, и ее прощают.

Мейсон, прищурив глаза, изучающе наблюдал за гостьей.

— Я приехала к вам, мистер Мейсон, отчасти потому, — продолжала миссис Джордан, — что устала от всего этого, а еще и затем, чтобы оградить отца от неприятностей. Я боюсь, боюсь, не натворила ли Элеонор на этот раз что-нибудь серьезное.

— Каким образом?

— Я... мне кажется, что Элеонор слишком далеко зашла.

— А от меня вы чего хотите?

— Мне бы хотелось, чтоб вы поехали со мной в больницу. Я хочу, чтобы вы присутствовали при опознании и взяли на себя это дело. Вы знаете, что нужно делать, чтобы не допустить огласки. Знаете, как вести себя с репортерами; а кроме того, мне очень хочется, чтобы вы встретились с Элеонор и заставили ее рассказать, чего она опасается, от чего ей пришлось бежать, что произошло, что вынудило ее использовать столь нелепый способ вызвать к себе сочувствие и таким путем вернуться к семье.

— Ну а потом?

— А потом, — добавила она, — мне бы хотелось, чтобы вы попробовали поставить все на свои места и разобрались в этом хаосе, с тем... ну... чтобы газеты оставили нас в покое и чтобы отец не очень переживал.

— Ваш отец здоров?

— Физически он еще крепок, но положение его весьма щекотливо. Дело в том, что отец занимается оптовой торговлей драгоценными камнями. Специализируется на алмазах. Люди верят ему. Его слово стоит больше письменной гарантии. И если что-нибудь случится, если произойдет крупный семейный скандал — это его сразит, просто уничтожит.

Мейсон колебался.

— Я понимаю, мистер Мейсон, вы занятый и высокооплачиваемый юрист. Поэтому я приготовила для вас чек на две с половиной тысячи долларов. — Миссис Джордан открыла сумочку и вынула продолговатый листок бумаги. — Мне бы хотелось заинтересовать вас.

Брови Мейсона поднялись от удивления.

— Обычно, — сказал он, — клиенты, обращаясь к адвокату, спрашивают, сколько...

— Я знаю, — ответила миссис Джордан, — но это другой случай. Случай крайней необходимости.

— Вы хотите, — спросил Мейсон, — чтобы я поехал с вами в больницу, а дальше?

— Я опознаю Элеонор, а затем вы поговорите с ней наедине.

— И она мне все расскажет? — усмехнулся Мейсон.

— Не знаю. Но вам следует обязательно побеседовать с ней и попытаться найти ключ к разгадке. Если вам потребуются детективы, мы оплатим все расходы.

— А как, вы полагаете, поступит Элеонор при нашем появлении? — спросил Мейсон.

— Я скажу вам точно, что она сделает. Она взглянет на нас и отвернется с безразличием во взгляде — бедное дитя, не знающее своего имени и не ведающее о своем прошлом. А затем я спрошу ее: «Элеонор, неужели ты не узнаешь меня?»

Она посмотрит на меня своими большими голубыми глазами, затем вдруг они начнут расширяться. Потом начнут светиться. Она дважды судорожно глотнет воздух. Потом на ее лице мелькнет слабая улыбка, память внезапно вернется к ней, и она бросится мне навстречу с возгласом: «Ольга! Ольга моя дорогая» и обовьет руками мою шею, прикинется ко мне, словно хватающийся за бревно утопающий. Затем она, конечно, спросит об отце. Причем вопросы будет задавать с таким расчетом, чтобы дать понять, что ее бедный маленький мозг перестал работать именно две недели назад. Она прямо-таки будет потрясена, когда я скажу, что из ее памяти выпали целых две недели.

— Думаете, она так и не вспомнит, что с ней произошло? Даже тот спектакль в парке?

— Естественно! Она будет с поразительным недоверием слушать о том, что написали о ней газетные репортеры.

— Но ведь для того, чтобы сыграть подобную сцену, нужно превосходно владеть искусством перевоплощения, — усомнился Мейсон. — Вы думаете, она способна сыграть настолько убедительно?

— Она сможет надуть кого угодно на свете. Обманет и вас, — в голосе женщины звучала уверенность. — Сначала обманет, а затем, когда поймет, зачем вы здесь, еще и заигнотизирует. И вы уподобитесь всем остальным мужчинам. Вам захочется защитить ее. Но поймите меня правильно. Я хочу, чтобы вы защитили ее только для того, чтобы помочь отцу сохранить честь его имени и его дела.

Глава 2

— О, миссис Джордан! Хорошо, что вы приехали, — воскликнула старшая медсестра, встретившая посетителей. — Вот уже час, как полиция повсюду разыскивает вас. Они полагают, что вы сможете опознать нашу пациентку.

— Вы знаете, многое говорит за то, что это моя сестра, — ответила миссис Джордан. — Я чувствую, что это она.

— Да, очевидно. После публикации фотографии в газетах нам позвонили несколько человек, заявивших, что это Элеонор Корбин.

— Элеонор Хепнер, — поправила миссис Джордан. — Около двух недель назад она вышла замуж.

— О, понимаю. Ну что же, тогда пройдемте со мной, миссис Джордан. Доктор распорядился, чтобы вас пропустили без за-

держки. Он рассчитывает, что эмоциональный шок от встречи с вами благотворно скажется на восстановлении памяти пациентки.

— Но со мной будет мистер Мейсон, — предупредила Ольга Джордан.

— Хорошо, — согласилась сестра. — Но вы, конечно, понимаете, миссис Джордан, что о предстоящей встрече не следует в дальнейшем распространяться. Дежурная сестра передаст вам некоторые указания. А вот и она. Мирна, проводите их, пожалуйста, наверх.

Сестра кивнула, повернулась к двери и коротко бросила:

— Прошу.

На кровати лежала женщина в больничной одежде. Ее немигающий взгляд был обращен в потолок.

Ольга Джордан приблизилась к ней.

Взгляд голубых глаз пациентки слегка сместился в сторону, остановился на посетителях, затем вернулся в прежнее положение.

Вдруг женщина снова взглянула на Ольгу, некоторое время всматриваясь в ее лицо. Потом глаза ее расширились, шея напряглась, и она приподняла голову.

— Элеонор, — тихо произнесла миссис Джордан.

На какое-то мгновение в глазах молодой женщины мелькнуло недоверие, потом веки дрогнули, словно пробуждаясь ото сна, и, наконец, Элеонор приподнялась и села на кровати.

— Ольга! — воскликнула она. — Ольга! Родная! О милая, милая Ольга! Я так рада тебя видеть.

Она протянула навстречу сестре руки.

Ольга заключила Элеонор в свои объятия.

— Бедняжка, — произнесла она. — Бедная, бедная моя девочка! — Ее голос дрожал от волнения.

— О, Ольга, мне кажется, я не видела тебя вечность, хотя расстались... расстались всего час или два назад. Ольга, где я? Эта комната?..

Элеонор с удивлением смотрела по сторонам, разглядывая комнату. Внезапно она заметила Перри Мейсона.

— Кто это? — спросила она.

— Это Перри Мейсон, адвокат, он пришел помочь тебе.

— Адвокат? А чем мне поможет адвокат?

— Мы думали, что он может понадобиться.

— Ну ладно, где бы я ни была и что бы все это ни значило, — заявила Элеонор, — мне нужна какая-нибудь одежда, чтобы уехать отсюда.

Резким движением она откинула одеяло, обнажив при этом стройные бедра. Но, заметив свою оплошность, быстро запахнула халат, натянув его полы на колени.

Ольга нежно положила руки на плечи девушки.

— Тебе придется недолго побыть еще здесь, Элеонор.

— Где это — здесь, и почему я должна остаться?

— Это больница, дорогая.

— Больница?! — воскликнула Элеонор.

Ольга утвердительно кивнула головой.

— А почему я в больнице? Ведь это же абсурд? Ведь я

только что из дома. Я... хотя, одну минутку. О, да. Я же попала в автокатастрофу. Какой сегодня день?

— Вторник.

— Ну, правильно, — согласилась Элеонор. — Вчера был понедельник. Мы выехали в понедельник вечером, второго.

— Где Дуглас? — спросила Ольга.

— Дуглас? Боже, где Дуг? Он же вел машину. Что произошло? Он пострадал? Скажи мне, Ольга? Не бойся сказать правду? Где он?

— Мы не знаем, дорогая, — ответила Ольга. — Сегодня вторник, но вторник — семнадцатое, а не третье. Мы получили из Юмы телеграмму и несколько открыток, в которых ты сообщила, что вышла замуж.

— Тогда они были посланы после катастрофы, и, значит, с Дугом все в порядке.

— О какой катастрофе ты говоришь, дорогая?

— Это было вечером в понедельник. Огромные, ослепительно яркие фары вырвались из тьмы, а затем... о, это было ужасно...

Она разрыдалась и спрятала лицо в ладонях.

Ольга похлопала ее по плечу.

— Ну успокойся, успокойся же, дорогая, не нужно волноваться.

— Ничего, все в порядке, — сказала наконец Элеонор. Она пригладила ладонями растрепавшиеся золотистые локоны, повернулась к Мейсону, посмотрела на него откровенно оценивающим взглядом, а затем попросила:

— Я прошу вас выйти из комнаты или отвернуться, пока я буду одеваться.

— Одну минуточку, — перебил ее Мейсон. — Вам следует еще полежать здесь: у вас было не все в порядке с памятью.

— Да, это, наверное, после нокаута, — согласилась Элеонор и засмеялась. — Но это ничего. Такое случалось со многими. А что пишут о катастрофе? Кто налетел на нас?

— Мы ни о какой катастрофе не слышали, дорогая, — ответила Ольга.

— Странно. Ведь должно же быть какое-то сообщение. А как же ты оказалась здесь, если не знала о катастрофе?

— Я видела в газете твою фотографию.

— Мое фото?..

— Мы рассчитывали, что вы расскажете нам о том, что произошло, — вмешался Мейсон.

— Мне помнится только то, что Дуг и я ехали в Юму, чтобы пожениться... Потом прямо перед нами возникли два ярких огня, я почувствовала страшный удар и... вот я здесь, в больнице. О том, что это больница, я узнала от вас.

— Послушай, Элеонор, дорогая, — сказала Ольга. — Прошлой ночью полиция задержала тебя в тот момент, когда ты разгуливала по парку без одежды, в одном плаще...

— Я, в парке, без одежды?! Чертовщина какая-то! — воскликнула Элеонор.

— Скажите, что вы помните о событиях последних двух недель? — спросил Мейсон.

— После автомобильной катастрофы я ничего не помню.

— Значит, катастрофа произошла недели две назад, — в голосе Мейсона прозвучало утверждение.

— Да. Все, что я помню, это то, что я лежала здесь, в голове ужасная пустота, какие-то люди скользили мимо, я взглянула вверх и вдруг увидела Ольгу. А потом что-то произошло в голове, я ощутила какое-то кружение и внезапно проснулась. Чувствую я себя прекрасно. Но помню только то, что было до того момента, когда нам навстречу вылетел автомобиль.

— Тогда не будем предаваться воспоминаниям, — сказал Мейсон. — Просто лежите и отдыхайте.

— Спасибо, а то снова появилась легкая усталость.

Дверь резко, но бесшумно распахнулась, и в палату вошел мужчина, хрупкий на вид, но с решительными манерами.

Мейсон быстро шагнул вперед и встал между ним и кроватью Элеонор.

— Кто вы такой? — резко спросил Мейсон.

Мужчина с удивлением уставился на адвоката.

— А вы кто? Я — врач этой больной.

— Извините. Я — адвокат, ведущий ее дело, — хмуро представился Мейсон. — Я подумал, что вы из газеты.

— Они уже побывали здесь, вместе с полицией, — сказал доктор и обратился к Элеонор: — Похоже, дело идет на поправку?

— На поправку? Да я превосходно себя чувствую! Я уже собралась домой.

— Доктор, память у миссис Хепнер восстановилась, — вмешался Мейсон. — Похоже, что физически она здорова. Мы благодарны за то, что вы для нее сделали, но нам бы хотелось немедленно взять ее отсюда, а главное — без лишнего шума.

— Одну минутку, мистер Мейсон! Эта пациентка...

— Вам, несомненно, знаком доктор Ариел?

Врач утвердительно кивнул.

— Так вот. Я намерен позвонить ему и передать миссис Хепнер под его наблюдение.

Врач хмуро посмотрел на Элеонор, затем, пожав плечами, сказал:

— Ладно, если вы так настаиваете. — Он повернулся и распахнул дверь в коридор. — Сестра, мне надо поговорить с вами.

Медсестра последовала за ним и прикрыла за собой дверь.

Мейсон набрал номер доктора Клода Ариела, своего бывшего клиента, и изложил ему суть дела. При этом адвокат особенно настаивал на том, чтобы на некоторое время изолировать Элеонор от внешнего мира, а главное — от посетителей.

— Чудесно, — заключил доктор Ариел. — Я позвоню в лечебницу и договорюсь, чтобы пациентку поместили отдельно. Думаю, что лучше всего ей подойдет клиника «Пайн Хевен» возле Глендейла. У вас есть возражения?

— Нет, «Пайн Хевен» вполне подойдет, — резюмировал Мейсон.

— Вот и прекрасно. Прежде всего я подберу сиделку, которой можно доверять, и через полчаса буду в клинике. Одно-

временно организую машину для доставки больной и устрою все, что нужно.

Мейсон поблагодарил и положил трубку.

Минут десять спустя раздался робкий стук в дверь.

— Кто там? — спросил Мейсон.

— Я — сестра. Меня направил доктор Ариел. Он просил по-следить, чтобы пациентку никто не беспокоил.

Мейсон пропустил сестру в палату. Она вошла, быстро при-творила за собой дверь, одарила улыбкой Элеонор.

— Как вы себя чувствуете? — осведомилась она.

— Лучше, — весьма осторожно высказалась Элеонор. — Я чувствую себя превосходно, за исключением моментов, когда приходится вспоминать некоторые события.

— Тогда лучше не вспоминать о них, — посоветовала сестра.

Элеонор устремила на Перри Мейсона беспомощный взгляд.

— Честное слово, мистер Мейсон, мне очень хотелось бы вам помочь.

— Вот и прекрасно, — ответил Мейсон. — Со временем вы все вспомните.

— Вы знаете, я теперь уже кое-что припоминаю, — сказала Элеонор. — Помню, что мы поехали в Юму, чтобы обвен-чаться и... да, еще была мать Дугласа. Он позвонил ей и все рассказал. Я тоже разговаривала с ней. У нее очень милый голос и...

— Из припомните места, откуда ей звонили? — спросил Мейсон.

— С какой-то бензоколонки. Мы остановились там, чтобы заправиться.

— А где живет его мать? — задал очередной вопрос Мей-сон.

— В Солт-Лейк-Сити, но адреса я не знаю. Затем мы двину-лись дальше, а потом появились те огни... — Она закрыла лицо руками.

Мейсон понимающе кивнул головой.

— Вам лучше всего отдохнуть, пока не приедет доктор Ариел и не поговорит с вами. Затем он все оформит и заберет вас отсюда... И успокойтесь, пожалуйста, — медсестра будет с вами.

Уже в коридоре Мейсон спросил Ольгу Джордан:

— Что вы можете сообщить об этом человеке, о Хепнере?

— Не очень много. Впервые я встретила его во время по-следней поездки в Европу, вернее, на обратном пути домой. Он был с нами на теплоходе.

— У вас есть его фото?

— Да, думаю, найдется несколько. Правда, они любитель-ские.

— Ничего, подойдут, — успокоил Мейсон. — Как только смо-жете, занесите их ко мне в контору. А сейчас опишите, как он выглядит.

— Он высок — думаю, около шести футов. Темноволосый, нос вздернутый, лицо улыбочное, привлекательная внешность,

— Возраст?

— Лет двадцать семь — двадцать восемь,

— Вероятно, он покори́л всех на корабле, пока шли из Европы? — предположил Мейсон.

— Вы угадали. Знаете, как теперь путешествуют? Мужчины сидят дома и работают. Женщины ездят. Поэтому красавец мужчина сразу бросается в глаза. Большинство мужской половины пассажиров — это пенсионеры с двадцатилетним стажем.

— Довольно грустное признание, — заметил Мейсон.

— Мне пришлось попутешествовать. Отец мой — оптовый торговец ювелирными изделиями. Мы довольно часто ездим в Европу.

— Один момент, — перебил Мейсон. — Вы — замужем. Скажите, отец берет с собой и вас, и вашего мужа, и...

— Да. Отец использует нас в качестве секретарей: мы организовываем деловые встречи, регистрируем его сделки, ну и всякие другие дела.

— А Элеонор живет сама по себе?

— Я уже говорила, что у нее свои интересы. Правда, за последние десять лет она не пропустила ни одной поездки в Европу. Как только встает вопрос о путешествии, крошка Элеонор тут как тут.

— Где она познакомилась с Дугласом Хепнером?

— На теплоходе.

— А чем там занимался Хепнер?

— Ничем. Вел праздный образ жизни. Он показался мне в высшей степени загадочной личностью: никогда не рассказывал ни о себе, ни о том, чем занимается. Мне думается, именно поэтому отец невзлюбил его.

— Но, по всей вероятности, он обладал способностью пробуждать к себе интерес у окружающих, — предположил Мейсон.

— В нем было что-то странное. Он казался мне... нет, он обладал гипнотическим влиянием. Правда, и это не совсем то. Пожалуй... Лучше представьте себе, что вы играете с ним в покер. Он внимателен, вежлив, дружески к вам настроен, но вдруг вы ловите на себе его взгляд, пронизывающий вас насквозь. Элеонор сходила по нему с ума. Мы считали, что это всего лишь пароходный роман, и бог знает, сколько у нее таких было.

— Но он оказался серьезным?

— Я затрудняюсь сказать, что у них там произошло. Да и вряд ли кто смог бы с уверенностью заявить о серьезности их чувств до той самой минуты, когда они удрали в Юму.

— Как посмотрел на это ваш отец?

— Отцу он никогда не нравился. У него была инстинктивная, интуитивная неприязнь к нему. А отца очень трудно обмануть.

— Однако Хепнеру все же удалось склонить Элеонор к поездке в Юму и к женитьбе?

— Выходит дело. А теперь послушайте меня, мистер Мейсон. Если уж речь зашла о том, что Элеонор сделала или не сделала, нам пока известно лишь то, что она уехала две недели назад в понедельник вечером, второго числа. Рано утром третьего нам доставили телеграмму из Юмы, штат Аризона, в которой говорилось, что она вышла замуж за Дуга, что она просит прощения, что она помешалась от любви и что они очень

счастливы. Мы получили, кроме этого, две открытки, одна из них пришла из Юмы, а вторая — из Лас-Вегаса, после чего наступило молчание.

— Вы сохранили их?

— К сожалению, нет. Только телеграмму.

— Хорошо, — сказал Мейсон. — Тогда пришлите мне фотографии Дугласа Хепнера, какие удастся разыскать, затем телеграмму и то, что, на ваш взгляд, может пригодиться. Я поручу детективам проследить путь телеграммы.

Глава 3

Из телефона-автомата Мейсон позвонил в агентство Пола Дрейка.

— Хелло, Пол, — приветствовал детектива Мейсон. — У меня к тебе дело чрезвычайно срочное.

— У тебе все дела срочные, — запротестовал Дрейк. — Что там на этот раз?

— Газеты читал?

— Я всегда читаю газеты. Это входит в мои обязанности.

— Ты обратил внимание на очаровательного призрака из парка Сьерра Виста? — спросил Мейсон.

— Ты имеешь в виду полуголое привидение, которое шлялось по дорожкам?

— Оно самое.

— Это наилучшее дело для детектива. Будь у меня ночной бинокль и мне бы поручили посидеть там ночку при луне...

— Как раз этим тебе и придется заняться, Пол. Призрак — это Элеонор Хепнер, в девичестве Элеонор Корбин. Второго числа этого месяца она исчезла из дома. Предполагают, что она с неким Хепнером отправилась в Юму, штат Аризона, где и вступила с ним в брак. Тебе нужно узнать, когда и где это произошло. Достань копии брачных свидетельств.

Далее. По дороге они попали в автомобильную катастрофу. Узнай об этом все, что можно. Мне также нужно имя того, кто налетел на их машину.

После бракосочетания они отправились в Лас-Вегас. Проверь все гостиницы и мотели. Мне бы хотелось, чтобы ты отыскал Хепнера. Через час я пришлю тебе его фотографии.

Возьми побольше людей. Пусть проследят его путь, узнают, что он делал, сколько у него денег, где он их достал.

Вечером второго Хепнер звонил из автомата на бензоколонке, расположенной по дороге в Юму, где они заправлялись. Узнай, где эта бензоколонка. Если предположить, что выехали они с полными баками, то колонка должна быть в Индио или где-то неподалеку. Проверь всех, кто звонил оттуда вечером второго в Солт-Лейк-Сити.

Найди мать Хепнера. Выясни, знает ли она, где сейчас ее сын. Разыщи самого Хепнера. Узнай, почему он и Элеонор оказались врозь. Попытайся разнюхать, чем дышит полиция, какими сведениями об Элеонор она располагает и что намерена предпринять.

— О'кэй, — произнес Дрейк. — Когда тебе понадобятся эти сведения, Перри?

— Чем быстрее, тем лучше.

Глава 4

Когда Ольга Джордан вместе с отцом пришли к Мейсону и Ольга выложила на стол обещанные фотографии и телеграмму, Мейсон не мог не обратить внимания на ее отца. Хьюмер Корбин внешне напоминал типичного полковника-южанина: худощавый, прямая осанка, холеная седая ван-дейковская борода, кустистые брови и серо-стальные холодные глаза со зрачками-иголками.

— Моя дочь, — произнес он с некоторой гордостью, — очень полезная компаньонка и компетентный секретарь, но плохой фотограф. Однако снимки дают почти точное представление об этом человеке. Я рад, что вы заинтересовались им, мистер Мейсон. Мне кажется, что ключ к разгадке происшедшего кроется именно в Дугласе Хепнере.

— Прошу присесть, — пригласил Мейсон, а затем, обращаясь к Корбину, спросил: — Так вы полагаете, мистер Корбин, что все-таки что-то произошло?

— Мне кажется, — ответил Корбин, — что только сильный эмоциональный шок мог стать причиной амнезии.

— Был еще и физический шок, — уточнил Мейсон. — Насколько я понимаю, это результат катастрофы.

— Да, да, конечно. Но Ольга, а она очень проницательная и наблюдательная женщина, считает, что сказался темперамент Элеонор и что именно эмоциональный шок явился главной причиной потери памяти. Элеонор очень дорога мне, мистер Мейсон, и мне бы хотелось спасти ее от дальнейших страданий. Хочется надеяться, что она все же не вышла замуж за этого волокиту Хепнера. А если это так, то амнезия может сыграть на руку следствию. И судебного процесса можно избежать. Очевидно, она перестала что-либо помнить уже после инцидента, а следовательно, свадебная церемония проходила в состоянии амнезии.

— За исключением того лишь, — подчеркнул Мейсон, — что память ее была в порядке как после катастрофы, так и после брачной церемонии. Ведь она послала вам эту телеграмму.

— Это верно, — неохотно согласился Корбин.

— К тому же и две открытки, — добавил Мейсон. — Кстати, они написаны ее рукой?

Корбин задумчиво провел рукой сверху вниз, как бы приглаживая свою ван-дейковскую бородку.

— Да, мистер Мейсон, мы столкнулись с весьма своеобразной ситуацией. Честно говоря, я как-то не задумывался о почерке, ведь если письмо было от Элеонор, то, следовательно, и почерк ее. Я могу только ответить, что почерк был знакомым. Но я не берусь сказать с уверенностью: «Да, это почерк Элеонор». Что же касается телеграммы, то ее мог послать любой. Лично я не хотел бы думать, что этот негодяй Хепнер, воспользовавшись состоянием Элеонор, уговорил ее выйти за-

муж, затем послал от ее имени телеграмму и вынудил написать эти открытки. В конце концов, текст открыток был довольно краток, и... вряд ли это похоже на Элеонор. В них чувствовалась некоторая сдержанность, что совсем на нее непохоже.

— Как вы думаете, какую цель мог преследовать Хепнер, женившись на вашей дочери? — спросил Мейсон.

Корбин впился взглядом своих холодных глаз в Мейсона, потом перевел их на Ольгу, а затем снова на Мейсона.

— В случае моей смерти, — решил сказать он, — Элеонор унаследует весьма значительную сумму.

— Отлично, — резюмировал Мейсон. — Кстати, какой марки у него была машина?

— Кондиционированный «олдсмобил», — сказала Ольга. — Один из самых больших. Он им очень гордился.

Неожиданно зазвонил телефон. Делла Стрит, сидевшая ближе к аппарату, подняла трубку, послушала, а затем передала ее Мейсону.

— Это Пол Дрейк. Очевидно, у него новости.

Мейсон взял трубку.

— Итак, Перри, — начал Дрейк, — твой нюх не подвел. Звонили из Индио. Разговор был тет-а-тет. Дуглас Хепнер звонил Сэди Хепнер в Солт-Лейк-Сити.

— А на том конце линии проверил? — спросил Мейсон.

— Еще не успел, — ответил Дрейк. — Я решил сразу сообщить то, что знаю. У тебя есть какие идеи?

— Я тебе перезвоню, — сказал Мейсон.

Он положил трубку и повернулся к Хьюмеру Корбину.

— Мы нашли мать Хепнера в Солт-Лейк-Сити. Итак, если вам не терпится, я могу позвонить ей и спросить о местонахождении сына. Если же время терпит, я отправлю в Солт-Лейк-Сити сыщиков, чтобы узнали поподробнее об этой женщине.

— Я думаю, лучше позвонить, — сказала Ольга.

— Хорошо. Делла, закажите, пожалуйста, конфиденциальный разговор, — попросил Мейсон. — Я хочу поговорить с миссис Сэди Хепнер, телефон: Уобэш, девяносто восемь — тридцать два — двадцать шесть. Когда ответят, запишите разговор на магнитофон.

Пока Делла Стрит сообщала номер телефона и просила телефонистку соединить ее как можно быстрее, ибо дело не терпит отлагательств, в комнате царила напряженная тишина. Наконец она сделала знак Перри Мейсону, и тот взял трубку.

— Миссис Хепнер? — спросил Мейсон.

— Да, я миссис Хепнер, — ответил голос.

— Миссис Хепнер, мое имя Перри Мейсон. Мне крайне необходимо связаться с вашим сыном Дугласом Хепнером. Не скажете ли вы мне, где его можно найти?

— Вы не звонили в Лас-Вегас? — спросил голос.

— А он там? — поинтересовался Мейсон.

— Он звонил из Барстоу два или три дня назад... подожди минутку, это было... сейчас я вам скажу точно... это было тринадцатого, вечером тринадцатого.

— Он звонил вам по пути в Лас-Вегас?

— Да, он сказал, что хотел повидать меня, но, очевидно, не может этого сделать.

— Вы случайно не знаете, где он останавливается в Лас-Вегасе или что он там делает и... и с кем он там?

— Нет, на эти вопросы я не смогу вам ответить, мистер Мейсон. А собственно, чем вызван ваш интерес?

— Да, а не скажете ли вы мне, — спросил Мейсон, уходя от ответа, — ваш сын женат или холост?

— Холост, а что?

— Я слышал, что он и Элеонор Корбин, которая...

— О, конечно, Элеонор Корбин, — ответил голос. — Да, он звонил мне... О, это было недели две назад. В то время он был с Элеонор Корбин. Но когда он позвонил мне из Барстоу, то уже был с другой девушкой, которую представил мне по телефону, назвав ее Сюзанной. А могу я узнать, почему вы интересуетесь его местопребыванием, мистер Мейсон, и почему вы звоните именно мне?

— Просто он мне очень нужен, — ответил Мейсон, — а никакого другого способа найти его у меня нет.

— А чем вы занимаетесь, мистер Мейсон? Вы что, репортер газеты?

— Нет. Определенно нет. Я — адвокат.

— Вы представляете моего сына?

— Нет. Но он меня интересует в связи...

— Тогда я намерена, мистер Мейсон, поговорить с сыном, прежде чем отвечать на ваши дальнейшие вопросы. Прощайте. На другом конце провода послышался щелчок.

— Делла, — обратился Мейсон к своему секретарю, — быстро спуститесь в контору Дрейка и передайте, чтобы он немедленно направил своих детективов в Солт-Лейк-Сити по адресу миссис Хепнер. Пусть они соберут о ней все сведения, какие только возможны. Найдите какую-нибудь пожилую телефонистку с приятным голосом, попросите, чтобы она вызвала по телефону миссис Хепнер и завела с ней разговор.

— Могу я пересказать вашу беседу Полу Дрейку? — спросила она.

Мейсон согласно кивнул.

— Мы бы тоже хотели узнать содержание разговора, — попросила Ольга Джордан, как только за Деллой Стрит захлопнулась дверь.

Мейсон почти слово в слово повторил разговор с миссис Хепнер. Когда он упомянул о Сюзанне, Ольга с отцом многозначительно переглянулись.

— Итак, — спросил Мейсон, — вы знаете кого-нибудь по имени Сюзанна? Вспомните среди пассажиров теплохода.

Тут Ольга Джордан вдруг щелкнула пальцами.

— Вспомнили? — спросил Мейсон.

Ольга повернулась к отцу.

— Сюзанна Гренджер! — воскликнула она.

— Кто такая? — спросил Мейсон.

— Боюсь, что нам известно всего лишь имя, то есть, конечно, мы видели ее. Она обычно вращалась среди той категории

пассажиров, которые после вечерних танцев отправляются в бар, а потом... Мне кажется, что она живет в нашем городе.

— Вы можете узнать ее адрес? — спросил Мейсон.

— Я... подождите минутку... У Элеонор есть книжка, в которую она заносит имена и адреса людей, с которыми встречалась. Я вот только не помню, брала ли она ее с собой в тот раз. Если только муж дома, он смог бы...

Ольга потянулась к телефону. Мейсон придвинул к ней аппарат.

— Хелло, Билл! Это я, Ольга. Билл, слушай меня и не задавай вопросов. Зайди, пожалуйста, в комнату Элеонор и посмотри, нет ли у нее на столе адресной книжки. Если есть, то найди адрес Сюзанны Гренджер. Если адреса нет, то посмотри, не сохранился ли список пассажиров теплохода. На нем было несколько автографов с адресами.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание.

— Есть телефон и адрес! — наконец-то радостно воскликнула Ольга. — Сюзанна Гренджер собственноручно записала его в списке пассажиров. Она живет в доме «Белинда эпартаментс».

— Спасибо тебе, Билл, — сказала Ольга и положила трубку.

— Итак, — резюмировала она, — у нас есть конкретная ниточка. Конечно, дело это деликатное, мистер Мейсон. Нельзя же просто так прийти и спросить у молодой женщины, не проводила ли она уик-энд с мужем вашей клиентки, которая страдает амнезией.

— Мистер Мейсон знает, как поступить в подобном случае, Ольга, — заметил Хьюмер Корбин. — Мне хотелось бы добавить только одну деталь, которая может заинтересовать мистера Мейсона. В тот день, когда Элеонор сбежала из дома, она захватила с собой чемоданы, которые запомнятся всякому, кто их увидит, — они раскрашены в красную и белую клетку.

— Благодарю вас, — сказал Мейсон. — Это очень ценное добавление.

Глава 5

Многоквартирное здание «Белинда эпартаментс» выглядело весьма внушительно и солидно, хотя внешне не шло ни в какое сравнение с расположенными по соседству жилыми домами.

Привратник, дежуривший у входа, высокомерно оглядел Мейсона и Деллу Стрит.

— Нам нужно видеть Сюзанну Гренджер, — сказал Мейсон.

— Прошу сообщить ваше имя.

— Мейсон.

Неизвестно, говорило ли оно что-нибудь привратнику, во всяком случае виду он не подал.

— В настоящий момент мисс Гренджер дома нет.

— Когда она вернется?

— Извините, но этого я не могу вам сообщить.

— Вы не знаете, она — в городе?

— Прошу простить меня, сэр, но я ничем не могу вам помочь.

— Но я полагаю, что записку-то вы разрешите оставить в ее почтовом ящике?

— О да, конечно.

Привратник извлек из стола лист бумаги, конверт и эффектным, отработанным жестом протянул их Мейсону.

Мейсон достал из кармана авторучку, немного подумал, а затем написал:

«Делла! Что-то здесь не чисто. Чуть-чуть слишком холодно, чуть-чуть слишком официально. Когда я назвал свое имя, его лицо окаменело. Я собираюсь оставить записку. Встань так, чтобы тебе был виден коммутатор. Следи внимательно». Он незаметно от привратника подтолкнул записку Делле, а затем громко обратился к нему:

— Подождите минутку. Мне нужно изложить свое дело подробно. Будьте любезны, дайте мне еще один лист бумаги.

Привратник молча протянул еще один лист.

Мейсон подошел к столу и сел. Делла немного постояла у конторки, затем как бы безо всякой цели прошлась по комнате и встала неподалеку от телефона.

Привратник в это время зашел за стеклянную перегородку.

Мейсон молча сидел за столом и водил пером по бумаге, делая вид, что пишет. Наконец он поставил точку, перечитал, что написал: «Мисс Гренджер. Я думаю, что в ваших интересах связаться со мной сразу же по возвращении домой», поставил свое имя, сложил записку, заклеил конверт и, положив его на стол, написал на нем: «Мисс Сюзанне Гренджер».

В это время Делла Стрит подошла к нему, прошептала:

— Он позвонил в квартиру триста шестьдесят. Все еще разговаривает...

Внезапно привратник посмотрел в их сторону, тут же положил на рычаг трубку, быстро вошел в приемную и протянул руку, чтобы взять записку.

Мейсон, все еще держа авторучку над конвертом, спросил:

— Какой у нее номер квартиры?

Привратник несколько заколебался, его холодные, слегка нависшие глаза скользнули вниз, на кончик пера, затем он нехотя произнес:

— Триста пятьдесят восемь... хотя это не обязательно. Мисс Гренджер записку получит и так.

Мейсон подписал номер квартиры и передал конверт привратнику. Затем взял Деллу под руку и пошел с ней через вестибюль к выходу на улицу.

— Итак, какой же вывод? — спросила Делла. — Сюзанна Гренджер живет в триста пятьдесят восьмой, а он звонил в триста шестидесятую. Что из этого следует?

— А то, — ответил Мейсон, — что нам предстоит кое-что выяснить. Давай-ка свернем за угол. Машина пусть стоит на стоянке, а мы тем временем попытаемся кое-что разузнать. В конце концов, должен же быть в доме служебный вход, через который вносят в квартиры мебель и тому подобное... Ага, вот и дорожка. Ну-ка свернем сюда.

Они пошли по дорожке и, подойдя вплотную к тыльной части здания, увидели широкую зарешеченную дверь. Мейсон и Делла вошли в эту дверь и сразу же увидели табличку: «Грузовые лиф-

ть». Они вошли в один из них, нажали кнопку, и тяжелая кабинка стала медленно подниматься вверх из подвального помещения, пока не показалась дверная табличка с номером 360. Они вышли из кабины лифта, и Мейсон, заметив с правой стороны двери звонок, нажал на кнопку.

Дверь открыла женщина лет тридцати, одетая так, будто собиралась идти на улицу. Она хотела, видимо, что-то спросить, но, увидев Мейсона, открыла от удивления рот и молча отступила назад.

— Это вы?! — воскликнула она.

— Совершенно верно, — ответил Мейсон, продолжая стоять на месте.

— Как я... я... Что вам здесь нужно?!

— Вероятно, привратник перепутал сигналы.

На ее лице появилось выражение ужаса.

— Что вы хотите?

Мейсон уклонился от ответа.

— Судя по всему, вы знаете, кто я, — заметил он.

— Я узнала вас по фотографиям в газетах. Вы — Перри Мейсон, адвокат, а это, очевидно, ваш секретарь — Делла Стрит.

— Совершенно верно, — сказал Мейсон. — Так, может быть, вы нас все-таки пригласите в квартиру?

В комнате Мейсон сразу обратил внимание на то, что на полу валялось несколько утренних газет и что заметки о призраке были аккуратно вырезаны. Между тем хозяйка, по-видимому, пришла в себя.

— Вы уверены, что не ошиблись адресом, мистер Мейсон, и что нужна вам именно я, а не кто-то другой? — спросила она. — Я уверена, что обо мне вы никогда не слышали. Мое имя — Этель Билан.

Мейсон перехватил взгляд Деллы Стрит и сделал ей предупреждающий знак.

— Садитесь, Делла, — пригласил он, устраиваясь на одном из мягких стульев. — Нет, я не ошибся, мисс Билан. Именно с вами я и хотел побеседовать. Я представляю интересы молодой особы, о которой вы уже прочитали в газетах, — сказал Мейсон, указывая на разбросанные по полу газеты.

Этель Билан хотела что-то сказать, но, видно, передумала и промолчала.

— У вас sdвоенная квартира? — спросил Мейсон, окидывая взглядом комнату.

— Да.

— С вами еще кто-нибудь живет?

Этель Билан оглянулась по сторонам, как бы ища поддержки, ее взгляд остановился на телефоне, затем скользнул дальше, к окну. Наконец она сказала:

— Я снимаю эту квартиру не так давно. Раньше со мной жила одна молодая женщина, но потом она переехала в восточную часть города, и я... В общем, пока я не нашла себе напарницу.

Мейсон зажег сигарету, откинулся на спинку стула.

Этель Билан осмелелась напомнить, что собирается уйти.

Мейсон кивнул и молча продолжал курить.

— Мистер Мейсон, позвольте все же узнать, что вам от меня нужно?

Мейсон взглянул ей в глаза.

— Это ваш плащ был в ту ночь на Элеонор?

Вопрос прямо-таки ошарашил ее.

— Как я... — начала она и осеклась. — Я... О, так вот что привело вас ко мне?! Вам стало известно, что на ней был мой плащ!

Мейсон с наслаждением затаился и выпустил дым ровными кольцами.

— Мистер Мейсон, скажите, вас направила ко мне Элеонор, или вы пришли сюда, узнав, что на ней был мой плащ?

Мейсон резко повернулся к Этель Билан.

— Мы хотим получить ее вещи, — сказал он.

— Откуда я... а с чего вы взяли, что вещи Элеонор у меня?

Мейсон молча покачал головой.

— Насколько я поняла, у нее был полный провал памяти и она совершенно не помнит, где она была и что с ней произошло в последние две недели, — высказала предположение Этель Билан.

Мейсон изобразил на своем лице улыбку египетского сфинкса.

— Ну что ж, — почти выкрикнула тогда она. — Так тому и быть! Пройдите сюда.

Она прошла в одну из двух спален, открыла створку шкафа, сказала:

— Все, что висит на крючках, — Элеонор. Вот этот чемодан, этот баул, этот...

— ...с ночным бельем, я полагаю, — перебил ее Мейсон, указав на чемодан в красную и белую клетку.

— Совершенно верно.

— Делла, пожалуйста, упакуйте все вещи и как можно компактнее.

— Я... — заволновалась Этель Билан, — но у меня назначено свидание, мистер Мейсон. Ко мне... я жду посетителя с минуты на минуту. Может быть, я помогу мисс Стрит и ускорю дело?

Мейсон согласился.

Женщины сняли с крючков платья, уложили их в баул. Затем упаковали носовые платки, нейлоновые чулки и всякую мелочь.

— Ну вот, кажется, и все, — произнесла наконец Этель.

— Ваша добрая воля будет в дальнейшем учтена, — многозначительно заявил Мейсон.

Этель Билан с некоторой нерешительностью заметила:

— Вы знаете, мистер Мейсон, Элеонор не внесла недельную плату за квартиру.

— Да, конечно, — принял как должное Мейсон, с готовностью доставая из внутреннего кармана бумажник. — Сколько она задолжала?

— Восемьдесят пять долларов.

Мейсон протянул деньги Этель Билан.

— С того момента, как я официально представляю интересы клиента, — начал он, — и должен представлять счет о произведенных расходах, не согласились бы вы...

— Что вы, напротив, — сказала Этель. Она взяла лист бумаги и написала: «Получено от Перри Мейсона, адвоката Элеонор Корбин, восемьдесят пять долларов в качестве платы за квартиру с 16 по 23 августа».

Мейсон с мрачным видом положил расписку в бумажник.

— Я понесу эти два чемодана, а вы, Делла, возьмите баул, — сказал Мейсон, как бы подводя итог визиту.

— Господи! У меня до сих пор голова идет кругом, — сказала Делла, когда Мейсон наконец уложил чемоданы в багажник своей машины и сел за руль. — Я бы в жизни не догадалась, что Этель не Сюзанна Гренджер или... ну, в общем, вы понимаете, что я имею в виду. А ваш блеф! Я едва не задохнулась, когда вы спросили, ее ли это плащ был на Элеонор.

— Но это же так очевидно, — ответил Мейсон. — Ведь сейчас сухой сезон, и, когда Элеонор собиралась в дорогу, она, естественно, не взяла с собой плаща, я имею в виду тот, в котором ее задержала полиция. Если бы у нее в чемодане оказался плащ, то наверняка это был бы легкий пластиковый дождевик, из тех, что укладываются в маленький пакетик.

— Но зачем все-таки Элеонор понадобилось раздеваться здесь, в этой квартире, потом надевать плащ, идти в парк и устраивать танцы под луной, и почему Этель Билан отдала ей свой плащ, а?..

— Здесь нужно учесть одно обстоятельство, — заметил Мейсон. — Очень может быть, что Этель и не давала ей своего плаща. Элеонор просто прихватила его с собой. Мы же с очевидностью знаем только то, что плащ принадлежит Этель Билан.

— Да, это верно, — согласилась Делла Стрит.

— Конечно, — подчеркнул Мейсон, — она действовала, предполагая, что нам все известно. Теперь заметь, что в расписке упомянут период с шестнадцатого по двадцать третье. Сегодня — семнадцатое. Этель Билан тщательно следит за состоянием своих финансов. И так как плату она берет еженедельно, то можно предположить, что в этом месяце недельные циклы начинались второго и девятого.

— Но Элеонор уехала из дому вечером второго.

— Правильно, — согласился Мейсон. — Тогда подлежащая оплате неделя началась девятого, а отсюда следует, что ее отъезд между вторым и девятым весьма проблематичен.

— Да... — задумалась Делла. — Кстати, а куда мы сейчас поедем? — спросила она.

— Может быть, к тебе? — предложил Мейсон. — Багаж выглядит несколько броско, чтобы держать его в конторе. Еще заметят клиенты. Да и в прессе, наверное, скоро появится его описание.

Делла согласилась.

Машина тронулась и влилась в общий поток транспорта. На одном из перекрестков Мейсон притормозил и позвал мальчика-газетчика. Делла бегло просмотрела вечерний выпуск газеты.

— Ого! — вдруг воскликнула она. — Кажется, газетчики предпринимают меры, чтобы объявить вас «персоной нон грата».

— Каким образом?

— Очевидно, они почувствовали, что вы намерены избежать гласности, и честят вас на все корки. А вообще-то любопытная заметка. Богатые родственники опознают наследницу их капитала. Высокооплачиваемый адвокат стремится избежать публи-

сити и, несмотря ни на что, берется защищать клиентку. Шеф, вам не кажется, что эта семейка довольно странно ведет себя? Мейсон кивнул.

— Они обратились за помощью к вам, хотя прекрасно знают, что вы специалист в области убийств. А эта болтовня о спасении от газетной шумихи? Но если вдуматься, то становится совершенно очевидным, что все их поступки — в десять раз большая реклама, чем та, которую раздувают газеты. Вы знаете, что мне пришлось в голову, — сказала Делла. — Все-таки это довольно странно, что люди обращаются к вам только затем, чтобы вы избавили их от газетной шумихи. Они заявляют, что хотели бы свести к минимуму всю эту историю, а на деле выходит, что маленький рассказик превращается в целый роман.

Мейсон согласно кивнул головой.

— Послушайте, — сказала Делла, — я знаю, что ваши мысли опережают мои. Но позвольте спросить, когда вы догадались обо всем том, что мне только что пришло в голову?

— В тот момент, когда мне вручили чек на две с половиной тысячи долларов, — ответил Мейсон.

— Так, — резюмировала она, — значит, я снова опоздала. Но как вы все-таки пришли к такому выводу?

— Очень просто. Кстати, Ольга Джордан довольно четко выразила эту мысль: если судить по передрыгам, в которых уже побывала Элеонор, нынешняя — просто чепуха.

— И все-таки, — сказала Делла, — интересно было бы поговорить с Сюзанной Гренджер и выяснить, какова ее роль в этом деле.

Делла Стрит замолчала, откинулась на подушку сиденья и не произнесла больше ни слова до самого дома.

— Что делать с этими вещами? — спросила она, когда они поднялись в ее квартиру и Мейсон поставил чемоданы на пол.

— Сначала надо посмотреть, что там есть, — предложил Мейсон.

Делла нажала на защелки одного из чемоданов, подняла крышку.

— О-хо! — воскликнула она. — Какая красота!

Вдоль боковых стенок чемодана в специально встроенных контейнерах размещалась целая батарея разнообразных баночек и тюбиков с кремами и лосьонами. К внутренней стороне крышки крепилось необычной формы зеркало и полный комплект маникюрных принадлежностей. В центре чемодана лежало несколько пар чулок, белье, ночная сорочка.

Делла Стрит взяла одну из баночек, отвинтила крышку, машинально окунула палец в крем.

— Интересно, я такой никогда и не видела, — восхищенно сказала она и внезапно замолчала.

— Что такое? — с тревогой спросил Мейсон.

Делла пальцем зацепила большой сгусток крема.

— Шеф, крем внутри твердый, как будто там стекло или...

Она взяла листок папиросной бумаги, положила на него комочек и осторожно обтерла крем.

— Вот это да! — воскликнул Мейсон.

На ладони Деллы всеми цветами радуги сверкал огрaнeнный бриллиант.

— Может быть, еще есть?

Делла снова окунула палец в крем. И снова вынула твердый предмет. Под слоем крема оказался темно-зеленый изумруд. Затем они исследовали еще один тюбик, еще, еще... и спустя двадцать минут Делла Стрит с наслаждением любовалась коллекцией сверкающих драгоценностей.

— Боже милосердный, это же целое состояние! Как мы с ним поступим, шеф?

— Прежде всего сосчитаем их, — ответил Мейсон.

— А потом? — спросила Делла.

— А потом, — ответил Мейсон, — мы положим их в сейф.

— Интересно, где этот сейф?

— Ты задала в высшей степени насущный вопрос, — произнес Мейсон, раздумывая.

— Может, у вас в конторе?

Мейсон отрицательно покачал головой.

— А что, если сдать на хранение в банк?

— Думаю, что это не очень удобно.

— Что вы имеете в виду?

— Мы не знаем, что это за камни. Вполне возможно, что это личная собственность Элеонор. А может быть, они украдены. Или, скажем, контрабанда. А может быть, совершенно конкретная и сокрушительная улика.

— Как же быть в таком случае?

— В этом случае, — сказал Мейсон, — я оказываюсь в совершенно двусмысленном положении. Но так или иначе я призван защищать интересы моего клиента — Элеонор Корбин или Элеонор Хепнер, неважно.

— А также и доброе имя семьи Корбин, — добавила Делла с иронией в голосе. — И это приобретает особое значение для адвоката.

Мейсон согласно кивнул.

— А дальше что? — спросила Делла.

— Дальше, — сказал Мейсон, — я собираюсь позвонить Полу Дрейку. Он придет вооруженного детектива, который проведет тебя в один из лучших отелей города. Выбери самый уютный и наиболее дорогой, как если бы у тебя был неограниченный счет в банке.

Делла удивленно подняла брови.

— Там ты регистрируешься, — продолжал Мейсон, — под своим собственным именем, дабы ни у кого не возникло никаких подозрений. Как только регистрируешься и после того как тебя проводят в номер, спустись к администратору и скажи ему, что хотела бы положить в сейф некоторые ценности. В крупных отелях имеются прекрасные сейфы и нескоропортящиеся шкафы. Они наверняка предложат сейф. Положи туда камни. Администратор запрет сейф и отдаст тебе ключ, который ты сразу же отдашь мне.

— Так, а дальше?

— А дальше, — сказал Мейсон, — ты начнешь двойную жизнь. Днем, как и всегда, будешь приходить на работу. После же работы, по вечерам, ты превращаешься в очаровательную и загадочную мисс Стрит, которая болтается по отелю, швыряет деньги, облачается в пикантный купальный костюм и плещется в

бассейне. Которая соблазняет мужчин, но не выдает им никаких векселей. И, конечно, найдется какой-нибудь красивый и привлекательный юноша, такой волк, хищник. Позволь ему угощать тебя коктейлями, приглашать обедать. А тем временем агенты Пола Дрейка не будут спускать с тебя глаз.

Мейсон подошел к телефону, снял трубку и набрал номер Пола Дрейка.

— Хелло, Пол, мне нужен телохранитель. Такой, на которого можно было бы положиться: надежный, наблюдательный, находчивый.

— О'кэй.

— Когда ты мне его дашь?

— Через полчаса, если это спешно.

— Это очень спешно.

— Куда ему прийти?

— На квартиру Деллы Стрит.

— О'кэй. Кого нужно охранять?

— Деллу.

— Дьявольщина!

— Учи, мне нужен универсал, который в любой обстановке чувствует себя как рыба в воде, — уточнил Мейсон. — Делла переезжает в фешенебельный отель. Мне нужно, чтобы она была под неусыпным наблюдением.

— Погоди минутку, — сказал Дрейк. — Ты сказал «фешенебельный отель»?

— Самый лучший.

— Не выйдет, если мне незнаком их штатный сыщик, да и то...

— Что значит, не выйдет? — перебил его Мейсон.

— Не выйдет, и все. Нельзя же шляться вокруг дома и следить за женщиной, да еще такой привлекательной, как Делла, которая находится внутри его. Это сразу же привлечет...

— А ты не можешь зарегистрировать его в качестве проживающего?

— Могу, если, конечно, нужно плотно сесть на хвост. Но в хорошем отеле это и денег хороших стоит. Правда, можно зарегистрировать его и в качестве гостя, тогда это обойдется бесплатно.

— О'кэй, — решил Мейсон, — пусть в качестве гостя. Но тогда потребуются двое. Один — помоложе. При необходимости он будет сопровождать Деллу. Другой — постарше, с внешностью бизнесмена, которого не отвлекали бы фигуры в купальниках и ноги в нейлоне. Он должен следить за окружением. Одним словом, сможешь еще — давай.

— Что ты задумал? — спросил Дрейк.

— Сейчас я не могу ответить. Лучше скажи, как у тебя дела с домашним заданием?

— Дела идут, — ответил Дрейк. — Газеты видел?

— Делла сказала, что мы привлекли большое внимание.

— Это только половина, — сказал Дрейк. — Послушай, Перри, будь я проклят, если сумею узнать, в каком месте Элеонор обвенчалась с этим Хепнером. Мы предположили, что это произошло в Юме. Ребята прочесали регистрационные книги — впустую. Мы допустили также, что они расписались под вы-

мысленными именами — проверили все регистрации браков, совершенные второго и третьего августа, даже нашли всех молодоженов. Тоже впустую. Далее прозарили все дорожные происшествия на дороге в Юму ночью второго — и ничего не нашли.

— А как насчет его матери в Солт-Лейк-Сити? — спросил Мейсон.

— Вот тут действительно кое-что есть. Так называемая мамаша на проверку оказалась очаровательной брюнеткой двадцати семи лет, у которой много всякого такого, ну, ты понимаешь. Живет она прямо-таки в кукольном домике, конечно, в тех случаях, когда оказывается в городе. Но в основном порхает, словно малиновка весной. Предпочитает самолеты и летает на них туда-сюда...

— И между делом играет роль матери Дугласа Хепнера?

— Очевидно, только по телефону. На дверях дома — табличка с надписью: «Миссис Сэди Хепнер».

— Бог ты мой! — воскликнул Мейсон. — Выходит, вторая жена?

— Пока утверждать затрудняюсь.

— Что она говорит?

— Она ничего не гозорит. После разговора с тобой она повесила трубку, сложила вещички, нырнула в сверкающий «линкольн», сказала механику гаража, что направляется в Денвер, и была такова. Так что нам удалось проследить ее лишь от дома до стен гаража. Может быть, попытаться пройти за ней дальше?

— Попробуй, Пол. Думаю, если она упомянула Денвер, то, очевидно, имела в виду Калифорнию. А теперь скажи мне, Пол, как обстоят дела с телеграммой из Юмы?

— Телеграмма была отправлена с почты, и никто о ней ничего не знает. В тот день через центральный телеграф Юмы прошло несколько сот телеграмм.

— Ну ладно, если удастся за что-нибудь зацепиться, сразу сообщай мне, — попросил Мейсон.

— Хорошо, — ответил Дрейк, — я попрошу мальчиков пошевелиться. Между прочим, я послал своего агента с фотографиями Хепнера в Лас-Вегас. Он поспрашивает кое-где. Кроме того, мои люди просмотрят там книги регистрации браков. Думаю, к вечеру у меня будут для тебя новости.

Глава 6

Было уже почти десять, когда Перри Мейсон зашел в контору Пола Дрейка.

Детектив сидел за своим столом в одной рубашке без пиджака и потягивал кофе. Он кивнул вошедшему Мейсону, поставил чашку на блюдце, произнес:

— Что вы там задумали с Деллой?

— Она вышла в свет, — ответил Мейсон. — Стала богатой бездельницей и вращается в том кругу.

— Расставляешь силки? — поинтересовался Дрейк.

— Что-то в этом роде. Как там Дуг Хепнер?

— Это довольно любопытно, — заметил Дрейк. — Видишь ли,

мы пустили слухок, будто Хепнер провернул одно дельце, что дало нам основание предъявить его фото парочке известных дельцов. Понимаешь, Перри, это был единственный шанс из тысячи, даже из миллиона. Но мы воспользовались им, и один из дельцов признал парня.

— Дугласа Хепнера?

— Именно его.

— Выкладывай, — потребовал Мейсон.

— Представляешь, Хепнер — игрок. Профессиональный причем. Специализируется в покере. До этого работал на рулетке. Заманивал богатых и неопытных партнеров, а потом обыгрывал их. С виду он весь из себя положительный, остроумный, расторопный, располагает притягательной внешностью, приятный голос, одним словом — личность.

— Когда это было?

— О, это было три-четыре года назад.

— Чем он сейчас занимается?

— Хочешь верь, хочешь нет, но он собирает вознаграждения.

— Собирает вознаграждения?

— Точно так!

— Кто же его награждает?

— Правительство Соединенных Штатов.

— Каким образом?

— Ты знаешь, что делают люди, выезжающие в Европу? — спросил Дрейк.

— Конечно. Они посылают домой красочные открытки, привозят сувениры. Они...

— И примерно каждая третья женщина провозит маленькую контрабанду. Иногда копеечную, а иногда на весьма солидную сумму.

— Ну и что дальше? — поторопил Мейсон.

— А дальше вот что. Таможня США выплачивает вознаграждение за информацию, касающуюся ввоза контрабандных товаров. Допустим, некая миссис Риарбампер везет бриллиант в десять тысяч долларов. Она чувствует себя в полной безопасности до тех пор, пока случайно не проговорится. Как только таможня получает сигнал, она тут же досматривает багаж упомянутой миссис. Таможенники находят бриллиант, конфискуют его, накладывают штраф. Затем, если эта миссис желает получить бриллиант обратно, она выкупает его. Государство получает с этого крупный куш и, естественно, заинтересовано в получении информации и в сохранении источника этой информации. А потому хорошо оплачивает эти труды.

— Понятно, — сухо заметил Мейсон.

— Теперь тебе ясно, почему мне хотелось сначала дать фон, на котором вырисовывается личность этого Дугласа Хепнера. Примерно два года назад или около того он отправился в Европу, предполагая перекинуться на судне в карты. Но оказалось, что это не так просто. Крупные пароходные компании не очень-то жалуют профессиональных игроков, выкачивающих деньги из пассажиров. Поэтому Хепнер с его приятными манерами, с его знанием жизни, умением сближаться с людьми, что называется, пустил в ход глаза и уши. Он стал заводить среди пассажиров знакомства, поддерживал эти знаком-

ства и в Европе. И таким путем добывал информацию о вывозимых из Старого Света ценностях. Поездки Хепнера оплачивались, и поэтому он стал все чаще и чаще предпринимать подобные путешествия.

— А три месяца назад на судне, идущем из Европы, он и познакомился с Элеонор Корбин, — не то спросил, не то резюмировал Мейсон.

— Совершенно верно, — ответил ему Дрейк.

— И ты предполагаешь, что Элеонор тоже из тех, кто беспошлинно ввозил камни?

— Она вполне могла это сделать, — предположил Дрейк. — На ее счету уже есть подобные аферы. Так что она на заметке.

— Меня интересует другое: информировал ли кто-то о ней таможенно и действительно ли она везла контрабанду?

— На контрабанде ее не поймали, — сказал Дрейк.

— Это становится любопытным, — заметил Мейсон.

— Она близко сдружилась с Дугласом Хепнером. Как ты предполагаешь — Дуглас просто ухаживал за ней или же он знал, что она везет драгоценные камни, и по той или иной причине молчал об этом?

— Ты подал интересную мысль, — задумчиво сказал Мейсон. — Понимаешь, Пол, если взглянуть на это дело с точки зрения контрабанды, оно приобретает совсем новое звучание.

— Согласен, — сказал Дрейк. — Ведь человек, занятый поисками информации, получает двадцать процентов. Ради получения этой информации он заводит дружбу и превращается в эту самую подсадную утку. Он обрабатывает пожилую матрону, которая считает его лишь прекрасным партнером в танцах... Они становятся друзьями. Она сообщает ему о подарке, который везет своей сестре. Подарок совсем недорогой, а если удастся проскочить таможенно, то и совсем обойдется в пустяк. Она спрашивает у него совета. Естественно, он успокаивает ее, а сам тем временем заносит в блокнотик ее имя и приблизительную сумму вознаграждения. Теперь дальше. Двадцатипроцентные доходы открывают и другую прекрасную возможность.

— Шантаж? — спросил Мейсон.

— Шантаж, — согласился Дрейк. — Этой почтенной даме даже сама мысль, что ее причислят к разряду преступниц, кажется невыносимой. Ведь она сразу же лишается права вращаться среди элиты, к которой принадлежит.

— Здесь кроется и другая блестящая возможность, — перебил его Мейсон. — Допустим, некто Джон К., импортер драгоценных камней, разработал хитроумную систему нелегального ввоза крупных партий камней. Таможня не может его поймать, а Дуглас Хепнер поймал. Он готов сообщить об этом властям, чтобы получить свои двадцать процентов стоимости перехваченной контрабанды, но... Допустим здесь, что он проговорился об этом своем намерении. На подобные вещи люди реагируют по-разному. Одни захотели бы откупиться от него. Другие вознамерились бы сбежать куда-нибудь в глушь и отсидеться там. Третьи попытались бы найти способ заткнуть ему рот. А если бы он не замолчал, а к тому же игра стоит свеч, ну, например, партия камней достаточно велика или информация, которой располагает Хепнер, фатальна для импортера, тогда...

В это время на столе Дрейка зазвонил телефон. Он поднял трубку, секунд двадцать молчал, внимательно слушая собеседника на другом конце провода, затем сказал:

— Это очень важно. Держи меня в курсе дела. Пока!

Дрейк швырнул телефонную трубку на рычаг и повернулся к Мейсону. От возбуждения на его щеках проступила краска.

— Полиция обнаружила труп мужчины в парке Сьерра Виста. Тело обнаружено неподалеку от того места, где прогуливалась Элеонор.

— Чей труп? — перебил его Мейсон.

— Боюсь, это все, что мне известно. Да, кстати, и полиции тоже. На затылке обнаружено крошечное отверстие от пули. Очевидно, она застряла в черепе.

— Когда это случилось?

— Примерно сутки назад, — ответил Дрейк.

— Это Хепнер? — спросил Мейсон.

— Опознания еще не проводилось. Пока что это просто тело с пулевым отверстием в затылочной части.

Мейсон снял телефонную трубку, набрал нужный номер.

— Это Перри Мейсон. Мне нужно поговорить с доктором Ариелом. Соедините меня с ним как можно скорее. Дело не терпит отлагательств.

Секунд через тридцать доктор Ариел взял трубку. Мейсон сказал:

— Я очень беспокоюсь, доктор, о нашей больной.

— Состояние ее здоровья заметно улучшилось.

— Насколько я понимаю, при лечении таких заболеваний важно избегать внешних раздражителей. Каждое эмоциональное воздействие может принести разрушительные последствия, которые могут быть трагичными.

— Вы совершенно правы, — с недоумением сказал доктор Ариел. — Но простите, вы меня просто озадачили. В чем дело, Перри?

— Шока можно избежать? — не отвечая на вопрос, спросил Мейсон.

— Тот, который врачи называют «индикаторным», невозможно.

— У меня такое чувство, что вскоре ее захочет видеть множество людей.

— Но никто не знает, где она, Перри.

— Пока не знают, но смогут узнать.

— Вы имеете в виду газетных репортеров?

— Возможно. И кое-кого еще.

— Уж не имеете ли вы в виду полицию, Перри? Но ведь она против Элеонор Хепнер ничего не имеет.

— Я думаю, что нашу пациентку следует перевести в другое место, где бы ее никто не нашел и не беспокоил, — опять не отвечая на вопрос, сказал Мейсон.

Доктор Ариел на минуту задумался.

— О'кэй, — наконец согласился он. — Я сделаю все, что можно.

— Только немедленно, — попросил Мейсон, положил трубку и обратился к Полу Дрейку: — Пол, ты говорил, что у тебя есть человек в полицейском управлении..

— Есть кое-кто, а что?

— Так вот, используй все свои связи, — попросил Мейсон. — Не скупись на расходы. Разузнай все, что им известно о найденном трупе. Уточни, не самоубийство ли это. Каким оружием совершено преступление. Где это оружие. Когда наступила смерть. Опознан ли труп. Разущи местопребывание Хепнера. Найди его автомобиль...

— О'кэй, — устало ответил Дрейк. — Но сейчас я пойду домой. Где я тебя найду, Перри?

— Меня никто и нигде не найдет до тех пор, пока Элеонор не перепрячет в новое место и пока не будет опознан труп. Это значит, что я исчезаю до завтрашнего утра.

Глава 7

Выходя от Дрейка, Мейсон взглянул на часы. Было восемнадцать минут одиннадцатого. Он включил мотор и поехал к бензоколонке. Пока заправщик заполнял баки и мыл ветровое стекло, Мейсон позвонил в «Белинда эпартментс».

— Я понимаю, что время позднее, — сказал он телефонистке на коммутаторе, — но мне бы хотелось поговорить с мисс Гренджер. Я еще утром предупредил ее, что буду звонить.

— Один момент, соединяю.

Вскоре в трубке послышался спокойный женский голос:

— Да... слушаю.

— Прошу извинить меня за беспокойство, — начал Мейсон, — но я хотел бы узнать о Дугласе Хепнере.

— Хепнер? — спросила она. — Хепнер... О да. Простите, а с кем я говорю?

— Это Перри Мейсон, адвокат. Я оставил записку в вашем почтовом ящике.

— О да.

— Я полагаю, что у вас было время для репетиции, — после небольшой паузы сказал Мейсон.

— Какой репетиции?

— Вашей истории.

— Что еще за история?

— Той самой, которую вы намерены поведать полиции и репортерам газет. Сначала лучше мне расскажите ее, а я задам вам несколько вопросов и внесу в нее коррективы.

— Мистер Мейсон, вы мне угрожаете?

— Совсем нет.

— Почему я должна что-то рассказывать полиции?

— Потому что вас будут допрашивать.

— О Дугласе Хепнере?

— Именно.

— Где вы сейчас находитесь?

— Неподалеку от вашего дома.

Она слегка заколебалась, а потом вдруг засмеялась.

— Знаете, мистер Мейсон, вы меня заинтриговали. Я много читала о вас и вашем таланте ведения перекрестных допросов. И знаете, я подумала, что, наверное, занятно будет испытать

на себе взгляд ваших пронизательных глаз. Во всяком случае, приезжайте. Я жду.

— Сейчас буду, — сказал Мейсон и повесил трубку.

В вестибюле «Белинда эпартаментс» он приветливо улыбнулся призватнику — другому, не тому, с которым ему и Делле Стрит пришлось столкнуться утром, поднялся наверх, нажал кнопку звонка. Миловидная молодая женщина почти тотчас же открыла дверь, устремив на адвоката изучающий взгляд своих серых глаз.

— Хочу поздравить вас, мистер Мейсон, — начала она. — Прошу вас, входите.

Мейсон вошел в квартиру.

— С чем вы хотите меня поздравить?

Она указала на стул.

— Поздравить с теми методами, которыми так умело пользуетесь.

— А именно?

— Предложение прорепетировать историю со мной, прежде чем ею заинтересуются другие.

— О, — невольно вырвалось у Мейсона.

— Он весьма эффективен. Вы часто им пользуетесь?

— Это один из моих любимых, — признался Мейсон. — Он всегда приносит желаемый результат.

— Но это провокация. Ощущаешь лишь легкую тревогу, а не угрозу.

— Я рад, что вы оценили это по достоинству, — сказал Мейсон.

Она предложила сигарету, закурила сама и только после этого спросила:

— Итак, мистер Мейсон, как вы предпочитаете — провести легкий обмен ударами или же сразу отправить меня в нокдаун?

— Это зависит от силы соперника.

— Тогда лучше обменяться ударами.

— Я думаю, что все же лучше быть с самого начала открытыми. Вы мне все расскажете, а затем я задам несколько вопросов.

— Мне эта процедура не подходит. Лучше сразу задавайте вопросы.

— Отлично. Вы знали Дугласа Хепнера?

— Да.

— Сколько времени вы знакомы?

— Мы встретились три или четыре месяца назад на судне, шедшем из Европы.

— Вы с ним были дружны?

— На судне?

— И там, и позже, на берегу.

— Давайте скажем так. Мы были дружны на судне, были дружны и позже, но потом настал перерыв, в течение которого я потеряла его из виду. Потом мы случайно встретились в художественном салоне и, естественно, возобновили отношения. Помнится, он предложил мне зайти куда-нибудь выпить, а потом пригласил пообедать. В тот раз я была занята, но приняла его приглашение на следующий вечер. Кстати, позвольте спро-

сильнее, чем вызваны эти вопросы, мистер Мейсон, и откуда вам известно, что полицию это заинтересует?

— Дело в том, что я защищаю интересы одной молодой леди, которая страдает временной потерей памяти.

— А, понимаю. Той женщины, которая претендует на право именоваться миссис Хепнер. Как интересно! Так вы полагаете, что я смогу подтвердить ее притязания и сделать из нее, так сказать, честную женщину? Об этом подробно написано во всех вечерних газетах.

— Мне сообщили об этом, — сухо заметил Мейсон. — А сейчас я бы хотел узнать о ваших встречах с Дугласом Хепнером. Когда вы его видели в последний раз?

— Когда? Мне кажется... По-моему, это было вечером пятнадцатого.

— Он не сказал вам, что женился?

— Конечно, нет.

— А говорил ли он вам, что он не был женат?

— Много об этом Дуглас не распространялся, но... Я помню, что он... я не уверена, что имею право обсуждать этот вопрос, мистер Мейсон. Лучше спросите, что еще вам хотелось бы узнать о Хепнере. Могу себе представить, как он удивится, когда прочтет в газетах, что его считают женатым на женщине, потерявшей память.

— Хорошо. Вы знакомы с его родственниками?

— Родственниками? Нет. А почему вы спрашиваете?

— Это правда? — спросил Мейсон, и в его голосе прозвучали нотки сомнения. — Я разговаривал по телефону с его матерью, и она сказала мне, что говорила с кем-то из Барстоу, кто назвался... Однако, может быть, я что-то не так понял...

— Так вот он ваш шокирующий удар, — сказала Сюзанна, пристально посмотрев в глаза Мейсону. — Я все думала, когда же вы кончите разведку и попытаетесь отправить меня в нокдаун. Хорошо. Я ездила с Дугласом Хепнером в Лас-Вегас. Ну и что? Я уже вышла из того возраста, когда требуется спрашивать разрешение, и еще не доросла до того, когда уже все безразлично. Во мне проснулось желание сыграть, а Дуг собирался в Лас-Вегас. Он пригласил меня, и я поехала. Что ж тут такого?

— Ничего, — ответил Мейсон.

— Дуг сделал остановку в Барстоу, чтобы заправить машину, — продолжала она, — и позвонил матери в Солт-Лейк-Сити, сообщив ей, что путешествует с интересной девушкой. Он ранее никогда не говорил со мной о серьезности своих намерений, ибо не знал, как я к этому отнесусь. Поэтому для меня явилось полной неожиданностью его желание «познакомить» нас по телефону. Он безо всякой подготовки вдруг передал мне трубку.

— И о чем же вы с ней говорили? — спросил Мейсон.

— Я совершенно растерялась, ибо не предполагала, что Дуг Хепнер будет обсуждать свои matrimониальные дела с матерью. Но вдруг он подзывает меня к телефону и просит, чтобы я побеседовала с ней.

— Он сказал ей о том, кто вы?

— Да, рассказал. Назвал ей мое имя, сообщил мой адрес,

описал внешность. Он отметил даже такие детали, как рост, вес, объем груди, талии. Мне показалось, что речь идет о конкурсе красоты.

— И о чем вы говорили?

— Я сказала: «Хэлло, миссис Хепнер. Рада с вами познакомиться», и так далее в том же духе, а она в ответ: «Сын сказал, что вы вместе с ним едете в Лас-Вегас». После этих слов меня разобрала злость. И тогда я решила: пусть он только отвезет меня в Лас-Вегас, накормит, но заказать ему придется не один, а два номера, мистер Мейсон. Два! — И она показала два пальца.

— Вы помните число, когда это произошло?

— Я запомнила тот день абсолютно точно. У меня для этого были причины.

Мейсон вопросительно поднял брови.

— Пока я была в отъезде, моя квартира была взломана и в ней совершен акт вандализма. Но я... одним словом, в полицию я не заявила. Я знаю, кто это сделал и почему.

— Акт вандализма? — переспросил Мейсон.

Сюзанна кивнула, и в ее глазах зажглась злость.

— Я художница. Правда, я не пишу полотен. Я занимаюсь изучением определенных фаз развития европейского искусства. Откровенно говоря, я в этой области любитель, да к тому же посредственный. Скорее всего мне никогда не удастся внести выдающийся вклад в мировое искусство. И все же доставляет удовольствие изучать краски, которыми пользовались художники прошлого, цвет, световые эффекты. Мне думается, что именно цвет помогает полнее изучить различные школы живописи. У меня дома хранится большое число репродукций картин великих мастеров. Но не картин в целом, а отдельных фрагментов, которые подтверждают правильность моей теории...

— А вандализм? — спросил Мейсон заинтересованно.

— Да-да, простите. Так вот, кто-то забрался в квартиру и испортил мой живописный материал, на приобретение которого я потратила несколько сот долларов.

— Каким образом они были испорчены?

— У тюбиков с красками кто-то отрезал донышки, а затем выдавил все содержимое. Часть краски была выдавлена на палитру, а часть — в раковину умывальника. Краской испортили ванну. Ее стенки были похожи на радугу, исполняющую танец святого Витта.

— И вы не вызвали полицию?

— Нет, — ответила она. — Но я знаю, чья это работа.

— Могу я узнать, чья?

— Конечно, можете, — сердито заявила Сюзанна. — Вашей клиентки, вот чья! Но я не хочу газетного шума, не хочу тащить ее в суд. Однако с удовольствием свернула бы ей шею!

— Это сделала Элеонор Хепнер? — с недоверием спросил Мейсон.

— Элеонор Корбин!

— Откуда вы знаете, что?..

В это время раздался телефонный звонок.

— Извините, — сказала она и подняла трубку. — Да... Хэлло... О да...

Некоторое время она молча слушала, затем спросила:

— Вы в этом уверены?.. Они уже сделали... вы так думаете?

Затем опять наступила молчаливая пауза, после чего она сказала:

— У меня сейчас гость... благодарю вас... До свидания, — и положила трубку.

— Ну что ж, мистер Мейсон, я думаю, что этого достаточно. У вас был напряженный день, и вы узнали буквально все о моей поездке в Лас-Вегас.

Внезапно в ее глазах заблестели слезы. Она поднялась, прошла через гостиную к входной двери и распахнула ее.

— Видит бог, — сказал Мейсон, — я не хотел обидеть вас, мисс Гренджер. Но все же в полиции вам придется рассказать все до конца и...

— Вы уже предупреждали об этом, мистер Мейсон, — сказала она. — Вы получили свое интервью. Я не нахожу его увлекательным. Доброй ночи.

Мейсон поднялся.

— Скажите честно, — спросил он, — я вас чем-нибудь обидел?

— Послушайте, мистер Мейсон, не уберетесь ли вы к черту?! Мне хочется з-з-з-зареветь, и я не хочу, чтобы вы тут сидели и смотрели на меня! — выкрикнула Сюзанна.

— Иными словами, — в голосе Мейсона уже не звучала доброта, — по телефону вам сообщили о том, что тело Дугласа Хепнера опознано.

От неожиданности она застыла на месте.

Глава 8

Мейсон уже был в конторе, когда Делла Стрит, открыв входную дверь и мурлыкая под нос какую-то мелодию, вошла в комнату. Увидев Мейсона за своим столом, она остановилась как вкопанная.

— Хэлло, Делла! — приветствовал ее Мейсон. — Как идут дела?

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

— Веду подсчеты, — ответил Мейсон. — Видишь ли... в общем, кое-что произошло.

— Например?

— Газеты пока молчат, — сказал Мейсон, — однако тело, найденное в парке Сьерра Виста, было опознано. Это Дуглас Хепнер.

— Он мертв?!

— Именно. Убит выстрелом в затылок из револьвера. Входное отверстие пули есть, а выходного нет. Это значит, что полиция получит в свое распоряжение пулю, которая позволит ей определить систему оружия и, конечно же, найти само оружие. А что у тебя, Делла?

— У меня? — переспросила она. — Я провела интересный вечер.

— Пытались ухаживать?

— Много раз.

— Что-нибудь важное?

— Не думаю. Мне показалось, что все это типичные бродячие волки. Конечно, в первоклассном отеле попытки знакомства совершаются не столь явно, я бы сказала, весьма осмотрительно, тонко, но цель их та же, что и везде.

— Так что же произошло?

— Меня сначала спросили, не желаю ли я потанцевать. Потом в записке, переданной через официанта, сообщили, что я выгляжу слишком одинокой, а потому два джентльмена с удовольствием потанцевали бы со мной, если я только пожелаю.

— Делали предложения? — спросил Мейсон.

— Не то, чтобы предложения. А так, словесная разведка для проверки моей обороноспособности.

— И как же ты оборонялась?

— Оборона была равносильна нападению. Но не очень стойка. Я не создала у них впечатления, что они штурмуют линию Мажино. Я дала им понять, что территория может быть захвачена и оккупирована, но... Иными словами, я заморочила им головы, но двери открыть не позволила. Вы ведь именно этого хотели, не правда ли?

— Да, тогда я хотел именно этого, — сказал Мейсон, — но сейчас в этом не уверен.

— Почему?

— Потому что возникли некоторые обстоятельства, которые, возможно, осложнят дело.

— А именно?

— Элеонор Хепнер, или Элеонор Корбин, кто бы она ни была, вот уже почти две недели, как сошла со сцены. Ее обнаружили шатающейся по парку почти без одежды. У нее гладкая и нежная кожа...

— О да, опять ее кожа, — пробормотала Делла. — Я уже в который раз слышу, как вы восхищаетесь ею.

Мейсон нахмурился.

— К этому есть веские основания. Дело в том, что, судя по всему, она довольно продолжительное время бродила по зарослям парка почти без одежды. А следовательно, на ее теле должны были остаться следы — покраснения, царапины и...

— И конечно, — резюмировала Делла Стрит, — как опытный детектив, вы заметили эти следы.

— Ну так вот, — сказал Мейсон, — никаких царапин на ней не было. Кожа выглядела слегка загоревшей, но не...

— Загар от пребывания в спальне, — едко заметила Делла Стрит.

Но Мейсон продолжал говорить, не обращая внимания на ее колкости.

— Это значит, что она была где-то поблизости от того места, где ее задержали. Как тебе известно, я сблефовал и вынудил Этель Билан признаться, что Элеонор жила у нее. Но почему она там находилась, мы не знали. Возможно, что не знала этого и Этель Билан. Но сейчас, я думаю, сумею ответить на вопрос «почему?».

— Так почему?

— Элеонор, — продолжал Мейсон, — поселилась у Этель

Билан, чтобы иметь возможность следить за Сюзанной. Затем Сюзанна едет на неделю в Лас-Вегас вместе с Дугласом Хепнером. И пока она была в отъезде, Элеонор проникает в ее квартиру и совершает акты вандализма, которые вполне характерны для женщины коварной и ревнивой, к тому же желающей причинить неприятность сопернице.

— К примеру?

— Отрезать донышки у тюбиков с дорогостоящими красками и размазать краску по всей квартире.

— И это сделала она?

— Сюзанна думает, что да.

— Она объяснила, почему так считает?

— Нет. Нашу беседу прервали.

— Интересно, — заметила Делла. — Куда же все это заведет?

— Мы можем оказаться в любопытной ситуации, — заметил Мейсон. — Все это рисует Элеонор в чрезвычайно невыгодном свете. И конечно, наводит на некоторые размышления.

— А точнее?

— О Сюзанне Гренджер. Она художница. Изучает живопись и манеру письма. Особенно интересуется старыми мастерами. Она пишет книгу о световых эффектах в живописи и надеется, что эта книга... Но главное заключается в том, — перебил сам себя Мейсон, — что Сюзанна Гренджер положительно верит, что именно Элеонор забралась в ее квартиру, пока она ездила в Лас-Вегас.

— А вы не верите в то, что это сделала Элеонор?

— В настоящее время я ничего не комментирую, — заявил Мейсон. — Сюзанна работает, пишет серьезную книгу, требующую больших исследований, частых поездок в Европу, посещения студий, возит с собой большое количество красок в тюбиках. Возможно, ее лицо примелькалось в таможене, работники знают ее как серьезную молодую женщину, занимающуюся копированием произведений искусства. Они встречают ее словами: «Как поживаете, мисс Гренджер? Как дела? Что вы приобрели за границей?» — и она отвечает им: «Как обычно, краски и немного духов — они у меня в чемодане». Таможенники открывают чемодан, прощупывают аккуратно сложенное дамское белье, проверяют духи, говорят: «Благодарим вас, мисс Гренджер», — закрывают чемодан, наклеивают на него таможенный ярлык, и Сюзанна идет носильщика.

— А между тем, — спросила Делла Стрит, — в тюбиках с краской запрятаны десятки дорогостоящих камешков?

— Теперь я вижу, — сказал Мейсон, — что вы начинаете улавливать мою мысль. В этой ситуации важна последовательность, которую не может не учесть холодный, циничный, скептический ум. С одной стороны, Сюзанна Гренджер очень серьезная, но привлекательная женщина, собирающая материал для книги по искусству, с другой стороны — ее поездка в Лас-Вегас с Дугласом Хепнером, для которого она совершенно неподходящая компания.

— Но ведь он сам ее пригласил, не так ли?

— Да, Делла, он ее пригласил. Но это только предположение. Он сделал остановку в Барстоу, чтобы заправить машину. Там у него возникло внезапное желание позвонить в Солт-Лейк-Сити

своей дорогой мамочке. Он позвонил и сказал ей, что с ним находится Сюзанна Гренджер и что она едет с ним в Лас-Вегас, чтобы провести уик-энд.

— Какая миленькая ситуация, — заметила Делла Стрит. — Как же Сюзанна должна была быть счастлива!

— Совершенно верно, — согласился Мейсон. — А так как сейчас мы знаем, что мать Дугласа Хепнера привлекательная брюнетка с красивой фигурой, знаем, что, куда Сюзанна Гренджер была в отъезде, кто-то побывал в ее квартире, отрезал донышки у тубиков с краской и выдавил их содержимое, знаем, что в баночках с кремами и лосьонами, принадлежащими Элеонор, находились драгоценные камни, знаем, что Сюзанна Гренджер не уведомила полицию о случившемся в ее отсутствие... все это представляет собой темы для размышлений.

— Да, черт побери! — воскликнула Делла.

— Похоже на то, что обозначился некоторый рисунок.

— И к тому же весьма запутанный.

— Это верно, — согласился Мейсон. — Представляешь, как должна себя чувствовать молодая женщина? Она отправляется с Дугласом Хепнером. Вся атмосфера поездки наполнена романтикой. Они покидают город, уезжают от надоевшей обстановки, от знакомых. Молодую пару ждут приключения, несмотря на то, что уезжают они всего на два-три дня.

...И тогда Дуглас Хепнер останавливается на заправку, как бы случайно говорит: «Мне надо позвонить. Пойдем вместе». Естественно, девушка повинуется. Ей любопытно узнать, не намерен ли ее друг заказать номер в гостинице, и если да, то какой. А тем временем душка Дуглас звонит своей «мамочке» и, обращаясь к ней, говорит: «Мамуля, дорогая, мне так хотелось поболтать с тобой. Я еду на уик-энд с одной миленькой штучкой. Ее зовут так-то. Ее рост пять футов и четыре дюйма, вес сто двенадцать фунтов, размер бюста тридцать четыре дюйма, талии — двадцать шесть, бедер — тридцать шесть и так далее. Живет она в Лос-Анджелесе в «Белинда эспартментс», и ты непременно должна познакомиться с ней, прежде чем ее увидишь. Я передаю ей трубку, мама».

Делла Стрит состроила гримаску.

— А после, когда Сюзанна вернулась, она обнаружила свою квартиру... Шеф, а ведь он поступил почти так же и с Элеонор! Мейсон кивнул.

— А что, по-вашему, обнаружила бы Элеонор, возвратившись назад?

— Она не вернулась, — ответил Мейсон. — По крайней мере, к себе домой.

— Очень, очень интересно, — сказала Делла. — И тут кто-то всаживает пулю в затылок Дугласу Хепнеру. Можно легко себе представить, что если любовные приключения Хепнера развивались по этому плану, то подобный конец неизбежен.

— Ну ладно, Делла, оставим это, — прервал ее Мейсон. — Твои рассуждения великолепны, однако они не должны касаться одинокой недотроги, проживающей в перwokлассном отеле. Давай-ка лучше сменим парадное платье на рабочую одежду и...

В это время раздался условный стук в дверь. Так возвещал о своем приходе Пол Дрейк.

— Впусти его, Делла, — попросил Мейсон.

Она открыла дверь кабинета.

Дрейк хмуро взглянул на Деллу, сказал:

— Два агента представили мне рапорты о вашей деятельности прошлой ночью, мисс. Как я полагаю, вы неплохо повеселились.

— Я веселилась не для веселья, — возразила Делла.

— Что ты задумал, Перри? — спросил Пол Дрейк, обращаясь к адвокату. — Я специально зашел за разъяснениями.

— Мои идея превосходна, — ответил Мейсон. — Ты лучше скажи, что слышно насчет убитого? Труп опознан?

— Да, это Хепнер. Он убит выстрелом из револьвера. Однако, Перри, я принес плохие новости. Эта Билан из триста шестидесятой квартиры «Белинда эпартаментс» раскололась.

— Я так и предполагал, что у нее не хватит сил запереться, — сказал Мейсон. — Что она сказала?

— Успокойся, — ответил Дрейк, — скоро ты приобщишься к моей помощью к сверхсекретным архивам полиции. А пока они улыбаются и облизываются как сытые коты, которым удалось опрокинуть банку со сметаной.

— Скажи, есть шансы поговорить с ней?

— Ровно столько, сколько у человека, стоящего на Земле, с человеком на Луне. Полиция охраняет ее так плотно, что даже на милю не подойти к отелю, где она находится. Кстати, ее переселили в отель, дали номер из нескольких комнат и приставили к ней женщину-полисмена. Номер расположен в самом конце коридора, а напротив поместились два помощника районного прокурора, которые попеременно допрашивают ее. Эта часть коридора блокирована полицией. Детективы в штатском так и шастают, словно крысы на элеваторе. Я сообщаю тебе все эти подробности только потому, что ты пренебрегаешь ими.

— Что значит пренебрегаю?

— А то, что ты поместил Деллу в тот же самый отель всего за несколько часов до того, как туда вселилась полиция. Номер Деллы находится даже на том же этаже, что и Этель Билан.

Дрейк и Делла Стрит молча переглянулись.

— Итак, — продолжал Дрейк, — Этель Билан сообщила что-то очень важное, потому что полиция сразу же кинулась в город.

— Что именно?

— Не имею ни малейшего представления. И даже больше того: мне не позволили его иметь. Районный прокурор намеревается предъявить обвинение перед большим жури* и настаивает на немедленном проведении судебного процесса.

— Он не подавал жалобы?

— Ни жалобы, ни информации, ни предварительного слушания, ни одного шанса для тебя, чтобы подвергнуть свидетельницу перекрестному допросу перед судом присяжных, — ответил Дрейк. — А к тому времени у них будет все, Перри.

— Что еще? — спросил Мейсон.

* «Большое жури» — присяжные, решающие вопрос о подсудности данного дела. (Примеч. пер.)

— Кажется, у Элеонор Корбин есть разрешение на хранение револьвера 38-го калибра. Револьвер не найден. Но он был у нее несколько дней назад, когда она уезжала. Предполагают, что она брала его с собой. Где он сейчас, полиция не знает.

Мейсон задумался.

— Я понимаю, что ты ее хорошо запрятал, — сказал Дрейк, — однако, когда большое жюри поддержит предъявленное обвинение и полиция уведомит тебя и лечащего врача, что ей предъявлено обвинение в совершении убийства первой степени *, тогда ее будут рассматривать как укрывающуюся от правосудия, а те, кто ее укрывает, подвергнутся судебному преследованию.

Раздумывая, Мейсон прищурил глаза.

— Продолжай, Пол, — потребовал он.

— Далее, полиция обнаружила автомашину Хепнера. Она здорово разбита. Очевидно, столкнулась лоб в лоб. Но полиции пока не удалось выяснить, где произошло столкновение, откуда шла машина и все остальное.

— Где они нашли машину?

— В гараже. Ее доставили туда на каком-то тягаче ночью в прошлое воскресенье и оставили для ремонта. Рабочим гаража сказали, что Хепнер приедет за ней через сутки и что он просит отремонтировать двигатель и выправить кузов.

— А тягач? Полиция нашла его?

— Они не нашли никого с лицензией на тягач. Почему? Потому что это был обычный серийный автомобиль. Он подъехал, взял легковушку на буксир и уехал.

— Гараж здесь, в городе?

— Да, в городе. Принадлежит компании, производящей круглосточный экстренный ремонт.

— Полиция разговаривала с механиками?

— И полиция говорила, и мои люди тоже говорили, — ответил Дрейк. — Однако они помалкивают. Лично я думаю, что им что-то известно, но они не хотят рассказывать.

— Я полагаю, что полиция осмотрела машину? — высказал предположение Мейсон.

— Осматривали ли они машину! — воскликнул Дрейк. — Да они облазали ее вдоль и поперек! Они осмотрели каждый ее дюйм через микроскоп. Они работали в три смены, чтобы найти факты и представить их большому жюри к двум часам дня. Они выяснили, например, что машина, с которой столкнулся Хепнер, была черного цвета. Химический анализ краски дал основание предположить, что это был грузовик. Сейчас полиция ищет грузовую машину, прочесывая все гаражи города.

— Что еще? — спросил Мейсон.

— Я очень сожалею, Перри, но мне нечего больше сообщить, кроме разве того, что большое число посланных мною людей ничего не обнаружило. Ты хотел узнать, выданы ли брачные свидетельства интересующей нас пары, останавливалась ли она в отеле и не регистрировалась ли в качестве мужа и жены? Так

* «Убийство первой степени». — В юриспруденции США различают убийства трех степеней. Убийство первой степени — убийство преднамеренное или при отягчающих вину обстоятельствах, за которое предусматривается смертная казнь. (Примеч. пер.).

вот: ничего этого узнать не удалось. А для того чтобы прочесть все регистрационные документы, нужно выделить еще людей, и им надо заплатить.

— Понимаю, — сказал Мейсон.

— Я всю ночь не спал, — заметил Дрейк и добавил: — Но если надо, то продержусь еще часов двенадцать-пятнадцать, а потом уж заберусь в свою пещеру и буду спать, несмотря ни на что. И что бы ты с этого момента ни предпринял, Перри, ты окажешься в ловушке. А сейчас, насколько я понимаю, ты сидишь и ждешь телефонного звонка от своего друга — районного прокурора, который должен сообщить о том, что твоей клиентке Элеонор Корбин, или Элеонор Хепнер, это все равно, предъявлено обвинение и что она в капкане. И если она еще не в капкане, то будь любезен сообщить ее местопребывание. А если утаишь его, то, значит, ты выступаешь против интересов правосудия, что с точки зрения закона является преступлением и все такое прочее.

— А если районному прокурору не удастся зацепить меня? — спросил Мейсон.

— В таком случае к пяти вечера газеты поведают миру о том, что выдан ордер на арест преступницы, а она пытается избежать правосудия. Потянут за ушко доктора, а это ни ему, ни тебе по вкусу не придется.

Мейсон кивнул.

— Итак, — спросил Дрейк, — что я должен делать?

— Занимайся тем, Пол, чем занимался, но до тех пор, пока не будет предъявлено обвинение, а затем ступай домой и отоспись. Держи меня в курсе. Пусть твои агенты в Лас-Вегасе начнут прочесывать мотели. Поинтересуйся, под своими ли именами зарегистрировались в мотеле Сюзанна Гренджер и Дуглас Хепнер в ночь на тринадцатое, это, кажется, была пятница.

— Ну что ж, пусть будет пятница тринадцатого, — устало вздохнул Дрейк.

— Когда ты представишь информацию? — спросил Мейсон.

— Наверное, часам к двум, — ответил Дрейк. — Если ты прав, то, возможно, и раньше. Я же говорил тебе, что когда ищешь...

— Я тебя понял, — прервал его Мейсон. — Действуй.

— О'кэй, — бросил Дрейк и вышел.

— Ну и что теперь? — спросила Делла, вопросительно глядя на Мейсона.

— Нас раскрыли, — ответил Мейсон. — Твой отель кишит полицейскими. Стоит только тебе там появиться, как они тебя сцапают. Они проведут двойную проверку, обнаружат в твоём сейфе ценности и, конечно, захотят взглянуть на них. Если им потребуется ордер на обыск, они легко получают его в суде.

— Выходит, нужно бежать оттуда, бросив все.

— А у тебя там вещи?

— Все самые лучшие платья.

Мейсон задумался, затем сказал:

— Эту проблему мы решим чуть позже, Делла. Сейчас же в нашем распоряжении считанные минуты. Попробуй-ка дозвониться к доктору Ариелу.

Прошло две или три минуты, прежде чем Делле удалось разыскать по телефону врача.

— Хэлло, доктор, — приветствовал его Мейсон. — Извините, что побеспокоил вас. Я...

— Видите ли, я сейчас готовлюсь к операции, — прервал его доктор Ариел. — А что стряслось?

— Дело касается моей пациентки, — пояснил Мейсон. — Вы ее поместили в надежное место, не так ли?

— Совершенно верно.

— Теперь нам нужно взять ее оттуда.

— Зачем?

— Вероятно, ей предъявят обвинение в совершении убийства первой степени. С этого момента она автоматически превращается в лицо, скрывающееся от правосудия. В случае, если вы увидите газеты и узнаете, что объявлен ее розыск...

— Я редко читаю вечерние газеты, — прервал Мейсона доктор Ариел. — Так именно это вас беспокоит?

— Нет, не только это, — ответил Мейсон. — Я не хочу, чтобы вы оказались замешанным в эту историю.

— Я сделаю все, что в моих силах, Перри.

— Это все не то. Я думаю, что следует выдать миссис Хепнер и было бы лучше всего, если бы эту миссию взяли на себя вы. Как только газеты поступят в продажу и вы прочтете о ней, вы должны позвонить в полицию и сообщить ей, что миссис Хепнер находится под вашим наблюдением, что вы считаете своей обязанностью уведомить об этом власти, но что она нуждается в покое, находится под наблюдением психиатра и так далее. Кстати, а где она сейчас?

— В загородной лечебнице «Оук энд Пайнс».

— О'кей, — сказал Мейсон. — До свидания.

Он положил трубку на рычаг и взглянул на часы. Делла взяла папку со срочной почтой и положила ее на стол Мейсону.

— Я очень прошу вас уделить внимание письмам,

— Боюсь, что сейчас это не удастся, Делла.

— Я так и подумала.

Мейсон нахмурился.

— Тебе еще надо кое-что сделать, — сказал он.

— Что именно?

— Следует позвонить в отель и сообщить администратору, что ты собираешься с друзьями в Мехико. Попроси оставить за тобой номер на время отъезда и пообещай, что во избежание недоразумений с оплатой ты вышлешь почтой двести пятьдесят долларов.

— А где взять эти двести пятьдесят долларов? — спросила Делла.

— Ты их получишь из суммы на деловые расходы, — сказал Мейсон. — Счет направь Корбину. Да, с выбором отеля нам не повезло. Так что тебе не только не следует возвращаться в него, но даже и показываться там.

— Ну что же, — с огорчением произнесла Делла, — вот и закончилась моя бурная ночная жизнь.

Делла Стрит вошла в кабинет Перри Мейсона и положила на стол пачку утренних газет. Мейсон откинулся на спинку своего вращающегося кресла и стал их бегло просматривать.

— Звонил Пол Дрейк, — сказала она. — Его люди выяснили, что Сюзанна Гренджер и Дуглас Хепнер заказывали два номера в мотеле. Дата: пятница тринадцатого.

Мейсон сжал губы.

— Ну что ж, теперь мы знаем, что надо делать, — сказал он.

— Хорошее фото, — заметила Делла Стрит, кивнув на газетную фотографию, на которой была изображена Элеонор в сопровождении полицейской матроны с одной стороны и детектива с другой.

— Да, Ольга, очевидно, привезла несколько платьев из ее гардероба.

— Она до сих пор еще ничего не помнит, — не то спрашивая, не то утверждая, произнесла Делла.

— В том-то и дело, — сказал Мейсон, — Об этом как раз и пишут газеты. «Прекрасная наследница состояния», «Забытый уик-энд», «Нецелованная невеста, или Кто организовал поездку в Лас-Вегас?», «Я ничего не помню с момента страшной катастрофы», — заявляет наследница, обливаясь слезами».

— А что пишут об оружии? — спросила Делла.

— Оружие у нее было когда-то, но она его потеряла. У нее была возможность поискать револьвер, когда она собирала вещи, чтобы ехать с Хепнером. Не то, чтобы она хотела взять его с собой — просто, разбирая ящик стола, обнаружила, что револьвера нет. А кроме того, она понятия не имеет, где сейчас ее багаж.

— Интересно, а полиции это известно? — спросила Делла.

— Если верить Дрейку, то Этель Билан рассказала все.

— А вы уверены, что все?

— Багажом полиция, насколько я понимаю, пока не интересовалась.

— Но Этель Билан должна была...

В это время раздался телефонный звонок. Делла Стрит подняла трубку.

— Хэлло... да... — Делла повернулась к Мейсону, прикрыв рукой трубку. — Шеф, это личный звонок. Какая-то женщина спрашивает меня и говорит, что это очень важно. — Она отняла руку от микрофона и произнесла: — Да... Понимаю. Продолжайте, расскажите поподробнее.

Наконец она положила трубку на стол и записала что-то в блокнот. Потом отложила перо, снова взяла трубку, сказала:

— Хорошо, миссис Фримонт. Вам ничего не нужно делать. Не беспокойтесь. Да. Благодарю вас. И спасибо вам большое, что дали мне знать.

Делла положила трубку на аппарат и повернулась к Мейсону.

— Этель Билан рассказала все.

Перри Мейсон поднял брови в молчаливом вопросе.

— Звонила миссис Фримонт, управляющая домом, где я живу. К ней приезжал лейтенант Трагг из полиции с ордером, выданным ему судом на право обыска моей квартиры на предмет изъятия красно-белых клетчатых чемоданов, принадлежащих Элеонор Корбин, которую обвиняют в убийстве. Домоправительнице он предъявил копию ордера, потребовал у нее ключи, вошел в мою квартиру и обнаружил вещи. Он оставил ей расписку.

— Это очень важно, — сказал Мейсон. — Превосходно. Все сделано так, как требует того закон.

— Что теперь делать? — спросила Делла Стрит.

Мейсон пожал плечами.

— А как быть с камнями? — допытывалась Делла. — Ведь если камни улика, то не будет ли противозаконным избавиться от нее?

— Улика чего? — спросил Мейсон.

— Ну... улика... Я, право, не знаю — улика контрабанды, может быть.

— Почему ты думаешь, что камни ввезены незаконно?

— А убийство?

— А почему ты считаешь, что камни имеют отношение к убийству? Я связан обязательствами со своим клиентом. Если полиция свяжет эти камни с убийством и представит доказательства, тогда другое дело. Но эти камни находятся у меня как у адвоката. Откуда я знаю, а вдруг они явятся уликой чего-нибудь другого, например шантажа? Естественно, я не берусь предполагать, что они связаны в той или иной степени со смертью Дугласа Хепнера и, уж конечно, не намерен передавать их в руки полиции, которая тут же устроит из всего этого газетный бум. Это сослужило бы плохую службу.

— Выходит, что вы намерены крепко держать камешки в своих руках?

— Судя по нынешним событиям, да.

— А если они доберутся до вас?

— Постараюсь увернуться.

— Шеф, Пол Дрейк говорит, что полиция ликует, а Хэмильтон Бергер, районный прокурор, уже почил на лаврах, и они все вместе готовы обрушиться на вас.

— И что из того?

— Вы готовы парировать удар?

Мейсон покачал головой.

— Не сейчас. У меня связаны руки.

— Как бы мне хотелось, чтобы вы не связывались с этими камнями.

— А что мне прикажешь делать? Позвонить в полицию?

— Нет.

— Тогда что?

— Поговорить с клиенткой, спросить у нее об этих камнях и найти...

— Клиентка говорит, что ничего не помнит об этом, — возразил Мейсон.

— Ваша клиентка лжива насквозь! — воскликнула Делла Стрит.

— Однако, — сказал Мейсон, — если она вынуждена будет

отказаться от своих слов и признаться в том, что помнит все и расскажет всю правду, вот тогда-то камни и превратятся в улику, а меня обвинят в ее сокрытии.

— Ну что ж, — сказала Делла, — это рано или поздно случится. Но меня угнетает мысль о том, что Хэмилтон Бергер будет праздновать победу.

— Меня тоже, — признался Мейсон. — Но я не забываю и о том, что дело он еще не выиграл. Он бьет на то, чтобы как можно скорее начать процесс, а это как раз меня и устраивает.

— Не лучше ли вам подождать и посмотреть, как будут развиваться события?

Мейсон отрицательно покачал головой.

— Хэмилтон тугодум, да к тому же не склонен глубоко вникать в дело. Стоит ему только кинуться в атаку, вот тут-то и обнаружатся слабые места в его обороне. Если же я дам ему время, помощники помогут ему упрочить свои позиции. Поэтому, исходя из сложившейся обстановки, мы дадим ему возможность кинуться вперед с барабанным боем и фанфарами саморекламы.

Глава 10

Пытаясь мысленно разобраться в ситуации, Перри Мейсон окинул взглядом переполненный зал, где должно было состояться судебное заседание.

Сзади и немного сбоку сидела его клиентка, официально зарегистрированная под именем Элеонор Корбин, а неофициально известная как Элеонор Хепнер. В первом ряду кресел, где разместилась публика, сидел ее отец, рядом с ним Ольга. Ее настороженность, пристальное внимание ко всему происходящему создавали впечатление человека, во всем ищущего для себя выгоду. На фоне своей жены Билл Джордан вряд ли был в состоянии создать о себе хорошее впечатление в глазах присяжных. Он был слишком молодым для пенсионера. А его лицо, загоревшее от длительного пребывания на площадках для гольфа, отнюдь не говорило о том, что ему приходится много трудиться, зарабатывая на жизнь.

Но это были единственные люди, на которых мог рассчитывать Мейсон, чтобы отразить или, по крайней мере, попытаться ослабить тот удар, который приготовился нанести ему районный прокурор. Мейсон пока не знал, какими козырями тот располагал.

Допрос свидетелей, проведенный в присутствии членов суда присяжных, и на котором строилось обвинение, показал, что подзащитная Элеонор Корбин была в дружеских отношениях с Дугласом Хепнером, что из дома она уехала все с тем же Дугласом Хепнером, что из Юмы она отправила телеграмму, в которой сообщила о том, что выходит замуж, что две недели спустя было обнаружено тело Дугласа Хепнера, убитого в затылок выстрелом из револьвера калибра 0,38, что у подзащитной было подобное оружие, а также, что подзащитная

сообщила Этель Билан о том, что Дуглас Хепнер — ее друг, а Сюзанна Гренджер искажала правду. Далее было приведено высказывание подзащитной о том, что она убила бы Дугласа Хепнера, если бы тот посмел бросить ее, и было установлено, что именно в то время у нее был револьвер калибра 0,38. Далее стало известно, что подзащитная жила вместе с Этель Билан, квартира которой была смежной с квартирой Сюзанны Гренджер — молодой женщины, привлечшей внимание Дугласа Хепнера и вступившей с ним в контакт.

Эти факты соткали целую паутину косвенных улик, вполне достаточных для передачи дела на рассмотрение большого жюри. Однако их вряд ли хватило бы для вынесения приговора на судебном заседании. Поэтому Мейсон был уверен, что Хэмилтон Бергер, несомненно, держит в резерве улику, которая может решить исход дела. Но ни Перри Мейсону, ни людям из сыскаго агентства Дрейка никак не удавалось выяснить, какова же эта улика. Таким образом, Перри Мейсон впервые в своей практике оказался безоружным, не зная сути обвинения, предъявляемого его клиентке, не зная об улике, которую намеревался преподнести суду прокурор, не зная всей правды о том, что произошло с его подзащитной. Он оказался в таком положении, когда мог рассчитывать лишь на свои силы, на свою наблюдательность, на умение вести перекрестный допрос, с помощью которого ему удавалось добыть нужные ему факты из уст враждебно настроенных свидетелей.

Хэмилтон Бергер, районный прокурор, пылая от возбуждения и предвкушая триумф, открыл судебное заседание. Обрисовав в нескольких фразах положение вещей, он сказал:

— Итак, уважаемые члены жюри, мы выяснили, что ныне покойный Дуглас Хепнер был убит выстрелом в голову из револьвера, принадлежащего подзащитной. Подзащитная умышленно представила себя умственно неполноценной, находящейся в состоянии амнезии, которую можно назвать синтетической амнезией, то есть тщательно продуманной в целях защитить себя от уличающих вопросов, и которую психиатры расценили как чистейшую симуляцию.

— Одну минутку, ваша честь, — вмешался Мейсон. — Мне очень не хотелось бы прерывать вступительную речь районного прокурора, однако защита вынуждена отвести заявление любого психиатра, пытающегося представить себя читателем мыслей. Психиатрия как наука еще не настолько продвинулась вперед, чтобы любой ее представитель мог с уверенностью заявить...

— Я согласен, леди и джентльмены, — вмешался Хэмилтон Бергер, придав своему голосу ласковые нотки. — Я снимаю все свои заявления относительно свидетельства психиатров. Мы пригласим психиатров в суд в качестве свидетелей. Проверим их компетентность и попросим ответить на вопросы обвинения. Мы дадим шанс и защите, а затем предоставим право суду решить правомочность их ответов. А пока, в настоящий момент, я отвожу все свои заявления, которые сделал в связи с показаниями психиатров.

Итак, леди и джентльмены, такова в общих чертах кар-

тина дела, представленного на ваше рассмотрение. Так как некоторые свидетельские показания могут быть противоречивыми и так как мы хотим содействовать выяснению истины, в настоящее время я не намерен входить в подробности дела.

Воспользовавшись вмешательством Перри Мейсона, Хэмилтон Бергер решил не продолжать свои широкомасштабные обобщения. Он извинился перед членами жюри и сел.

Повернувшись к Полу Дрейку, Мейсон прошептал:

— Заметь, Пол, он заявил, что пуля была выпущена из револьвера подзащитной.

В это время поднялся судья Моран и обратился к Мейсону:

— Не желает ли защита сделать какое-либо заявление?

— Нет, ваша честь, — ответил Мейсон, — я оставляю за собой право сделать заявление позже. Возможно, я откажусь от него вовсе. Однако я полагаю, что жюри целиком и полностью осознает возложенную на обвинение ответственность, связанную с безусловным доказательством вины подзащитной. Если обвинение не сможет этого сделать, защита непременно воспользуется случаем и вообще не будет представлять каких-либо доказательств.

— Это что, вступительное заявление? — спросил Хэмилтон Бергер.

— Нет, — ответил Мейсон, — это заявление для членов суда.

— Значит, защита не собирается представлять каких-либо доказательств?

— По крайней мере, до тех пор, пока вы не представите серьезных улик. Закон предполагает невиновность подзащитной.

— Достаточно, джентльмены, — вмешался судья Моран. — Мне бы не хотелось, чтобы члены суда спорили между собой понапрасну. Прошу свои замечания адресовать только суду. Господин обвинитель, защита отказывается от заявления. Прошу пригласить первого свидетеля.

Хэмилтон Бергер поклонился, и на его устах заиграла улыбка, как бы показывая, что ничто не в состоянии поколебать его прекрасного расположения духа.

— Мой первый свидетель, — заявил он, — Рэймонд Орла.

Рэймонд Орла произнес клятву и сообщил, что является помощником следователя, что его вызвали в парк Сьерра Виста, где в 9.15 вечера 17 августа было обнаружено тело Дугласа Хепнера. Он сделал все, что при этом полагается, а также несколько снимков. Он изучил все фотографии, запечатлевшие место и положение тела. Он произвел осмотр трупа, не трогая его до тех пор, пока не были сделаны фотоснимки. Затем тело было доставлено в следственную лабораторию, где с него сняли одежду и произвели вскрытие. Различные стадии вскрытия были также зафиксированы на фотопленке.

Орла показал, что в затылке покойного было обнаружено пулевое отверстие, что, за исключением нескольких синяков, никаких других телесных повреждений или следов насилия не было. Он сообщил также, что хирург, производивший вскрытие, извлек пулю из головы убитого.

— Это все, — сладким голосом произнес Хэмилтон Бергер. — Не знаю, желает ли адвокат задать вопросы.

— О, всего один или два вопроса, — небрежно произнес Мейсон. — Куда девалась одежда, которую носил покойный?

— Ее сложили и убрали в ящик в кабинете следователя. Она и сейчас находится там, — ответил Орла.

— Все предметы туалета защита может исследовать в любое время, — вмешался Хэмилтон Бергер. — Я дам распоряжение следователю оказать вам содействие в этом вопросе. Вы можете ознакомиться с вещами в любой час дня или ночи. — И районный прокурор изобразил легкий поклон как бы в ожидании аплодисментов за свой благородный поступок.

— А где находятся личные вещи, я имею в виду предметы, находившиеся в карманах одежды? — задал вопрос Мейсон, игнорируя замечание прокурора.

— У меня есть их перечень, — ответил Орла, доставая из кармана записную книжку. — В карманах убитого находились следующие предметы: записная книжка, водительские права, авторучка, кожаный футляр с четырьмя ключами, носовая платок, один доллар и девяносто шесть центов мелочью, серебряный портсигар с шестью сигаретами.

— И это все? — спросил Мейсон.

— Да, сэр. Все.

— Где сейчас эти предметы?

— В кабинете следователя.

— Я намерен просить, чтобы их внесли в список вещественных доказательств, — сказал Мейсон. — Мне думается, они могут представлять важность, особенно записная книжка.

— Записная книжка была совершенно чистой, — заметил Орла.

— Вы имеете в виду, что в ней не было никаких записей?

— Абсолютно никаких. Страницы совершенно чистые. У записной книжки кожаная обложка с отделением для водительских прав и вставные странички. Очевидно, исписанные страницы были незадолго перед смертью ее владельца заменены новыми. Правда, там видно несколько царапин, сделанных пером авторучки.

— А водительские права? Что с ними? — спросил Мейсон.

— Они находились в книжке.

— Если суд не возражает, — сказал Мейсон, — я бы хотел немедленно приобщить эти предметы к вещественным доказательствам защиты.

— Ваша честь, — обратился к судье Хэмилтон Бергер, — я полагаю, что суд присяжных не будет возражать, если мы продолжим работу вопреки задержке со стороны защиты. Я не считаю нужным отвлекаться по каждому мелкому поводу.

— Я имею право попросить свидетеля предъявить эти предметы суду, — заявил Мейсон.

— Успокойтесь! Успокойтесь, господа, — вмешался судья Моран. — Эти предметы могут быть предъявлены в суд и зарегистрированы в качестве вещественных доказательств защиты. В настоящий же момент они могут служить лишь для

опознания, и защита может задать свидетелю вопросы относительно любого из упомянутых предметов.

— Благодарю вас, ваша честь, — сказал Мейсон и добавил: — Защита хотела бы ознакомиться с фотографиями вскрытия трупа.

— Я располагаю комплектом фотографий специально для защиты, — сказал Хэмильтон Бергер, протягивая пачку отпечатков жестом, явно рассчитанным на то, чтобы создать у присяжных впечатление готовности помочь делу.

— Очень вам благодарен, — сказал Мейсон. — У меня вопросов нет.

Теперь к свидетельской трибуне был вызван доктор Юлиус Оберон, который назвался судебным патологоанатомом и следственным экспертом. Он заявил, что производил вскрытие трупа и извлек при этом из полости черепа пулю от револьвера калибра 0,38, а также подтвердил, что попадание пули в затылочную часть головы вызвало мгновенную смерть. Он указал на месторасположение входного отверстия пули, охарактеризовал в общих чертах степень поражения мозга, прибавив, что других телесных повреждений, которые могли бы вызывать смерть, не было и что, по его мнению, смерть наступила примерно за сутки до проведенного им вскрытия.

— Можете задавать вопросы, — обратился прокурор к Мейсону.

Мейсон внимательно посмотрел на медика, который в этот момент поплотнее усаживался в свидетельском кресле, спросил:

— Вы заявили, доктор, что смерть наступила мгновенно?

— Да, сэр.

— На чем основано ваше утверждение?

— Я исхожу из характера раны, а также из повреждения мозговой ткани.

— Скажите, может ли такая рана привести к мгновенной и полной потере сознания?

— Конечно.

— Но не обязательно приводит к смерти?

— Что вы имеете в виду?

— Разве вам, доктор, не известны случаи, когда от раны в затылке происходит сильное кровоизлияние, иными словами, часто ли вы в практике сталкивались со случаями повреждения мозговых тканей, в результате которого происходило экстенсивное кровоизлияние?

— Да, конечно. У меня было несколько случаев сильного кровоизлияния.

— Чем вызывается кровоизлияние, доктор?

— Как это чем? Просто кровь разливается по телу через поврежденные стенки кровеносных сосудов.

— Значит, кровь разливается в результате работы сердца, не правда ли?

— Естественно.

— Следовательно, в тех случаях, когда человек находится в бессознательном состоянии, его тело еще какой-то период времени живет и об этом дает знать все еще работающее сердце, которое наполняет сосуды кровью?

— Да, сэр. Вы совершенно правы.
— Как вы считаете, доктор, нынешний случай аналогичен?
— Абсолютно непохож. В данном случае кровотечение было незначительным.

— Скажите, вы заметили пятно крови на земле возле головы убитого?

— Да, сэр. Наружное кровотечение имело место, но весьма незначительное.

— А внутреннее?

— Было и внутреннее, но его нельзя назвать экстенсивным.

— Таким образом, в связи с отсутствием сильного кровотечения вы пришли к выводу, что смерть наступила мгновенно, не правда ли?

— Не только в связи с этим, но исходя также из месторасположения раны и сильного повреждения мозговой ткани.

— Вам приходилось видеть раны с равной степенью повреждения и наличием значительного кровоизлияния, когда пострадавший еще жил некоторое время, находясь в бессознательном состоянии?

— Да, сэр.

— А теперь, доктор, скажите, вам не приходило в голову, что человек мог быть убит где-то в другом месте, а затем его тело перенесли туда, где оно и было обнаружено?

— Да, сэр, я думал об этом.

— И вы отрицаете подобную возможность?

— Да, отрицаю. Но это моя личная точка зрения.

— Могу я вас просить, доктор, обосновать эту точку зрения?

— Я исхожу из природы и размера раны, степени повреждения мозга, природы кровоизлияния, положения пятна крови на земле, отсутствия запекшейся крови, положения тела... ну и так далее.

Мейсон сказал:

— Значит, по вашему мнению, доктор, выходит, что кто-то, стоявший за спиной пострадавшего, выстрелил ему в затылок из револьвера, после чего мгновенно или почти мгновенно наступила смерть?

— Совершенно верно, за исключением лишь одного обстоятельства.

— Какого?

— Пострадавший в момент своей смерти мог находиться в сидячем положении. Я полагаю, что именно так оно и было. Исходя из положения, в котором было найдено тело, я склонен думать, что человек сидел на траве, подогнув справа от себя ноги, левой рукой он опирался о землю. В этом случае, учитывая, что пулевой канал направлен не сверху вниз, можно предположить, что стрелявший тоже сидел на земле, где-то сзади. Может быть, он нагнулся или присел на корточки, но так или иначе дуло его револьвера находилось на уровне головы жертвы.

— Благодарю вас, — заключил Мейсон. — У меня все, доктор.

— Вопросов больше нет, — сказал Хэмилтон Бергер. —

А сейчас я прошу пригласить для дачи показаний Мертона Бослера.

Наблюдая за Хэмилтоном Бергером, Мейсон заметил, как районный прокурор все время поглядывал на часы, как бы стараясь сохранить график ведения дела.

Мертон Бослер назвался экспертом-баллистом. Он заявил, что присутствовал при вскрытии трупа и видел, как доктор Оберон извлек из полости черепа фатальную пулю и поместил ее. Затем он передал пулю ему — специалисту по баллистике.

Спустя четверть часа, в течение которых Хэмилтон Бергер мастерски засыпал его вопросами, Мертон Бослер в заключение подтвердил, что представленная ему на опознание пуля — та самая, которая была извлечена из черепа убитого, что она выпущена из револьвера 0,38 калибра системы Смит и Вессон. Пуля вместе с комплектом увеличенных фотоотпечатков была представлена в качестве вещественного доказательства. После этого судьи с мрачным видом осмотрели пулю, как если бы были в состоянии изменить показания эксперта.

— Итак, — продолжил свои вопросы Хэмилтон Бергер, — скажите, вы осматривали место происшествия в поисках орудия убийства?

— Да, я присутствовал при осмотре места преступления.

— И вы обнаружили поблизости оружие?

— Не сразу.

— Скажите, — торжествуя спросил Хэмилтон Бергер, — каким прибором вы пользовались для поисков оружия?

— Миноискателем.

— Что вам удалось найти?

— Мы обнаружили несколько металлических предметов, не имеющих отношения к данному делу. Это был старый заржавленный перочинный нож, затем ключ для вскрытия банок из-под сардин, потом...

— Ну, ну, продолжайте, — поторопил эксперта Хэмилтон Бергер, — все эти предметы не имеют никакого значения. Что еще вы обнаружили из того, что представляет интерес?

— Мы обнаружили револьвер системы Смит и Вессон калибра ноль тридцать восемь, в обойме которого не хватало одного патрона. Номер револьвера сорок восемь тысяч восемьсот девять.

— Прекрасно! — воскликнул Хэмилтон Бергер. — Скажите, вы проводили баллистическую экспертизу этого оружия?

— Да, сэр.

— И каков результат?

— Пуля, извлеченная из черепа убитого, и другая, которая была выпущена из ствола револьвера в лабораторных условиях, имеют одинаковые характеристики.

— Мистер Бослер, скажите, вы наводили справки о том, кому было продано это оружие?

— Да, сэр.

— И вы нашли регистрационную карточку владельца этого револьвера?

— Да, сэр. Нашел.

— Назовите имя, указанное на этой карточке.

- Элеонор Корбин.
- Скажите, есть ли ее подпись на этом документе?
- Да, сэр.
- У вас есть фотокопия этого документа?
- Есть, сэр.

Во всем облике Хэмилтона Бергера так и сквозила елейность.

— Ваша честь, приближается время вечернего перерыва. Поэтому я бы попросил копию этого документа представить вам немедленно. Я еще не успел доказать, что подпись, стоящая на свидетельстве о продаже оружия, принадлежит подзащитной — Элеонор Корбин. Но я намерен завтра утром с помощью эксперта-графолога доказать это. Однако я полагаю, что характер документа не позволяет сомневаться в подлинности подписи, а потому считаю, что копия вполне может стать вещественным доказательством.

— Возражений не имею, — сказал Мейсон, беззаботно улыбаясь и всем своим видом показывая, что слова свидетеля не имеют ни малейшего значения для его подзащитной. — Мы будем настаивать на том, чтобы регистрационная карточка, вернее ее копия, была приобщена к числу вещественных доказательств с тем, чтобы помочь районному прокурору избежать лишних хлопот, связанных с необходимостью выявления подлинности подписи подзащитной.

На лице Бергера отразилось удивление.

— Вы на этом будете настаивать? — спросил он.

— Конечно. А почему бы и нет? — ответил Мейсон с любезной улыбкой на лице.

— Прекрасно, — подвел итог судья Моран. — Копия, предъявленная обвинением, принимается в качестве вещественного доказательства. В судебном заседании объявляется перерыв до десяти часов следующего дня.

Когда толпа зрителей покинула зал заседаний, Делла Стрит и Пол Дрейк подошли к адвокатской ложе.

Мейсон повернулся к Элеонор.

— Это действительно ваш револьвер? — спросил он.

— Да, мой.

— А как он оказался там, где его нашли?

— Мистер Мейсон, даю вам честное слово, я абсолютно ничего не помню. Я брала его с собой для личной защиты. Вы же знаете, что существует немало случаев, когда женщинам приходится защищаться, и... одним словом, жизнь моя не отличалась спокойствием. Мне зачастую приходилось перевозить отцовские драгоценности. Кстати, сама полиция посоветовала мне иметь при себе в таких случаях оружие. Этот револьвер специально сделан для того, чтобы его носить в кармане или в дамской сумочке.

— Значит, когда вы уехали в так называемое свадебное путешествие, вы взяли его с собой?

— Да, он был при мне.

— Когда вас задержала полиция, револьвера при вас уже не было?

— Само собой разумеется, мистер Мейсон, — ответила Элеонор, слегка улыбнувшись. — Его при мне не было. При мне

вообще почти ничего не было. Как писали газеты, моей одеждой было «трепещущее на ветру прозрачное покрытие».

— Черт вас возьми, — сердито закричал Мейсон, — перестаньте же шутить! С помощью этого револьвера вас обвинят в убийстве! Вы уехали из дому с Дугласом Хепнером. Он убит. И убит из вашего оружия.

— Но это произошло через две недели после нашего отъезда. А за две недели многое могло случиться.

— То, что еще могло случиться, пока не имеет никакого значения, — вспыхнул Мейсон. — Но поймите же, его убили шестнадцатого, и убили из вашего оружия, в нескольких сотнях ярдов от того места, где вы разгуливали в полуголом виде. И я хочу знать: что же все-таки произошло, чтобы попытаться спасти вас от смертного приговора или пожизненного заключения.

В это время женщина в полицейской форме сделала Элеонор знак следовать за ней. Элеонор поднялась. Спеша закончить свою мысль, Мейсон бросил ей вслед:

— Хочу надеяться, что вы все-таки постараетесь к десяти утра восстановить свою память, ибо в противном случае...

Когда Элеонор увели, Мейсон подхватил Деллу Стрит под локоть, кивнул Полу Дрейку и, шепнув обоим: «Давайте-ка выйдем и поговорим», покинул зал заседаний и вошел в комнату свидетелей. Захлопнув ногой дверь, он произнес:

— Ну вот, здесь нам никто не помешает.

— Так что ты намерен предпринять в данной ситуации? — спросил его Дрейк.

Мейсон пожал плечами.

— Теперь ты понимаешь, — снова спросил Дрейк, — почему Бергер заинтересован в судебном разбирательстве? Господи, Перри, этого дела тебе не выиграть!

Мейсон расстегнул пиджак и нервно заходил по комнате из угла в угол.

— Сейчас очень важно, чтобы Элеонор сказала мне всю правду, — наконец произнес он.

— Она не говорит правды, потому что не может ее сказать, — заметил Дрейк. — Она убила его. Ставлю один против миллиона, что это ее работа.

— Шеф, — вступила в разговор Делла, — может быть, есть смысл зацепиться за то, кому принадлежит револьвер? Пусть, револьвер ее. Он зарегистрирован на ее имя. Но ведь его могли и украсть.

— Все это верно, — согласился Мейсон. — Это единственный аргумент защиты. Но вы не заметили ловушку, которую готовит мне Бергер.

— Какую ловушку?

— Он рассчитывает на это. Он хочет, чтобы я выдвинул именно этот аргумент. А вот тогда он представит своего главного свидетеля.

— Кого же?

— Этель Билан.

— А что она может знать?

— Не знаю, — пожал плечами Мейсон. — Вероятно, она заявит, что за несколько часов до убийства видела у Элеонор

Корбин револьвер. Бог знает, что еще она хочет сообщить, но готов заложить последний доллар, что ее заявление будет сокрушительным. В противном случае вряд ли Бергер поместил бы ее в самый дорогой отель, приставил к ней охрану да еще к тому же лишил ее контактов с внешним миром.

— Это верно, — угрюмо согласился Дрейк. — Но мы должны что-то предпринять, Перри. Нет смысла сидеть сложа руки.

— Конечно, нужно что-то предпринять, — сказал Мейсон, и в глазах его вспыхнул огонек. — Нам нужно найти такие факты, которые обвинению пока еще неизвестны. Найти их надо быстро и с их помощью доказать, что же произошло в действительности. Давай-ка, Пол, лучше посмотрим на это дело с точки зрения логики. Не будем торопиться и давать себя загипнотизировать. Итак, что у тебя в карманах?

— У меня? В моих карманах? — удивленно спросил Дрейк.

Мейсон утвердительно кивнул.

— Всякий хлам, — ответил Дрейк с недоумением.

— Вынь-ка его, — сказал Мейсон, — и положи на стол.

Дрейк вынул из кармана карандаш, авторучку, записную книжку, портсигар, зажигалку, связку ключей, носовые платки, бумажник, немного мелочи, водительские права, два распечатанных письма, расписание авиарейсов, пачку жевательной резины. Мейсон задумчиво рассматривал все эти предметы.

— И что же этим доказано? — прервал молчание Дрейк.

— Это, — сказал Мейсон, — и есть то, о чем мне хотелось бы знать. И ты кое-что этим доказал.

— Ничего не понимаю, — признался Дрейк.

— Ты доказал контраст между вещами, находящимися в твоём кармане, которые, вероятно, можно обнаружить у любого делового человека, и вещами, найденными в карманах Дугласа Хепнера, о которых упоминал судебный следователь.

— Ну что ж, конечно, — пробормотал Дрейк, — я...

— А теперь подумаем вот о чем. Хепнер курил. Он держал сигареты в портсигаре. А где его спички? Где его нож? Ведь почти каждый мужчина имеет при себе перочинный нож. У него было найдено немного мелочи, но не было банкнот. Были у него и водительские права, но не было членской карточки ни одного клуба, даже адресов не было, ничего такого.

Дрейк молча раздумывал.

— Господи, Перри! — вдруг воскликнул он. — А тебе не показалось, что у него в карманах слишком уж мало вещей?

— Именно это я и имел в виду, — ответил Мейсон, а затем спросил: — Где Хепнер жил?

— Как раз этот вопрос, — ответил Дрейк, — и волнует сейчас полицию. Официально он проживает в «Диксикрат эпартаментс». В этом пансионе за ним числится квартира, но неизвестно, жил ли он там. Квартиры обслуживают горничные, одна из которых сказала, что были случаи, когда в течение нескольких дней кряду, а то и недель, на его постели никто не спал, простыни оставались несмятыми и полотенцами в ванной никто не пользовался. В холодильнике не было продуктов. Он не сдавал белья в прачечную и...

Внезапно Мейсон звонко щелкнул пальцами.

— Ты что? — спросил Дрейк.

— Вот оно! — воскликнул он. — Прачечная! Пойдем, Пол!

— Куда?

— К следователю. Ведь нас приглашали посмотреть на вещи покойного, которые были на нем в момент смерти. Пойдем посмотрим, были ли на них ярлычки прачечной. Ведь не стирал же он вещи сам, дома.

— О'кэй, — согласился Дрейк, — может быть, найдем что-нибудь, хотя... а, черт, Перри, ведь если на вещах были ярлычки из прачечной, то полиция обнаружила их давным-давно.

— И все же я хочу взглянуть на вещи до того, как их предъявят мне на суде, — сказал Мейсон. — Представь себе на минутку, что моя клиентка говорит правду. Представь, что она действительно не в состоянии вспомнить о том, что произошло. Представь, что это убийство подстроено и она не может...

— Один шанс против пятидесяти миллионов, — возразил Дрейк. — Ведь ее обследовали психиатры, и все в один голос заявили, что она симулирует. И в тот самый момент, как только ее вызовут в свидетельскую ложу и она скажет, что ничего не помнит, ее подвергнут перекрестному допросу, и она развалится как вареный салатный лист. А затем прокурор бросит в бой роту психиатров, и они докажут, что она лжет.

— Ну хорошо, — возразил Мейсон, — если она лжет, я постараюсь не допустить, чтобы ее вызвали в свидетели. Но прежде я должен доказать самому себе, что она лжет. Послушай, Пол, у тебя в конторе есть ультрафиолетовый свет?

— Есть маленькая лампа и даже два типа фильтров, которые...

— Отлично, — сказал Мейсон, — тащи ее сюда. Сейчас во многих прачечных номера на белье пишут флуоресцентными чернилами. Это может дать нам в руки ключ. Кстати, насчет ключей. Их, кажется, было четыре. Ты не знаешь, полиция нашла замки, к которым они подходят?

— Один из них от квартиры в «Диксикрат эпартаментс». О других я не знаю.

— О'кэй, — сказал Мейсон. — Да, Пол, захвати с собой кубик воска. Пока я буду отвлекать внимание, постарайся сделать слепки с ключей.

— Тебе нужны копии? — спросил Дрейк, и в его голосе слышались нотки сомнения.

— А что, закон это запрещает?

— Черт его знает, Перри. Ты закон знаешь лучше.

— Тогда делай то, что я тебе говорю. Мне нужны копии всех ключей. Нам нужно работать. Мы будем искать то, что против нас.

Глава 11

Усталый сотрудник отдела судебного следователя сказал:

— Мне придется пригласить сюда либо районного прокурора, либо кого-нибудь из полиции.

— Сегодня в суде было объявлено, что нам разрешено осмотреть вещи Дугласа Хепнера, — заметил Мейсон.

— О, тогда все в порядке, — согласился служащий. — У меня нет причин, чтобы отказать вам. Прошу следовать за мной.

Пройдя длинный коридор, он вошел в комнату с множеством

пронумерованных ящиков, размещенных вдоль стен. Отперев ключом один из них, он сказал:

— Прошу. Вот эти вещи.

— У покойного была в карманах всякая мелочь, — сказал Мейсон, — авторучка, записная книжка и всякое такое...

— А это все здесь, в этом маленьком ящичке. — Служащий отпер еще один замок и выложил всю мелочь на стол. — Вот так и работаю, — вздохнул он. — Нужно знать назубок, где что лежит.

— Ничего не поделаешь, — согласился Мейсон, сделав выразительный знак Делле Стрит.

— Боже мой, вот это работа! — воскликнула Делла, направляясь к противоположной стене, где размещались такие же запертые на замки и пронумерованные ячейки. — Как секретарь, я вполне понимаю вас и разделяю ваши трудности, — засмеялась она.

Взгляд служащего потеплел, и он, подойдя к Делле, принялся рассказывать ей о том, чем ему приходится заниматься. Делла проявила живой интерес к рассказу. Как бы машинально она направилась в соседнюю комнату, увлекая за собой и охранника, который, бросив взгляд на Мейсона, послушно отправился за Деллой, отвечая по дороге на ее вопросы.

Мейсон принялся осматривать одежду.

— Костюм шит у частного портного, Пол, — заметил он. — Но его клеймо тщательно срезано. Может быть, это работа полиции?

— Сомневаюсь, — ответил Дрейк. — Но срезано аккуратно.

— Взгляни на белье, вон там, под пиджаком, — сказал Мейсон. — И давай сюда свою ультрафиолетовую лампу.

Дрейк приподнял пиджак, включил лампу и направил ее луч на стопку нижнего белья. И почти тотчас же на нем проступили цифры.

— Вот они! — воскликнул Мейсон. — Записывай, Пол. — Он тщательно расправил белье. Теперь номер был ясно виден: H-4464.

— Быстро, — прошептал Мейсон. — Убирай лампу, Пол. Я не хочу, чтобы охранник сообщил полиции, чем мы здесь занимались. А главное, я не намерен дарить им идеи.

— А как быть с костюмом? — спросил Дрейк.

— Не будем его трогать, — сказал Мейсон. — Давай-ка лучше снимем оттиски с ключей. Я подниму пиджак и загорожу тебя от охранника.

Охранник, посмотрев в их сторону, вдруг повернулся и направился обратно к столу. Заметив это, Делла поспешно отвлекла его каким-то новым вопросом. Тем временем Мейсон приподнял пиджак и, держа его за плечики, сделал вид, что рассматривает на нем швы. Делла обернулась к какому-то ящику и задала служащему новый вопрос:

— Скажите, а это что такое?

Однако охранник, заподозрив неладное, быстро направился к Мейсону. Тот же, продолжая держать пиджак за плечики, стал поворачивать его перед лицом охранника то в одну, то в другую сторону, заслоняя им Дрейка.

— Ребята, чем вы тут занимаетесь? — спросил служащий.

— Нам бы хотелось найти хоть один ярлык, — заметил Мейсон, как ни в чем не бывало, — а они все срезаны.

— Кто же их срезал? — резко спросил охранник.

— Откуда мне знать? — парировал Мейсон. — Здесь ваша вотчина.

— Ярлыки были на месте, когда вещи поступили сюда.

— Были на месте?! — В голосе Мейсона послышалось удивление. — Так куда же они подевались?

— Вам придется задать этот вопрос в полиции, — довольно грубо ответил служащий. — Мне разрешили пустить вас затем, чтобы вы только взглянули на вещи. Районный прокурор распорядился показать вам их, и все. Так что валяйте смотрите. А что делает тот парень?

Дрейк выпрямился, держа в руках связку ключей.

— Я изучаю ключи, — сказал он, — стараюсь найти на них номера.

Охранник рассмеялся:

— Полиция тоже пыталась найти их, однако...

— Тогда все в порядке, — сказал Дрейк, кидая связку ключей на стол. — Нечего и смотреть. Как у тебя дела, Перри? Все посмотрел, что хотел?

— Думаю, что да, — ворчливо пробормотал Мейсон. — Можно идти.

Когда они вышли на свежий воздух и отошли подальше от помещения, где пахло трупами, формалином и смертью, Дрейк спросил:

— Ну и что теперь?

— Приступай к работе, Пол, — ответил Мейсон. — Тебе предстоит найти прачечную, и сделать это надо быстро.

— Имей совесть, Перри, я голоден как волк, — взмолился Пол. — Мы все равно ничего не добьемся, пока...

— Начни с полицейского участка, — невозмутимо продолжал давать наставления Мейсон, — используй свои связи. Поговори с секретаршей ассоциации прачечных...

Дрейк застонал.

— Предвижу, что за ночь мне предстоит.

— Торопись. Это надо сделать как можно быстрее. Ярлычки эти играют огромную роль. А то Хэмилтон Бергер уже празднует победу. Действуй, старина. Да, кстати, ты успел снять слепки с ключей?

— Конечно, успел. В самый последний момент перед тем, как этот парень вернулся. Я даже подумал, что он застучает меня.

— Ничего страшного не произошло бы, — успокоил Мейсон. — Раз нам дали разрешение, мы имели право даже сфотографировать их.

— беру на себя изготовление ключей, Пол, — вмешалась в разговор Делла Стрит. — Возле моего дома есть слесарная мастерская, там быстро все сделают. А если слесаря не будет на месте, я знаю, где его найти. Вы, шеф, идите к себе в контору, и, как только ключи будут готовы, я возьму машину и привезу их вам.

— Ну тогда все в порядке, — сказал Мейсон. — За дело, друзья!

Приехав в контору, Мейсон стал в раздумье прохаживаться

по комнате из угла в угол. Так прошло пятнадцать минут, двадцать, час... Внезапно зазвучал зуммер спецтелефона. Мейсон снял трубку. У аппарата был Дрейк.

— Кажется, я кое-что нащупал, Перри. Мне удалось разыскать секретаря этой прачечной ассоциации, который и объяснил, что номер на белье — код. Также он сообщил мне имя менеджера прачечной, и я сейчас пытаюсь связаться с ним. Надеюсь что-нибудь разузнать в самое ближайшее время. Когда мы будем ужинать, Перри?

— Когда покончим с этим делом.

— Послушай, Перри. Мне вполне хватит, если ты пришлешь мне снизу гамбургер *. Это, конечно, немного, но гамбургер и приличный кувшинчик с кофе сделают доброе дело.

— Перекусим, когда вернется Делла, — ответил Мейсон. — Если перерыва не наметится, я пришлю тебе чего-нибудь.

— О'кэй, — произнес в трубку Дрейк. — Думаю, что скоро сообщу тебе о грязном бельешке. Да, но почему владелец белья значится под буквой Н? Выходит, Хепнер пользовался вымышленным именем.

— Вполне возможно, — согласился Мейсон. — Вообще фигура этого Хепнера весьма загадочна и таинственна.

— Ну ладно, — заключил Дрейк, — скоро дам о себе знать. Прошло еще минут десять, и в дверях кабинета появилась Делла, радостно позванивая связкой ключей.

— Все в порядке? — спросил Мейсон.

— Все в порядке, шеф. На всякий случай мне сделали по две копии с каждого оттиска и дали надфиль. Слесарь посоветовал подпилить края, если ключ будет плохо входить. Кроме того, он просил передать, что готов оказать вам любую услугу и в любое время, только дайте знать.

— Ну что ж, это может пригодиться, — сказал Мейсон, а затем, слегка нахмурившись, заметил: — Похоже на то, что вы вместе со слесарем уже решили, что раз есть ключи, то и замки тоже.

— А какой смысл иметь ключи и не пользоваться ими? — возразила Делла.

— Все это еще под вопросом, Делла, — сказал Мейсон. — Давайте-ка лучше спустимся вниз к Дрейку и узнаем, как у него обстоят дела. Он грозился вот-вот разузнать что-то важное и предложил отметить это событие гамбургерами с кофе.

Они выключили свет и зашагали вдоль по коридору к конторе Дрейка. Заметив их, ночная телефонистка кивком головы пригласила зайти.

Мейсон открыл деревянную решетку, пропустил вперед Деллу и последовал за ней по длинному узкому коридору. По обе его стороны находились десятки дверей, за которыми размещались комнаты, где агенты Дрейка беседовали со свидетелями, писали рапорты, проводили экспертизы.

Когда Мейсон и Делла вошли в кабинет Дрейка, тот разговаривал по телефону. Он сделал рукой жест, приглашая войти, и продолжал разговор:

* Г а м б у р г е р — бутерброд с котлетой.

— ...минуту, дайте я запишу. Та-ак, Фрэнк Ормсби Ньюберг, Титтерингтон эпарментс в Элмвуд-плейс... Вы не скажете, сколько времени он там жил?... Понятно... Номер той же самой прачечной? Да?... Хорошо, спасибо... Нет, нет, это обычная проверка при утере чемодана. Извините, что потревожил вас в столь поздний час. Да, это из частного сыскного агентства Дрейка... Конечно, заходите. О'кэй, всего хорошего.

Дрейк положил трубку и сказал:

— Итак, мы его нашли. Это Фрэнк Ормсби Ньюберг. Адрес: «Титтерингтон эпарментс» в Элмвуд-плейс.

Окончание в следующем выпуске

Перевел с английского Д. РОЗАНОВ

На I, IV стр. обложки и на стр. 2 и 55 рисунки Ю. МАКАРОВА.

На II стр. обложки и на стр. 56 рисунки Н. ГРИШИНА.

На III стр. обложки и на стр. 72 и 128 рисунки В. ЛУКЬЯНЦА.

Под редакцией А. В. НИКОНОВА и В. А. РЫБИНА

Редакторы выпуска: В. РЫБИН, Ю. ПЕРЕСУНЬКО

Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА

Технический редактор А. БУГРОВА

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

**Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а.
Тел. 285-80-10, 285-88-84.**

Сдано в набор 13.05.80. Подп. к печ. 24.06.80. А02678.
Формат 84×108^{1/32}. Печ. л. 4 (усл. 6,72). Уч.-изд. л. 10,3.

Тираж 250 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 792.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30,
Суцевская, 21.

Андрей СЕРБА — Выиграть время

Владимир МАЛОВ — Тот, кто вернется!

Эрл Стенли ГАРДНЕР — Дело очаровательного призрака

Цена 40 коп.

